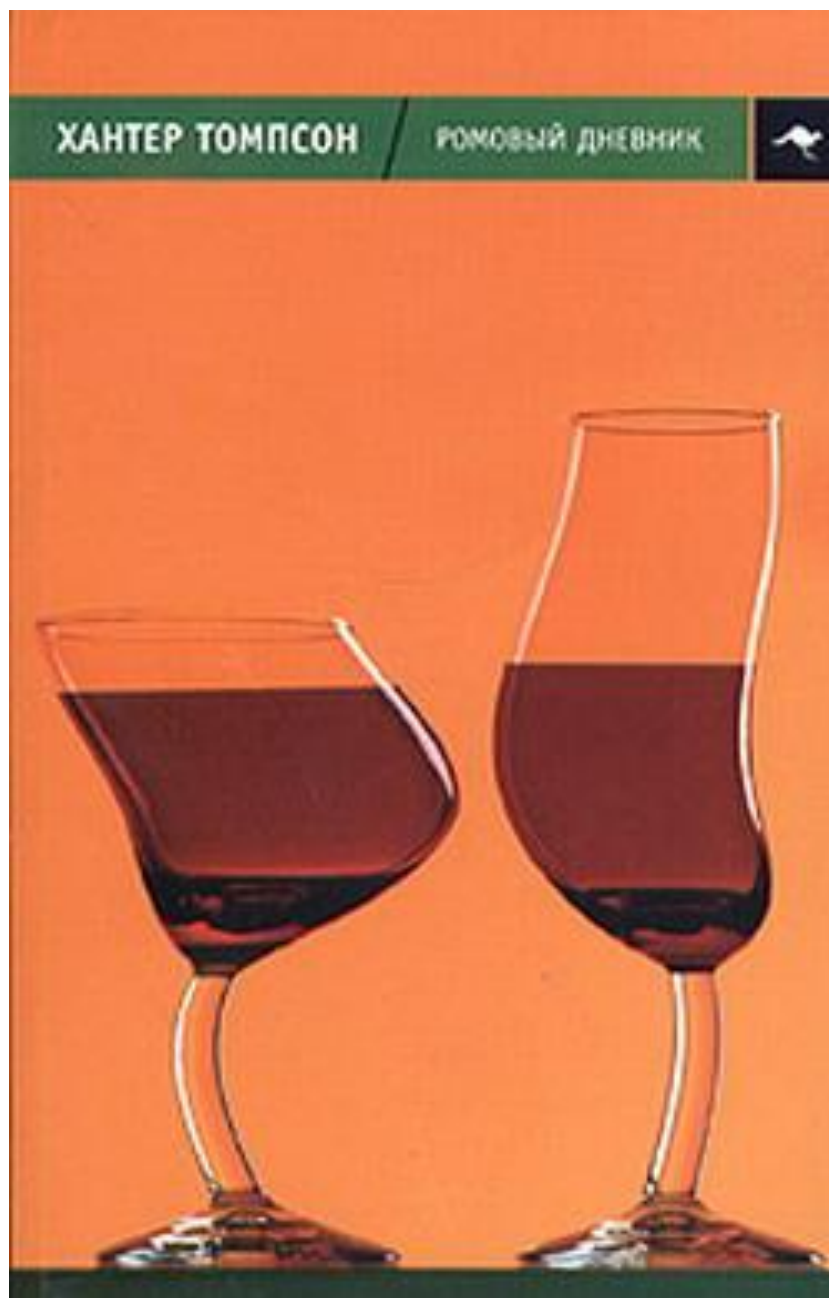

Хантер С. Томпсон

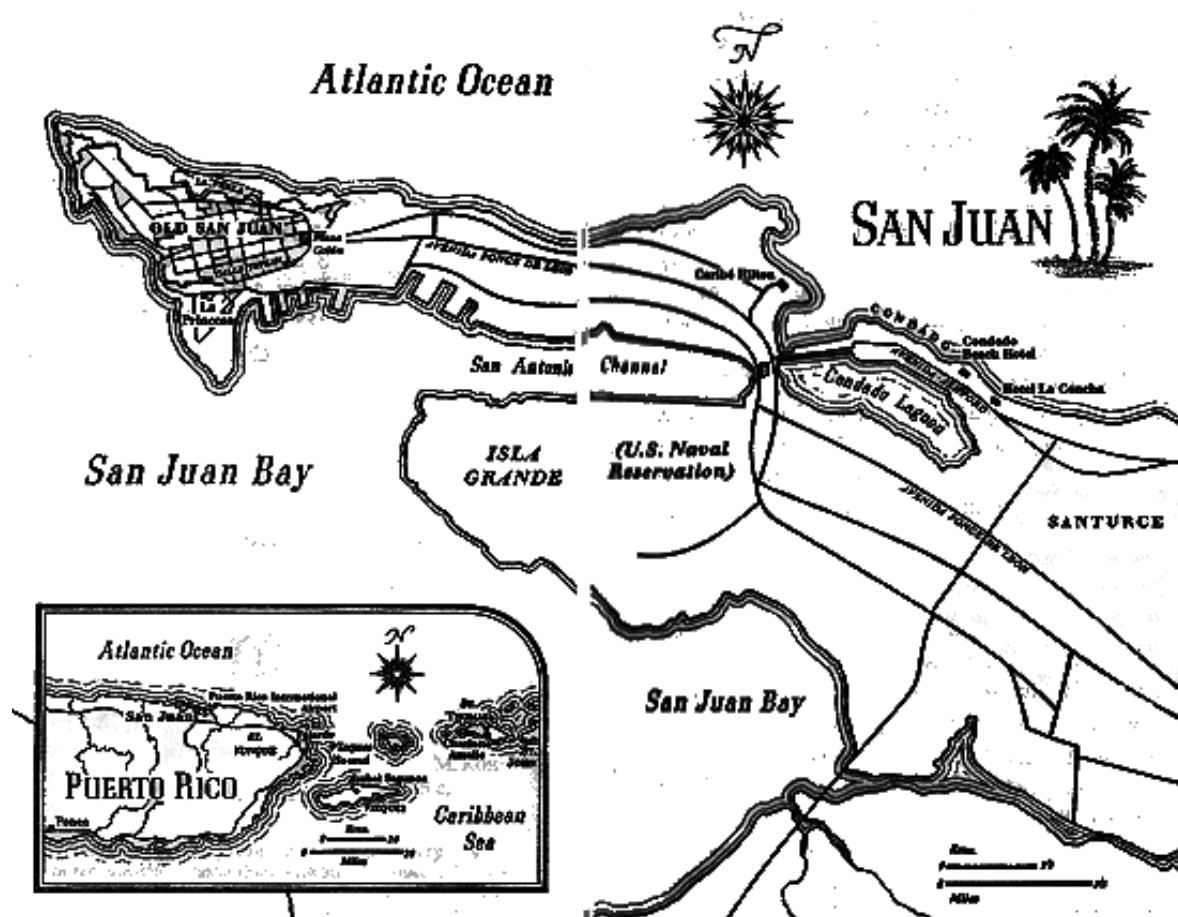
Ромовый дневник

Всадник мой ясноглазый,
Что вчера с тобой случилось?
Знала, в сердце ты у меня,
Покупала одежды нарядные -
Тебе, кого мир не погубит.
Смуглая Айлин О'Коннелл
1773

Захватывающее, удивительно правдивое и трагичное повествование — таков «Ромовый дневник» американского писателя и журналиста Хантера Томпсона. Написанный в 1959 году, роман был опубликован автором лишь четыре года назад.

САН-ХУАН, ЗИМА 1958 ГОДА

В начале пятидесятых, когда Сан-Хуан только-только сделался туристским городком, один бывший жокей по имени Эл Арбонито устроил бар у себя в патио на Калле-О'Лири. Он назвал его «У Эла на задворках» и прибил над уличной дверью вывеску, где стрелка указывала промеж двух ветхих строений в патио на задний двор. Поначалу Эл не подавал ничего, кроме пива, по двадцать центов за бутылку, и рома, по десять за порцайку или по пятнадцать — со льдом. Через несколько месяцев он стал подавать гамбургеры, которые сам же и делал.

Славно бывало там выпить — особенно по утрам, когда солнце оставалось прохладным, а с океана приплывал соленый туман, придавая воздуху бодрящий, здоровый аромат, который несколько ранних часов отстаивал свои позиции против влажного пекла, что клещами стискивает Сан-Хуан в полдень и держится еще долго после заката.

По вечерам там тоже бывало неплохо, но не так прохладно. Порой налетал ветерок, и «Задворки» обычно его ловили. Все дело было в удачном расположении — на самой вершине холма Калле-О'Лири, — так высоко, что, будь у патио окна, запросто можно было бы окинуть взором весь городок. Впрочем, патио окружала толстая стена, и видно оттуда было разве что небо да несколько банановых пальм.

Со временем Эл купил новый кассовый аппарат. Затем он купил для патио деревянные столики с зонтиками. Наконец, он вывез свою семью из дома на Калле-О'Лири в пригород, к новому урбанизасьону у аэропорта. Дальше Эл нанял здоровенного негра по кличке Гуталин мыть тарелки и разносить гамбургеры. Постепенно Гуталин и стряпать выучился.

Из своей бывшей столовой Эл изобразил небольшой бар с фортепиано и пригласил из Майами пианиста — тощую личность с грустной физиономией по имени Нельсон Отто. Фортепиано располагалось аккурат посередине между коктейльным залом и патио. Старый кабинетный рояль светло-серого цвета был покрыт особым шеллаком, чтобы соленый воздух не проел полировку, — и семь ночей в неделю все двенадцать месяцев бесконечного карибского лета Нельсон Отто сидел за клавиатурой, размешивая пот в безрадостных аккордах своей музыки.

В туристическом бюро поговаривают об охлаждающих пассатах, что каждый день и каждую ночь в году ласкают берега Пуэрто-Рико — однако такому человеку, как Нельсон Отто, похоже, ни-

какие пассаты отродясь никуда не задували. Один удушливый день за другим он пробивался через усталый репертуар из блюзов и сентиментальных баллад — пот капал у него с подбородка и пятнал подмышки хлопчатобумажной футболки с цветочным узором. Порой Нельсон Отто с такой ненавистью и таким неистовством клял «сраную жарницу», что атмосфера заведения непоправимо портилась. Тогда народ вставал и уходил дальше по улице в бар первого класса «Шик-блеск», где бутылка пива стоила шестьдесят центов, а бифитекс из филея — тридцать пять.

Когда бывший коммунист по фамилии Лоттерман прибыл из Флориды, чтобы основать «Сан-Хуан Дейли Ньюс», «Задворки» стали англоязычным пресс-клубом, ибо никто из бродяг и фантазеров, подрядившихся работать в новой газете Лоттермана, не мог позволить себе дорогие бары торговой сети «Нью-Йорк», что вырастали по всему городу подобно россыпи неоновых поганок. Репортеры и литературные сотрудники дневной смены привлекались около семи, а ночные работники — спортивные обозреватели, корректоры и верстальщики — прибывали в районе полуночи, обычно скопом. Иногда кому-то случалось назначить свидание, но во всякую нормальную ночь девушка «У Эла на задворках» была редким и весьма эротичным зрелищем. Белых девушек в Сан-Хуане вообще не так много, и большинство из них к тому же либо туристки, либо проститутки, либо стюардессы. Ничего удивительного, что все перечисленные типы предпочитали казино или бар на террасе в «Хилтоне».

Кто только не являлся работать в «Ньюс»: все типы — от диких молодых экстремистов, страстно желавших порвать мир напополам и начать всё заново, до старых усталых ханыг с пивными брюшками, которым только и хотелось, что пожить в блаженном покое, прежде чем упомянутая банда психов порвет мир напополам.

Они составляли всю гамму красок — от подлинных талантов и честных людей до жутких дегенератов и безнадежных неудачников, едва способных написать почтовую открытку, просто придурков, беглых уголовников и опасных пропойц — к примеру, магазинный вор кубинского происхождения, который носил у себя в подмышке пистолет, слабоумный мексиканец, вечно пристававший к детишкам, — короче, когорта сводников, педерастов и шанкров в человеческом обличье всех мастей. Большинство из них трудилось ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы заработать на несколько бутылок плюс билет на самолет.

С другой стороны, были там и люди вроде Тома Вандервица, который потом работал в «Вашингтон Пост» и получил Пулицеровскую премию. Или человечка по фамилии Тиррелл, ныне редактора в лондонской «Таймс», который гнул спину по пятнадцать часов в день — лишь бы газета не скапнула.

К моменту моего прибытия на остров «Дейли Ньюс» уже стукнуло три годика, а Эд Лоттерман пребывал на грани нервного срыва. Послушать его, так можно было подумать будто он сидит на самом краю света, рассматривая себя как комбинацию Бога, пулицера и Армии спасения. Лоттерман часто клялся, что если бы все те личности, которые за три года успеют поработать в газете, смогли одновременно предстать перед троном Всевышнего — если бы все они торчали там и пересказывали свои истории, описывали свои выкрутасы, преступления и сдвиги по фазе, сам Бог, несомненно, упал бы в обморок, а потом принялся бы рвать на себе волосы.

Конечно, Лоттерман преувеличивал. В своей вдохновенной тираде он совсем забыл про достойных людей и говорил только про тех, кого называл «алканавтами». Таких, впрочем, оказывалось не так мало, и лучшее, что можно было об этой публике сказать, так это то, что составляла она странный и буйный легион. В лучшем случае эти люди были просто ненадежными, а в худшем — вечно пьяными, грязными и достойными доверия не больше вонючих козлов. Однако им невесть как удавалось выпускать газету, и, когда они не работали, немалое их количество проводило время, нажираясь «У Эла на задворках».

Как они завывали и заскулили, когда Эл — в том, что кое-кто из них назвал «приступом жадности», — поднял цену на пиво до четвертака; и продолжали скулить, пока он не прибил на видное место над стойкой табличку с начертанными черным мелком ценами на пиво и выпивку в отеле «Карибе-Хилтон».

Раз газета была кормушкой для всякого писателя, фотографа и интеллигентного проходимца, какому только случалось оказаться в Пуэрто-Рико, Эл тоже получал от всех этих дел сомнительный доход. Ящичек под кассовым аппаратом переполняли неоплаченные счета и письма со всего света, где обещалось «уладить этот вексель в ближайшем будущем». Блудные журналисты всегда знат-

ные неплательщики, и для того, кто шляется по этому лишенному корней миру, крупный неоплаченный счет из бара может стать даже в чем-то модной обузой.

В те дни в собутельниках недостатка не ощущалось. Эти люди никогда не задерживались надолго, зато и не переставали прибывать. Я зову их блудными журналистами, ибо никакой иной термин не кажется мне в равной мере обоснованным. Ни один блудный журналист не был похож на другого. Как профессионалы они различались, но несколько вещей были у них общими. Так, на предмет большей части своего дохода они, главным образом в силу привычки, зависели от газет и журналов. Жизнь их подчинялась многочисленным шансам и внезапным перемещениям. Они не проявляли ни малейшей преданности любому флагу и не ценили никакой валюты, кроме удачи и приятного общения.

Некоторые из них были скорее журналистами, чем бродягами, а другие — скорее бродягами, чем журналистами. Однако все они, за немногими исключениями, были частично безработными, внештатными сотрудниками, потенциальными зарубежными корреспондентами, которые по той или иной причине проживали на приличном удалении от журналистского истеблишмента. Вовсе не хитрожопые трудоголики и ура-патриотические попугаи, что составляли персонал ретроградных газет и журналов всемирной империи. Эти были другой породы.

Пуэрто-Рико был стоячим болотом, а в «Дейли Ньюс» работала преимущественно норовистая бродячая шваль. На ветрах молвы и шанса эта шваль беспорядочно двигалась по всей Европе, Латинской Америке и Дальнему Востоку — везде, где только издавались англоязычные газеты, перескакивая из одной в другую и вечно высматривая большой прорыв, решающее задание, богатое наследство или доходное место в конце очередного перелета.

В каком-то смысле я был одним из них — компетентнее некоторых и надежнее прочих — и все те годы, что я нес это рваное знамя, я редко оказывался безработным. Порой я работал сразу на три газеты. Писал рекламки для новых казино и кегельбанов, бывал консультантом синдиката пеггиных боев, предельно безнравственным ресторанным критиком, яхтенным фотографом и рутинной жертвой полицейской жестокости. Эта жизнь была жадной, и я для нее годился. Я завел интересных друзей, получил достаточно денег, чтобы перебиться, и узнал о жизни много такого, чего я никак иначе бы не узнал.

Подобно большинству остальных я был искателем, человеком действия, оппозиционером, а порой тупым скандалистом. Мне никогда не хватало времени хорошенько подумать, но я чувствовал, что инстинкт ведет меня верным путем. Я делил с другими оптимизм скитальца на тот счет, что кое-кто из нас действительно прогрессирует, что мы избрали честную дорогу и что лучшие неизбежно доберутся до вершины.

В то же самое время я разделял и мрачное подозрение, что жизнь, которую мы ведем, безнадежное предприятие, а мы — всего лишь актеры, дурачащие сами себя в процессе бессмысленной одиссеи. Именно напряжение между двумя этими полюсами — неугомонным идеализмом с одной стороны и ощущением неминуемого рока с другой — и держало меня на ногах.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Моя нью-йоркская квартира находилась на Перри-стрит, в пяти минутах ходьбы от «Белой лошади». В этом заведении я частенько выпивал, на меня там никогда не считали за своего, потому что я носил галстук. Реальный народ на дух меня не переносил.

Я малость выпил там вечером, когда отбывал в Сан-Хуан. Фил Роллинс, мой сослуживец, платил за эль, а я усиленно им накачивался, стараясь нажраться так, чтобы наверняка заснуть в самолете. Арт Миллик, самый лихой таксист во всем Нью-Йорке, тоже там был. Был там и Дюк Петерсон, который только-только вернулся с Виргинских островов. Припоминаю, как Петерсон дал мне список людей, которых следовало поискать, когда я доберусь до Сент-Томаса, но я потерял список и так ни с кем из них и не познакомился.

Висел гнилой вечер середины января, но на мне была легкая вельветовая куртка. Все остальные напялили плотные куртки и фланелевые костюмы. Последнее, что я помню, это как я стою на грязных кирпичах Хадсон-стрит, пожимая руку Роллинсу и проклиная ледяной ветер, люто задувавший с реки. Дальше я забрался в такси Миллика и проспал всю дорогу до аэропорта.

Я припозднился, и у окошка стояла очередь. Пришлось встать позади штук пятнадцати пуэрто-

риканцев и одной невысокой блондинки за несколько человек передо мной. Я было увидел в ней туристку, отчаянную юную секретаршу в поисках шумных двухнедельных приключений на Карибах. У девушки была стройная фигурка, а стояла она, то и дело переминаясь с ноги на ногу, что указывало на массу накопленной энергии. Внимательно за ней наблюдая, я улыбался и чувствовал, как добрый эль бежит по моим жилам. Я все дожидался, когда девушка наконец повернется, чтобы обменяться с ней быстрым многозначительным взглядом.

Она взяла билет и направилась к самолету. Передо мной оставалось еще три пуэрториканца. Двое сделали свое дело и отвалили, а третий никак не мог смириться с отказом клерка позволить ему пронести на самолет здоровенную картонную коробку в качестве ручки клади. Пока они спорили, я громко скрипел зубами.

Наконец пришлось вмешаться.

— Эй, контора! — воскликнул я. — Что за дела? Мне нужно на этот самолет!

Утомленный занудством упрямого латиноса, клерк поднял голову.

— Как ваша фамилия?

Я назвал свою фамилию, взял билет и рванул к выходу. Когда я добрался до самолета, мне пришлось растолкать пять-шесть человек, ожидавших посадки. Я показал недовольной стюардессе билет и вошел в салон, обшаривая глазами сиденья по обе стороны прохода.

Светлых волос в упор не наблюдалось. Я поспешил вперед, прикидывая, что у такой невысокой девушки голова вполне может не торчать над спинкой. Но ее в самолете не было, а свободными к тому времени оставались только два двойных сиденья. Я плюхнулся на то, что было ближе к проходу и водрузил пишущую машинку на соседнее с окном. Уже запускали моторы, когда, выглянув наружу, и увидел, как маленькая блондинка бежит по взлетно-посадочной полосе, отчаянно маша рукой стюардессе, которая как раз собиралась запереть дверцу.

— Минутку! — крикнул я. — Еще пассажирка! — Я смотрел, пока девушка не добежала до подножия трапа. Тогда я повернулся к проходу, желая встретить ее радостной улыбкой. Но не успел я снять на пол пишущую машинку, как какой-то старикан пролез прямо у меня перед носом и уселся на то самое сиденье, которое я приберегал.

— Место занято, — быстро сказал я, хватал его за руку.

Старик выдернул руку и что-то буркнул по-испански, отворачиваясь к окну. Пришлось снова его схватить.

— Подъем, — злобно проговорил я.

Мой сосед начал орать в тот самый момент, когда девушка прошла мимо и остановилась в нескольких футах дальше по проходу, высматривая свободное сиденье.

— Здесь есть место, — сообщил я ей, отгружая старикану жестокий тычок.

Прежде чем девушка успела повернуться, на меня, хватал за руки, надела стюардесса.

— Он на мою пишущую машинку взгромоздился, — объяснил я, беспомощно наблюдая, как девушка находит себе место далеко в передней части самолета.

Стюардесса похлопала старика по плечу и опустила его обратно на сиденье.

— Какой вы хулиган! — воскликнула она, обращаясь ко мне. — Следовало бы вас высадить.

Я проворчал себе под нос пару ласковых и развалился в кресле. Пока мы отрывались от земли, старик смотрел прямо перед собой.

— Сволочь трухлявая, — любезно пробормотал я соседу. — Чтоб тебе псы на могилу насрали.

Он даже глазом не моргнул, и в конце концов я закрыл глаза и попытался заснуть. Время от времени я бросал взгляд на светлую головку в передней части самолета. Потом выключили свет, и я больше ничего не видел.

Когда я проснулся, уже светало. Старикан дрых, и я потянулся через него выглянуть в окно. В нескольких километрах под нами лежал океан — тёмно-синий и спокойный, как озеро. Впереди виднелся остров, ярко-зеленый в первом утреннем свете. По краю острова шли пляжи, а за пляжами тянулись бурные болота. Самолет пошел на посадку, и стюардесса объявила, чтобы все пристегнули ремни.

За считанные мгновения мы пронеслись над целыми акрами пальм и подрулили к большому аэровокзалу. Я решил оставаться на месте, пока не пройдет девушка, а уж тогда встать и выйти вместе с ней на взлетно-посадочную полосу. Поскольку белыми в самолете были только мы двое, это могло показаться вполне естественным.

Другие пассажиры, смеясь и болтая, вставали и выстраивались в ожидании, пока стюардесса откроет дверцу. Внезапно старик вскочил и, как собака, на четырех точках попытался через меня перебраться. Особо не думая, я отшвырнул его обратно к окну. От глухого удара толпа разом притихла. Похоже, приятеля тошнило, и он снова через меня полез, истерически вопя на испанском.

— Ну ты, придурок! — заорал я, одной рукой отталкивая его назад, а другой дотягиваясь до пишущей машинки, — Куда тебя понесло? — Дверца уже была открыта, и все вытряхивались наружу. Дедушка прошла мимо, и я попытался ей улыбнуться, одновременно припирая старикана к окну. Наконец мне удалось задом вытолкнуться в проход. Старик поднял такой хай, крича и размахивая руками, что мне страшно захотелось перетянуть ему чем-нибудь горло, чтобы он малость угомонился.

Тут прибыла стюардесса на пару со вторым пилотом. Их очень интересовало, что я такое творю.

— Он этого старика с самого Нью-Йорка мутузит, — сказала стюардесса. — Наверно, он садист.

Они продержали меня минут десять, и поначалу я подумал, что они хотят сдать меня полиции. Я попытался все объяснить, но так устал и запутался, что сам не соображал, что несу. Когда меня в конце концов выпустили, я прокрался вниз по трапу точно преступник, а потом, щурясь и потев на солнце, поплелся по взлетно-посадочной полосе к камере хранения.

Там была целая толпа пуэрториканцев, но девушки нигде не наблюдалось. Мало надежды было найти ее теперь, а вдобавок я не испытывал особого оптимизма по поводу того, что будет, если я все-таки ее найду. Очень мало девушек благосклонно взирают на людей моей породы — мучителей беззащитных стариков. Мне вспомнилось, какое выражение появилось у нее на лице, когда она увидела, как я припираю дряхлого ублюдка к окну. Тут я решил сперва немного позавтракать, а уж потом забрать багаж.

Аэропорт Сан-Хуана — чудесное современное сооружение, полное ярких красок, загорелых людей и латиноамериканских ритмов ревущих из динамиков на голых балках над вестибюлем. Я прошел по длинному пандусу — пальто и пишущая машинка в одной руке и небольшой саквояж в другой. Указатели вывели меня к еще одному пандусу и наконец к буфету. Едва я туда вошел, как мне явилось мое отражение в зеркале — грязное и позорное, характерный образ бледного бродяги с красными глазами.

В придачу к неряшливой внешности я насквозь провонял элем. Он болтался у меня в животе, как ком скисшего молока. Садясь за стойку и заказывая ломтики ананаса, я отчаянно старался ни на кого не дышать.

Снаружи под ранним солнцем сверкала взлетно-посадочная полоса. Дальше между мной и океаном высились пальмовые джунгли, В нескольких милях от берега вдоль горизонта медленно двигался корабль. Некоторое время я пристально на него таращился и буквально впал в транс: такой мирный у него был вид — мирный и горячий. Мне хотелось забрести в пальмы и лечь поспать; зачихнуть в себя еще пару-другую ломтей ананаса и умотать в джунгли, чтобы там вырубиться.

Вместо этого я заказал еще кофе и снова взглянул на телеграмму, которую мне доставили вместе с билетом на самолет. Там указывал ось, что для меня забронирован номер в отеле «Кондадо-Бич».

Стрелки часов еще не дотянули до семи утра, но в буфете было полно народу. Группы мужчин сидели за столиками у длинного окна и оживленно переговаривались. На некоторых были костюмы, но большинство красовалось в чем-то вроде местной униформы: темные очки с массивными дужками, блестящие темные брюки, белые рубашки с короткими рукавами и галстуки.

То и дело я ловил обрывки разговоров: «...больше нет такой вещи, как дешевый береговой участок... конечно, джентльмены, но здесь и не Монтего... не беспокойтесь, у него навалом, и все мы в этом нуждаемся... ударили по рукам, но надо шевелиться, пока Кастро со своей толпой не подскочил...»

Минут через десять, равнодушно прислушиваясь к этим обрывкам, я заключил, что попал прямоком в логово дельцов. Большинство из них, похоже, ожидали самолета в семь тридцать до Майами, который — судя по тому, что я наковырял из разговоров, будет трещать по швам от обилия бегущих с Кубы архитекторов, разработчиков земельных участков, консультантов и сицилийцев.

Их болтовня порядком меня достала. Вообще-то я на деляг особо не жалею и никаких разумных претензий к ним не имею, но сам акт купли-продажи чем-то меня отталкивает. И живет во мне тихое стремление навалить торгашу по морде, сломать ему лучшие зубы и зажечь багровые фонари под глазами.

Из-за этого разговора ни к чему другому я уже прислушиваться не мог. Он в куски разбил при-

ятную леность и в конце концов задолбал меня так, что я высосал остаток кофе и поспешил прочь из этого заведения.

В камере хранения было пусто. Я отыскал два своих вещмешка и нанял носильщика дотащить их до такси. На всем пути по вестибюлю он постоянно одаривал меня улыбкой и без конца приговаривал:

— Си, Пуэрто-Рико эста буэно... эх, си, муи буэно... мучо ха-ха, си...

В такси я откинулся на спинку сиденья и закурил небольшую сигару, которую купил в буфете. Теперь я чувствовал себя намного лучше — тепло, спокойно и совершенно свободно. Пока пальмы проскакивали мимо, а огромное солнце выжигало дорогу впереди, во мне вспыхнуло что-то такое, чего я не ощущал со времени моих первых месяцев о Европе, — смесь неведения и отвязанности — самоуверенность типа «а фиг с ним», что обретает человек, когда ветер дует в спину и он по четкой прямой начинает двигаться к неведомому горизонту.

Мы неслись по шоссе с четырьмя полосами. По обе стороны тянулся объемистый комплекс жилой застройки, окаймленный высокими циклоническими ограждениями. Вскоре мы проехали мимо того, что походило на совсем новую секцию, полную одинаковых розово-голубых домов. У въезда туда висел указатель, объявлявший всем путешественникам что они минуют «Эль-Хиппо-Урбанизасьон». В нескольких ярдах от указателя ютилась крошечная хибара из пальмовых листьев и кусков жести, рядом с которой имелась намалеванная от руки вывеска с надписью «Коко-Фрио». Внутри хибары пацан лет тринадцати, упиравшись локтями в прилавок, глазел на проезжающие машины.

Прибытие полупьяным в незнакомое место, да еще и за границей, очень действует на нервы. Возникает чувство, что то не так и это не этак, и в итоге все валится из рук. У меня было именно такое чувство, а посему, едва добравшись до отеля, я сразу завалился в постель.

Когда я проснулся, была уже половина пятого. Я был грязный, голодный и не вполне понимал, где нахожусь. Тогда я вышел на балкон и воззрился на пляж. Целая толпа женщин, детей и брюхатых мужчин плескалась на мелководье. Справа торчал еще отель, и еще — каждый с собственным людным пляжем.

Я принял душ, а затем спустился в вестибюль на открытом воздухе. Ресторан был закрыт, и я толкнулся в бар, этот по всем внешним признакам в целости и сохранности перетек из Кэтскильских предгорий. Я торчал там два часа — пил, ел орешки и глазел на океан. Мужчины с тонкими усиками походили па мексиканцев, а их шелковые костюмы блестели на солнце, как пластик. Женщины в основном были американками — все дохловатые на вид, все немолодые, все в длинных платьях без рукавов, облежавших их неказистые фигуры как резиновые мешки.

Я почувствовал себя куском гнилого бревна, выброшенным на берег. Моей мятой вельветовой куртке стукнуло пять лет, и она порядком поистрепались по вороту. На брюках не было стрелок, и хотя мне и в голову не приходило носить здесь галстук, без него я чувствовал себя не в своей тарелке. Не желая показаться пижоном, я отказался от рома и заказал пиво. Бармен довольно хмуро на меня посмотрел, и я прекрасно его понял — я не носил ничего такого, что бы блестело. Несомненно, на его взгляд я был чем-то вроде надкушенного яблока. Чтобы сойти здесь за человека, мне следовало надеть какие-то слепящие глаз наряды.

В шесть тридцать я вытряхнулся из бара. Уже темнело, и большая авенида казалась шикарной в своем изяществе. По одной стороне тянулись дома, которые некогда выходили на пляж. Теперь они выходили на отель, и большинство из них отступило за высокие стены и изгороди, отрезавшие их от улицы. Тут и там мне попадались патио или веранды с навесами, где люди сидели под вентиляторами и пили ром. Где-то дальше по улице я слышал колокольцы, сонное позвякивание «Колыбельной» Брамса.

Я прошел примерно с квартал, пытаюсь разобраться в своих ощущениях от этого места. Колокольцы продолжали приближаться. Вскоре показался грузовик с мороженым, медленно продвигавшийся по самой середине улицы. На его крыше располагалось гигантское фруктовое эскимо, которое, то и дело вспыхивая алым неонам, освещало все окрестности. Откуда-то из нутра грузовика и доносился убаюкивающий перезвон господина Брамса. Проезжая мимо меня, шофер натянул на физиономию радостную ухмылку и нажал на клаксон.

Я тут же поймал такси и велел водиле отвезти меня в центр города. Старый Сан-Хуан представ-

ляет собой островок, соединенный с остальной частью Пуэрто-Рико несколькими дорогами по насыпям. Мы проехали по той из них, что тянется из Кондадо. Десятки пуэрториканцев стояли у ограды, рыбача в неглубокой лагуне, а справа маячило массивное белое сооружение, неоновая надпись на самом верху которого гласила: «Карибе-Хилтон». Это сооружение, насколько я знал, было краеугольным камнем Бума. Конрад прибыл сюда как Иисус, и все оглоеды за ним последовали. До «Хилтона» здесь не было ничего; теперь же только небо стало пределом. Такси миновало заброшенный стадион, и вскоре мы оказались на бульваре, что бежал вокруг утеса. По одну сторону лежала темная Атлантика, а по другую виднелись тысячи красочных огней на круизных судах, пришвартованных у береговой линии. Мы свернули с бульвара и остановились у места, которое, по словам водилы, называлось Пласа-Колон, Плата за проезд составила полтора доллара, и я дал мастеру две купюры.

Он посмотрел на деньги и покачал головой.

— В чем дело? — поинтересовался я.

Он развел руками.

— Нет сдачи, сеньор.

Я порылся в кармане, но ничего, кроме пятака, не нашел. Я наверняка знал, что он врет, но впутываться в размен доллара не очень хотелось.

— Ворюга чертов, — буркнул я, швырнув купюры ему на колени. Водила пожал плечами и отъехал.

Пласа-Колон представляла собой средоточие нескольких узеньких улочек. Здания в два-три этажа высотой плотно теснились друг к другу, а их просторные балконы нависали над тротуарами. Воздух был горячим и легкий ветерок разносил смрадный запах пота и отбросов. Из открытых окон грохотала музыка и смеси с визгливой разноголосицей. Тротуары были так узки, что сложно было не свалиться в канаву, а торговцы фруктами перегораживали улочки своими тележками, торгуя очищенными от кожуры апельсинами по десять центов за штуку.

Я минут тридцать погулял, любуясь витринами магазинов, которые торговали одеждой «айви-лига», вглядываясь в грязные бары, полные шлюх и матросов, сталкиваясь с людьми на тротуаре и думая о том, что вот-вот рухну, если только не найду ресторан.

Наконец я сдался. Похоже, ресторанов в Старом городе не было вовсе. Единственным мало-мальски подходящим заведением, какое мне удалось приметить, оказалась «Нью-Йоркская закусочная», но она была закрыта. В отчаянии я снова поймал такси и велел шоферу везти меня к «Дейли Ньюс».

Он вылупил на меня глаза.

— В газету! — выкрикнул я, захлопывая за собой дверцу.

— А, си, — промычал он. — «Эль-Диарио», си.

— Ни черта подобного, — возразил я. — «Дейли Ньюс» — американская газета — эль «Ньюс».

Ни о чем таком водила никогда и слыхом не слыхивал, и мы поехали назад к Пласа-Колон, где я высунулся из окна и спросил полицейского. Он тоже не знал, но в конце концов с автобусной остановки подошел какой-то мужичок и сказал нам, где она.

Мы поехали по булыжной мостовой вверх по холму, в направлении береговой полосы. Там не было никаких признаков газеты, и я заподозрил, что водила привез меня сюда только лишь бы избавиться. Завернув за угол, он вдруг выжал тормоз. Впереди дорогу почти перегораживало что-то вроде уличной драки — орущая толпа пыталась проникнуть в старое зеленоватое здание, похожее на пакгауз.

— Вперед, — бросил я шоферу. — Тут можно проехать.

Он что-то буркнул и покачал головой.

Я треснул кулаком по спинке переднего сиденья.

— Двигай! Нет езды — нет денег.

Водила снова что-то забормотал, но все же врубил первую передачу и откатил к другой стороне улицы, стараясь держаться как можно дальше от драки. Он остановился вплотную к зданию, и тут я понял, что там не все дрались друг с другом, а банда примерно из двадцати пуэрториканцев атаковала высокого американца в рыжевато-коричневом костюме. Он стоял на ступеньках, размахивая большой деревянной вывеской точно бейсбольной битой.

— Недоноски вонючие! — проорал американец. Дальше последовал какой-то вихрь движения, и я услышал звуки глухих ударов вперемешку с воплями. Одни из атакующих с разбитой физиономии-

ей рухнул на мостовую. Здоровенный парень, непрерывно размахивая вывеской, попятился к двери. Двое пуэрториканцев попытались выхватить у него вывеску, но парень рванул ее на себя, а затем треснул одного из них по груди, сшибая его со ступенек. Другие, крича и размахивая кулаками, отступили. Тут американец зарычал: — Вот она, уроды! На драку собакам!

Никто не двинулся с места. Парень немного выждал, а потом закинул вывеску за плечо и швырнул ее и самую середину толпы. Она угодила одному пуэрториканцу в брюхо, отбросив его на других. Раздался взрыв смеха, после чего американец исчез в здании.

— Ну ладно, — сказал я, поворачиваясь к водиле. — Здесь повестка дня исчерпана. Поехали.

Но тот покачал головой и указал на здание, затем на меня.

— Си, эста «Ньюс». — Шофер кивнул и снова указал на здание. — Си, — торжественно заключил он.

Тут до меня дошло, что мы торчим как раз перед редакцией «Дейли Ньюс» — моим новым домом. Бросив еще один взгляд на грязную толпу между такси и дверью, я решил вернуться в отель. Но тут снова начался переполох. Сзади подкатил «фольксваген», и оттуда, размахивая длинными дубинками и что-то крича на испанском, вылезли трое полицейских. Часть толпы разбежалась, но кое-кто остался поспорить. Я немного подождал, затем дал таксисту доллар и рванул к зданию.

Согласно указателю, редакция «Ньюс» располагалась на втором этаже. В лифт я вошел, почти ожидая, что он поднимет меня прямиком в свалку еще почище. Однако створки раскрылись в темный коридор. Слева, совсем рядом, шумел отдел местных городских новостей.

Войдя туда, я почувствовал себя много лучше. Всё там — и мирный беспорядок, и равномерное перестукивание пишущих машинок с телетайпами — казалось родным. Даже запах был знаком. Помещение было таким просторным, что казалось пустым, хотя я заприметил там не меньше десяти человек. Единственным наработавшим представлялся невысокий брюнет за столом у двери. Откинувшись на спинку стула, он таращился в потолок.

— Ну чего? — рявкнул он. — Какого еще хрена?

Я свирепо на него глянул.

— Завтра начинаю здесь работать, — сказал я. — Моя фамилия Кемп. Пол Кемп.

Брюнет еле заметно улыбнулся.

— Извини. Я думал, ты за моей пленкой.

— За чем, за чем? — переспросил я.

Он что-то пробурчал про «подлый грабеж» и что «за ними только глаз да глаз». Я оглядел помещение.

— На вид они вроде в норме.

Брюнет фыркнул.

— Ворюги самые натуральные. — Тут он встал и протянул мне руку. — Боб Сала, штатный фотограф, — представился он. — А сегодня ты здесь зачем?

— Ищу, где бы перекусить.

Он улыбнулся.

— На мели?

— Нет, деньги есть. Просто ресторан не найти.

Сала откинулся на спинку стула.

— Тебе повезло. Первым делом здесь как раз следует научиться избегать ресторанов.

— А что? — поинтересовался я. — Дизентерия?

Он рассмеялся.

— Дизентерия, колики, подагра, болезнь Хатчинсона — здесь все что угодно можно заполучить. — Он взглянул на часы. — Подожди минут десять, вместе к Элу закатимся.

Я сдвинул в сторону фотоаппарат и сел на стол. Сала откинулся на спинку стула и снова устался в потолок, время от времени почесывая курчавую голову и явно отплывая в какие-то более счастливые земли, где было навалом ресторанов и совсем не водилось воров. Смотрелся он здесь довольно нелепо — вроде билетера на каком-нибудь карнавале в штате Индиана. С зубами у фотографа было скверно, ему не мешало побриться, рубашку давно никто не стирал, а ботинки выглядели так, будто он пришел в них пешком аж из самого Гудвиля.

Мы сидели молча, пока из двери кабинета в дальнем конце помещения не вышли двое мужчин. Одним из них был тот высокий американец, которого я видел с вывеской в руках. Другой, лысый

шибздик, что-то возбужденно болтал, бурно жестикулируя обеими руками.

— Кто это? — спросил я у Салы, указывая на высокого.

Фотограф оторвал глаза от потолка.

— Тот парень с Лоттерманом?

Я кивнул, резонно предполагая, что лысый шибздик — Лоттерман.

— Его фамилия Йемон, — сказал Сала, снова разворачиваясь к столу. — Новенький — недели две, как прибыл.

— Я видел, как он на улице дрался, — сказал я. — Банда пуэрториканцев насканивала на него у самых дверей.

Сала покачал головой.

— Выходит, он просто псих. — Он кивнул самому себе. — Наверное, сказал пару ласковых этим профсоюзным кретинам. Здесь ведь сейчас что-то вроде незаконной забастовки — ни одна душа не знает, в чем тут соль.

Тут Лоттерман крикнул из другого конца помещения:

— Эй, Сала, ты чего там делаешь?

Сала даже глаз не поднял.

— Ничего не делаю. Через три минуты уйду.

— А кто это там с тобой? — спросил Лоттерман, с подозрением меня разглядывая.

— Судья Кратер, — отозвался Сала. — Может знатная заметка выйти.

— Какой такой судья? — переспросил Лоттерман, приближаясь к столу.

— Проехали, — отмахнулся Сала. — Его фамилия Кемп, и он говорит, вы его наняли.

Лоттерман явно был озадачен.

— Судья Кемп? — пробормотал он, а затем, что-то припомнив, широко улыбнулся и протянул мне обе руки. — Ах да — Кемп! Рад тебя видеть, дружище. Когда прибыл?

— Сегодня утром, — ответил я, слезая со стола, чтобы пожать ему руку. — Почти весь день я проспал.

— Отлично! — похвалил Лоттерман. — Очень даже мудро. — Он порывисто кивнул. — Теперь, я надеюсь, ты готов.

— Пока еще нет, — сказал я. — Перекусить бы не мешало.

Он рассмеялся.

— Нет-нет — завтра. Сегодня вечером я тебя на работу не поставлю. — Он снова рассмеялся. — Нет, и хочу, чтобы вы, парни, хорошо кушали. — Он улыбнулся Сале. — Наверное, Боб собирается тебе город показать, ага?

— Как пить дать, — заверил Сала. — Издержки за счет заведения, ага?

Лоттерман нервно рассмеялся. — Ты знаешь Боб, что я имею в виду. Давай попробуем вести себя цивилизованно. Тут он повернулся и поманил к себе Йемона, который стоял посреди комнаты, изучая дыру в подмышке.

Йемон подошел к нам размашистой косолапой походкой и вежливо улыбнулся, когда Лоттерман меня подставил. Роста этот парень был высокого, а на лице его читалась то ли надменность, то ли что-то такое, чего я так сразу не определил.

Лоттерман с довольным видом потер руки.

— Ну как, Боб? — произнес он с ухмылкой. — Славная у нас команда собирается, ага? — Он хлопнул Йемона по спине. — Старина Йемон как раз поцапался с теми коммунистическими ублюдками на улице. Они просто хамы — их следует посадить.

Сала кивнул.

— Очень скоро они кого-нибудь из нас прикончат.

— Брось, Боб, — отозвался Лоттерман. — Никого они не прикончат.

Сала пожал плечами.

— По этому поводу я сегодня утром звонил комиссару Рогану, — пояснил Лоттерман. — Мы не можем терпеть подобного безобразия — это прямая угроза.

— Святая правда, — согласился Сала. — Но только к черту комиссара Рогана. Нам нужно несколько «люгеров». — Он встал и стащил со спинки стула пиджак. — Ну, пора на выход. — Он взглянул на Йемона. — Мы к Элу — ты проголодался?

— Буду немного позже, — ответил Йемон. — Хочу посмотреть, как там квартира и спит ли еще

Шено.

— Ладно, — сказал Сала и поманил меня к двери. — Пошли. Выйдем через задний ход — драться меня что-то не тянет.

— Осторожнее, парни, — крикнул нам вслед Лоттерман. Я кивнул и последовал за Салой. Лестница привела нас к металлической двери. Сала перочинным ножиком поковырялся в замке, и дверь раскрылась. — А снаружи так не получится, — заметил он, когда я вслед за ним вышел в проулок.

Его машина оказалась крошечным «фиатом» с открывающимся верхом, наполовину съеденным ржавчиной. Заводиться она не пожелала, так что мне пришлось выбраться и толкать. Наконец эта рухлядь заработала, и я запрыгнул в салон. Мотор мучительно ревел, пока мы катили вверх по холму. Я сильно сомневался, что мы одолеем подъем, однако старая машинка мужественно перевалила через гребень и вскоре пустилась вверх по еще одному крутому холму. Салу такая нагрузка, похоже, не заболела, и он давил на сцепление всякий раз, как мотор собирался заглохнуть.

Припарковавшись рядом с Элом, мы прошли в патио.

— Я возьму три гамбургера, — сказал Сала. — Больше он ничего не подает.

Я кивнул.

— Без разницы — лишь бы побольше.

Сала позвал повара и сказал, что нам нужно шесть гамбургеров.

— И два пива, — добавил он. — По-быстрому.

— Хорошо бы рома, — вмешался я.

— Два пива и два рома, — громогласно объявил Сала. Затем он откинулся на спинку стула и закурил сигарету. — А ты репортер?

— Ага, — отозвался я.

— И как тебя сюда занесло?

— А в чем дело? — спросил я. — Разве хуже Карибов не бывает?

Он хмыкнул.

— Тут не Карибы. Тебе надо было дальше на юг двигать.

С той стороны патио притаился повар с нашей выпивкой.

— А раньше ты где был? — поинтересовался Сала, снимая бутылки пива с подноса.

— В Нью-Йорке, — ответил я. — А до Нью-Йорка в Европе.

— Где в Европе?

— Да везде. В основном — в Риме и Лондоне.

— «Дейли Американ»? — спросил он.

— Ага, — сказал я. — Подвернулась временная работенка на шесть месяцев.

— Фреда Баллинджера знаешь? — спросил Сала.

Я кивнул.

— Он здесь, — сказал он. — Все богатеет.

У меня вырвался стон.

— Блин, вот ведь мудака!

— Скоро его увидишь, — пообещал Сала. — Он часто у конторы ошивается.

— За каким хреном? — поинтересовался я.

— К Доновану присасывается. — Он рассмеялся. — Говорит, был заведомом спорта в «Дейли Американ».

— Мудаком он был, а не заведомом, — сказал я.

Сала рассмеялся.

— Однажды вечером Донован его с лестницы спустил. Потом он какое-то время не показывался.

— Замечательно, — отозвался я. — А кто такой Донован — заведомом спорта?

Он кивнул.

— Алкаш — вот-вот уволится.

— Почему?

Сала снова рассмеялся.

— Все увольняются. И ты уволишься. Всякий, кто хоть чего-то стоит, здесь не работает. — Он покачал головой. — Люди как мухи разлетаются. Я здесь дольше всех остальных — если не считать Тиррелла, заведомом городских новостей, а он скоро уходит. Лоттерман еще не знает — так оно спо-

койнее.

Кроме Тиррелла тут стоящих людей почти, что и не осталось. — Он испустил смешок. — погоди, еще познакомишься с главным редактором — этому даже заголовок слабо написать.

— Кто такой? — поинтересовался я.

— Некто Сегарра — или Скользкий Ник. Он биографию губернатора пишет. Днем и ночью, в любое время суток он пишет сволочную биографию губернатора. Никак нельзя его отвлекать.

Я глотнул рома.

— А сколько ты уже здесь? — спросил я у Салы.

— Слишком долго. Год с лишним.

— Значит, все не так плохо, — заключил я.

Он улыбнулся.

— Черт возьми, лучше бы ты мне на нервы не действовал. Тебе, может, здесь и понравится — есть такой народ, которому нравится.

— Какой такой народ? — поинтересовался я.

— Махинаторы, — ответил он. — Деляги и торгаши они это место обожают.

— Понятно, — сказал я. — В аэропорту мне именно так и показалось. — Я внимательно посмотрел на Салу. Что тебя здесь держит? Отсюда всего сорок пять долларов до Нью-Йорка.

Он фыркнул.

— Проклятье, я столько за час заработаю — стоит только кнопку нажать.

— А ты жадина.

Сала ухмыльнулся.

— Ага. Я самый жадный на этом поганом острове. Порой хочется самого себя по яйцам лягнуть.

Гуталин прибыл с нашими гамбургерами. Сала схватил с подноса свои три штуки и раскрыл их на столике, выбрасывая в пепельницу латук и ломтики помидоров.

— Чудище безмозглое, — устало произнес он. — Сколько раз я тебе говорил держать этот мусор подальше от моего мяса?

Официант воззрился на «мусор».

— Тысячу раз! — возопил Сала. — Каждый божий день!

— Слушай, приятель, — сказал я с улыбкой. — Тебе лучше уйти — это заведение совсем тебя достало.

Вместо ответа Сала запихнул в пасть один из гамбургеров.

— Ладно-ладно, — пробормотал он затем. — Еще увидишь. И Йемон тоже. Этот парень совсем ненормальный. Он долго не продержится. Никто из нас долго не продержится. — Он треснул кулаком по столу. — Гуталин — еще пива!

Официант вышел с кухни и внимательно на нас посмотрел.

— Два пива! — проорал Сала. — По-быстрому!

Я улыбнулся и откинулся на спинку стула.

— А что такое с Йемоном?

Он глянул на меня так, словно дико с моей стороны было об этом спрашивать.

— Ты что, его не видел? — спросил он. — Этого сукина сына с безумным взором? И как Лоттерман его ссыт — ты что, не видел?

Я покачал головой.

— Мне показалось, всё нормально.

— Нормально? — заорал Сала. — Тебе бы несколько вечеров назад здесь оказаться. Он ни с того ни с сего этот столик опрокинул — вот этот самый столик. — Он треснул ладонью по столику. — Вообще без всякой причины, — продолжил он. — Разметал всех наших алкашей по углам и обрушил столик на одного несчастного ублюдка, который сам не знал что болтает. А потом еще грозился его растоптать! — Сала покачал головой. — Понятия не имею, где Лоттерман этого парня откопал. Он так его боится, что сотню долларов ему одолжил. А Йемон эти доллары тут же в мотороллер вбухал. — Он гора то рассмеялся. — А теперь он вдобавок выписал сюда девчонку, чтобы она с ним жила.

Появился официант с бутылками пива, и Сала ухватил их с подноса.

— Ни одна девушка, у которой хоть капля разума в голове, сюда не явится, — заявил он. — Раз-

ве что девственницы — девственные истерички. — Тут он погрозил мне пальцем. — Ты здесь пидором станешь, Коми, — попомни мои слова. В этом месте все в пидоров и психов превращаются.

— Очень может быть, — отозвался я. — А вообще-то со мной на самолете прелестная штучка летела. Пожалуй, завтра ее поищу. Наверняка она где то на пляже будет.

— Она как пить дать лесбиянка, — заверил меня Сала. — Тут их навалом. — Он покачал головой. — Черт бы побрал эту тропическую гниль — эту непрерывную бесполоую пьянку! Она меня бесит — Я уже просто психую!

Гуталин подоспел еще с двумя бутылками пива, и Сала сцапал их с подноса. Тут в проходе появился Йемон. Заменяв нас, он подошел к столику.

Сала испустил горестный стон.

— Нот он, черт бы его побрал, — пробормотал он. — Не топчи меня, Йемон, — я же не всерьез.

Йемон улыбнулся и сел.

— Все ворчишь насчет Моберга? — Он рассмеялся и повернулся ко мне. — Роберт считает, я плохо обошелся с Мобергом.

Сала пробурчал что-то по поводу «психов». Йемон снова рассмеялся.

— Сала в Сан-Хуане — самый старожил. Сколько тебе, Роберт, — лет девяносто?

— Кончай кормить меня этим дерьмом, — выкрикнул Сала, подсакивая на стуле.

Йемон с пониманием кивнул.

— Роберту нужна женщина, — нежно вымолвил он. — А то пенис давит ему на мозги, и он совсем думать не может.

Сала простонал и закрыл глаза. Йемон хлопнул ладонью по столику.

— Роберт, на улицах полно шлюх. Не мешало бы иногда по сторонам оглядываться. По дороге сюда я встретил их столько, что захотелось снять штук пять-шесть, раздеться — и пусть бы они все, как щенята, по мне ползали. — Он рассмеялся и помахал официанту.

— Ты подонок, — пробормотал Сала. — Твоя девушка еще и дня здесь не пробыла, а ты уже болтаешь о том, как бы по тебе шлюхи поползали. — Он с умным видом кивнул. — Ты очень скоро сифилис заполучишь. Будешь блядовать, топтать всех подряд — и очень скоро наступишь в дерьмо.

Йемон ухмыльнулся.

— Годится, Роберт. Ты меня предупредил.

Сала поднял взгляд.

— Ну как, она еще спит? Когда мне наконец можно будет в собственную квартиру вернуться?

— Как только мы оттуда отчалим, — ответил Йемон. — Я отвезу ее к себе домой. — Он кивнул. — Но мне, ясное дело, придется твою машину позаимствовать. Для мотороллера слишком много багажа.

— Блин, — вымолвил Сала. — Ты просто чума, Йемон, — ты же всю кровь из меня выпьешь.

Йемон рассмеялся.

— А ты добрый христианин, Роберт. Тебя непременно ждет воздаяние. Проигнорировав скептическое хмыканье Салы, он повернулся ко мне.

— Это ты утренним самолетом прилетел?

— Угу, — буркнул я.

Он улыбнулся.

— Шено сказала, в самолете какой-то парень старика колошматил. Часом, не ты?

Я простонал, чувствуя, как над столом смыкается сеть, вины и случайности. Сала с подозрением за мной наблюдал. Я кое как объяснил, что рядом со мной сидел престарелый псих, который всю дорогу пытался через меня перелезть.

Йемон рассмеялся.

— А Шено подумала, это ты псих. Сказала, ты без конца на нее пялился, а потом совсем сбрендил и на старика накинулся. Когда она слезала с самолета, ты все еще его утюжил.

— Боже милостивый! — воскликнул Сала, с отвращением па меня поглядывая.

Я покачал головой и попытался отделаться смехом. Однако выводы были крайне неутешительны — я представал придурочным бабником и истязателем стариков. Вряд ли такая рекомендация подходила дня человека, собравшегося устроиться на новую работу.

Йемона это, похоже, развеселило, а вот Сала смотрел на меня с откровенной опаской. Я заказал еще выпивку и быстро сменил тему.

Мы сидели там несколько часов — болтали, лениво потягивали алкоголь и убивали время, пока в доме грустно брэнчало фортепиано. Минорные ноты выплывали в патио, придавая вечеру безнадежно-меланхолический тон, который, впрочем, казался почти приятным.

Сала был убежден, что газета вот-вот закроется.

— Я обязательно выйду из тупика, — заверил он нас. — Дайте только еще месяц. — У него оставалось еще два крупных задания, а потом он думал уехать — скорее всего, в Мехико. — Да-да, — сказал он. — Пожалуй, еще месяц, а потом можно паковать барахлишко.

Йемон покачал головой.

— Роберт хочет, чтобы газета закрылась. Тогда у него будет повод для отъезда. — Он ухмыльнулся. — Ничего, она еще какое-то время протянет. Лично мне нужно месяца три — поднакопить денег и отправиться дальше по островам.

— Куда? — поинтересовался я.

Йемон пожал плечами.

— Да куда угодно — на какой-нибудь хороший остров, где подешевле.

Сала присвистнул.

— Ты прямо как пещерный человек, Йемон. На самом деле тебе требуется хорошая работа в Чикаго.

Йемон рассмеялся.

— Ничего, Роберт. Когда кого-нибудь употребишь, тебе полегчает.

Сала что-то проворчал и приналег на пиво. Несмотря на скверный характер, он мне нравился. Я прикинул, что он немного старше меня — возможно, лет тридцати двух-тридцати трех. Было в нем что-то такое, отчего он казался мне старым знакомым.

Йемон тоже казался мне знакомым, но не так близко — скорее наводил на воспоминания о некоем человеке, которого я в каком-то другом месте знал, но затем потерял его след. Ему было лет двадцать пять, и он смутно напоминал мне меня самого в этом возрасте. Не того, кем я действительно был, а того, кем я мог бы себя увидеть, если бы перестал слишком об этом задумываться. Слушая его, я понимал, сколько воды утекло с тех пор, когда мне казалось, что я держу весь мир за яйца, сколько стремительных дней рождения пронеслось со времени моего первого года в Европе, когда я был так наивен и так уверен в себе, что каждая крохотная удача заставляла меня чувствовать себя ревушим от счастья чемпионом.

Давно уже я так себя не чувствовал. Наверное, в западне тех лет мысль о том, что я чемпион, невеста как оказалась выбита у меня из головы. Теперь же я снопа ее уловил, и оттого показался себе совсем старым. Вдобавок я задержался, что за такую бездну времени сделал так мало.

Откинувшись на спинку стула, я потягивал пиво. На кухне грохотал повар, а фортепиано отчего-то сдохло. Из дома доносилась болтовня на испанском, создавая невнятный фон для моих спутанных мыслей. Впервые я остро ощутил всю чужеродность этого места, реальное расстояние, которое я оставил между собой и своей последней точкой опоры. Не было никакой причины испытывать напряжение, но я тем не менее его испытывал — давление жаркого воздуха и проходящего времени — холостое напряжение, что накапливается в тех краях, где люди потеют все двадцать четыре часа в сутки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующее утро я встал пораньше и отправился искупаться. Солнце жарило от души, и я несколько часов проторчал на берегу, надеясь, что никто не заметит мою нездоровую нью-йоркскую бледность.

В половине двенадцатого я влез в автобус у отеля. Свободных мест не оказалось, и мне пришлось стоять. Воздух в автобусе был как в парилке, но никого это, похоже, не трогало. Все окна были закрыты, и вонь стояла просто невыносимая. К тому времени, как мы добрались до Пласа-Колон, я весь вымок от пота и испытывал жуткое головокружение.

Спустившись по холму к зданию «Ньюс», я опять увидел там толпу. Некоторые притащили с собой здоровенные транспаранты, а другие просто сидели или прислонялись к припаркованным машинам, время от времени выкрикивая что-то любезное в адрес входивших и выходивших. Я постарался не обращать внимания, но один мужик направился вслед за мной, размахивая кулаками и что-то

крича на испанском, пока я спешил к лифту. Я попытался поймать его дверцами, но он ловко отскочил, когда они закрылись.

Пока я шел по коридору к отделу новостей, оттуда доносились чьи-то истошные вопли. Открыв дверь, я увидел стоящего посреди комнаты Лоттермана. Размахивая свежим номером «Эль-Диарио», он грозил кулаком маленькому блондинистому мужичонке и орал:

— Моберг! Ты, пьянь вонючая! Твои дни сочтены! Если что-то случится с телетайпом, на его ремонт уйдет все твое выходное пособие!

Моберг молчал как рыба. Судя по его виду, ему было самое время в больницу. Позднее я узнал, что около полуночи, вусмерть налимонившись и пребывая в состоянии буйной невменяемости, Моберг забрел в отдел новостей и нассал на телетайп. И сверх того мы могли первыми опубликовать новости об убийстве на берегу, но сигнал от полиции принял опять-таки автопилотный Моберг. Лоттерман снова его проклял, а затем повернулся к только только вошедшему Сале.

— А ты, Сала, вчера где был? Почему у нас с этого убийства ни никаких фотографий?

Сала изобразил удивление.

— Что за черт? Я закончил в восемь. Вы думаете, я буду двадцать четыре часа в сутки вкалывать?

Лоттерман что-то пробормотал и отвернулся. Тут он заметил меня и поманил к себе в кабинет.

— О Господи! — воскликнул он, усаживаясь. — Ума не приложу, как с такими обормотами работать! Сбегают с работы когда хотят, ссут на дорогостоящее оборудование, без конца нажираются... Просто удивительно, как я еще не спятил!

Я улыбнулся и закурил сигарету.

Лоттерман посмотрел на меня с любопытством.

— От всей души надеюсь, что хоть ты нормальный. Еще одни извращенец стал бы здесь последней каплей.

— Извращенец? — переспросил я.

— Ну-ну, ты знаешь, о чем я. — Лоттерман махнул рукой. — Извращенцы в широком смысле — пьяницы, бродяги, воры... Одному Богу ведомо, откуда они являются.

— Ага, — кивнул я.

— Фунта дерьма не стоят! — с жаром воскликнул он. — Скользят тут как змеи, широко мне улыбаются, а йотом исчезают, ни черта никому не сказав. — Он грустно покачал головой. — Как мне выпускать газету, когда кругом одни алканавты?

— Дело табак, — подытожил я.

— Вот именно, — пробормотал Лоттерман. — Хуже не придумаешь. — Тут он поднял голову. — Я хочу, чтобы ты как можно скорее тут со всем ознакомился. Когда здесь закончим, иди в библиотеку и поройся в старых номерах — сделай кой-какие выписки, выясни, что тут вообще происходит. — Он кивнул. — А потом можешь посидеть здесь с Сегаррой, нашим главным редактором. Я велел ему тебя проинструктировать.

Мы еще немного поговорили, и я упомянул о слухе насчет того, что газета может закрыться. Лоттерман явно встревожился.

— Тебе это Сала наболтал, верно? Ну так не обращай на него внимания — он псих.

Я улыбнулся.

— Очень хорошо. Я просто подумал, что надо спросить.

— Слишком много психов тут околачивается, — рывкнул Лоттерман. — Нам бы немного душевного здоровья.

По дороге в библиотеку я задумался о том, как долго я задержусь в Сан-Хуане — как скоро меня наградят ярлыком типа «змея» или «извращенец», как скоро я начну лягать себя по яйцам или буду покрошен на мелкие кусочки националистическими головорезами. Я помнил голос Лоттермана, когда он звонил мне в Нью-Йорк, — помнил странную отрывистость и загадочные фразы. Тогда я этого не почувствовал, зато теперь узрел воочию. Я почти мог представить себе в тот момент Лоттермана — как он судорожно хватается за телефонную трубку и старается не срываться на крик, пока у его порога собирается толпа, а пьяные репортеры заливают мочой всю редакцию, как он напряженно выдавливая: «Дело верное, Кемп, вы разумно рассуждаете, просто приезжайте сюда, и...»

И вот он я — новый типаж в змеиной яме, пока еще не классифицированный извращенец, щеголяющий пестрым галстуком и рубашкой на пуговицах сверху донизу, — уже не молодой, но и не со-

всем за бугром — человек на некоем рубеже, топающий и библиотеку, чтобы выяснить, что тут вообще происходит.

Я просидел там минут двадцать, когда худощавый импозантный пуэрториканец вошел и похлопал меня по плечу.

— Кемп? — спросил он. — Я Ник Сегарра — есть у тебя свободная минутка?

Я метал, и мы обменялись рукопожатием. Глазки у него были маленькие, свинячьи, а волосы так идеально причесаны, что мне пришла в голову мысль о небольшом парике. Сегарра выглядел как человек, который вполне мог писать биографию губернатора, а также как человек, регулярно посещающий губернаторские вечеринки с коктейлями.

Когда мы проходили по отделу новостей, направляясь в один из углов к столу Сегарры, мужчина, который, казалось, только что сошел с рекламы самого лучшего рома, закрыв за собой дверь, помахал Сегарре. Затем он подошел к нам — элегантный, улыбчивый, очень загорелый, с лицом истинного американца. В своем сером полотняном костюме он сильно смахивал на дипломата. Он тепло приветствовал Сегарру, и они пожали друг другу руки.

— Какая там любезная толпа на улице, — сказал незнакомец. — Один мерзавец даже харкнул в меня, когда я входил. Надо же — слюны людям не жалко.

Сегарра покачал головой.

— Это ужасно, ужасно... А Эд только продолжает их злить... — Тут он взглянул на меня. — Пол Кемп, — сказал он. — Хел Сандерсон.

Мы пожали друг другу руки, у Сандерсона была крепкая, отработанная хватка, и у меня возникло чувство, что когда-то в молодости его убедили мерить мужчину по силе рукопожатия. Он улыбнулся, затем взглянул на Сегарру.

— Есть время выпить? У меня тут для тебя кое-что интересное.

Сегарра взглянул на часы.

— Да, конечно. Я все равно уже уходить собирался. — Он повернулся ко мне. — Поговорим завтра — идет?

Когда я направился к двери, Сандерсон крикнул мне вслед:

— Хорошо, что ты с нами, Пол. Как-нибудь вместе позавтракаем.

— Непременно, — откликнулся я.

Остаток дня я провел в библиотеке и ушел оттуда в восемь. На выходе из здания я столкнулся с входящим туда Салой.

— Чем сегодня заняться думаешь? — спросил он.

— Ничем, — ответил я.

Сала явно обрадовался.

— Вот и славно. Мне нужно кое-какие фотографии в местных казино сделать — присоединиться не желаешь?

— Желаю, — сказал я. — А прямо так идти можно?

— Да, черт возьми, — кивнул он и ухмыльнулся. — Все, что тебе нужно, это галстук.

— Хорошо, — сказал я. — Я сейчас к Элу — подходи, когда закончишь.

Сала кивнул.

— Буду минут через тридцать. Надо одну пленку обработать.

Вечер был жарким, и береговая линия кишела крысами. В нескольких кварталах от здания редакции стоял на приколе огромный лайнер. Тысячи разноцветий мерцали на его палубе, а изнутри доносилась музыка. Внизу у сходней толпились, как мне показалось, американские бизнесмены и их жены. Я перешел на другую сторону улицы, но воздух был так недвижим, что я по-прежнему отчетливо слышал их болтовню — радостные полупьяные голоса откуда-то из американской глубинки, из какого-нибудь невзрачного городишки, где они проводили по пятьдесят недель в году. Я остановился в тени старинного пакгауза и прислушался, чувствуя себя человеком, вовсе лишенным родины. Туристы меня не видели, и я несколько минут слушал голоса из Иллинойса, Миссури и Канзаса, слишком хорошо их распознавая. Затем, по-прежнему стараясь держаться в тени, я двинулся дальше и повернул на холм к Каллс-О'Лири.

В квартале перед Элом было полно народу: старики сидели на ступеньках, женщины то и дело входили и выходили, дети гонялись друг за другом по узким тротуарам, из открытых окон звучала

музыка, голоса что-то бубнили на испанском, из грузовика с мороженым доносилось позвякивание «Колыбельной» Брамса, а дверь Эла заливал мутный свет.

Я прошел в патио, по пути заказав гамбургеры и пиво. За одним из дальних столиков в одиночестве сидел Йемон, внимательно изучая какие-то записи в блокноте.

— Что там такое? — поинтересовался я, усаживаясь напротив.

Он поднял взгляд, отталкивая блокнот в сторону.

— А, этот чертов рассказ про эмигрантов, — устало ответил он. — Его надо было сдать еще в понедельник, а я даже не начал.

— Что-то объемное? — спросил я.

Йемон взглянул на блокнот.

— Н-да... для газеты, пожалуй, слишком объемное. — Он посмотрел на меня. — Насчет того, почему пуэрториканцы уезжают с Пуэрто-Рико. — Он покачал головой. — Я всю неделю откладывал, а теперь, когда здесь Шено, дома этим заниматься ни черта не могу...

— А где ты живешь? — спросил я.

Он одарил меня широкой улыбкой.

— Тебе обязательно следует посмотреть — прямо на пляже, милях в двадцати от города. Красотища! Нет, тебе непременно следует посмотреть.

— Звучит заманчиво, — отозвался я. — Мне бы и самому что-нибудь такое присмотреть.

— Тебе нужна машина, — сказал Йемон. — Или как у меня — мотороллер.

Я кивнул.

— Ага, с понедельника начну подыскивать.

Сала прибыл в тот самый момент, когда Гуталин вышел с моими гамбургерами.

— Мне три таких же, — рявкнул Сала. — По-быстрому — я чертовски спешу.

— Все работаешь? — спросил Йемон.

Сала кивнул.

— Только не на Лоттермана. Это для старины Боба. — Он закурил сигарету. — Моему агенту нужны кое-какие снимки из казино. Не так легко их заполучить.

— Почему? — спросил я.

— Нелегальщина, — объяснил Сала. — Когда я только-только сюда приехал, меня застукали за фотографированием в «Карибе». Пришлось с комиссаром Роганом повидаться. — Он рассмеялся. — Он спросил меня, каково бы мне было, если бы я сфотографировал какого-нибудь несчастного ублюдка у рулетки и этот снимок появился бы в газете его родного городка аккурат перед тем, как он захотел бы взять ссуду в банке. — Он снова рассмеялся. — Я ответил, что мне было бы глубоко плевать. Я, черт возьми, фотограф, а не работник сферы социальных проблем.

— Да ты просто террорист, — с улыбкой заметил Йемон.

— Ага, — согласился Сала. — Теперь меня здесь знают — приходится вот этим орудовать. — Он показал нам миниатюрный фотоаппаратик чуть больше зажигалки. — Мы с Диком Трейси заодно, — сказал он с ухмылкой. — Они все у меня попляшут.

Тут Сала перевел взгляд на меня.

— Ну что, день уже прошел — есть предложения?

— Какие предложения?

— Ты сегодня первый день на работе, — пояснил он. — Кто-то наверняка уже предложил тебе сделку.

— Ничего подобного, — сказал я. — Я только познакомился с Сегаррой... и с типом по фамилии Сандерсон. Чем он, кстати говоря, занимается?

— Пиарщик. Работает на «Аделанте».

— На правительство?

— В каком-то смысле, — сказал Сала. — Народ Пуэрто-Рико платит Сандерсону, чтобы он украшивал его имидж в Штатах. «Аделанте» — это такая большая контора по связям с общественностью.

— А когда он на Лоттермана работал? — спросил я. В старых номерах «Ньюс» мне несколько раз попадалась колонка Сандерсона.

— Он был здесь с самого начала — около года проработал, а потом связался с «Аделанте». Лоттерман бухтит, будто они его нагло переманили, но на самом деле потеря невелика. Он пустышка, на-

стоящий мукозвон.

— Ты про того кореша Сегарры? — спросил Йемон.

— Ну да, — отозвался Сала, рассеянно очищая гамбургеры от латука и помидоров. Затем он быстро съел их и встал. — Идем, — сказал он, глядя на Йемона. — Может, немного развеешься.

Йемон покачал головой.

— Мне надо добить этот проклятый рассказ, а потом рулить прямо к дому. — Он улыбнулся. — Я ведь теперь семейный.

Расплатившись, мы вышли к машине Салы. Верх был опущен, и получилась превосходная, быстрая поездка по бульвару к Кондадо. Дул прохладный ветерок, а рев маленького мотора путался в деревьях у нас над головами, пока машина виляла в уличном потоке.

Казино «Карибе» располагалось на втором этаже — просторное дымное заведение с темными драпировками на стенах. Сала захотел работать один, так что у входа мы разделились.

Я остановился у стола, где играли в очко, но там все так тоскливо смотрелось, что я перебрался поближе к игрокам в кости. Здесь было куда веселее. Группа матросов, расположившихся вокруг стола, увлеченно орала, пока кубик прыгал по зеленому сукну, а крупье, будто ошалелые садовники, отгребали туда-сюда круглые фишки. Среди матросов попадались инородные вкрапления в виде мужчин в шелковых костюмах и смокингах. Курили они преимущественно сигары, а изъяснялись с нью-йоркским акцентом. В облаке дыма у меня за спиной один такой типаж представился как «самая большая шишка во всем Нью-Джерси». Я с некоторым любопытством обернулся и увидел, как «шишка» сдержанно улыбается, пока стоящая рядом женщина бьется в припадке дикого смеха.

Рулетку в основном окружали бальзаковские дамочки, и почти все они выглядели много старше, чем бы им хотелось. Освещение в игорных залах неизменно играет со стареющими женщинами злую шутку. Мигом выявляется каждая морщина на лице и каждая бородавка на шее; капельки пота между неразвитых грудей, волоски на вдруг обнажившемся соске, дряблые руки и запавшие глаза. Я с интересом наблюдал за их красными от свежего загара физиономиями, пока они тупо таращились на скачущий шарик и нервно щупали свои фишки.

Затем я вернулся к столу, где молодой пуэрториканец в белом костюме выдавал бесплатные сэндвичи.

— Дело сделано, — сказал я ему.

— Си, — с важным видом подтвердил пуэрториканец.

Только я направился обратно к рулетке, как кто-то взял меня за руку. Это был Сала.

— Готов? — спросил он. — Двигаем дальше.

Мы проехали дальше по улице к отелю «Конда-до-Бич», но там казино оказалось почти пустым.

— Здесь пролет, — сказал Сала. — Заглянем по соседству.

По соседству располагался отель «Ла-Конча». Здесь народу в казино было больше, но атмосфера висела все та же — ощущение какого-то тупого неистовства. Примерно так чувствует себя человек, принимающий стимулятор, когда все, что ему на самом деле хочется, — просто поспать.

Невесть как я увлекся девушкой, которая заявляла, что она с Тринидада. К ее большим грудям отлично подходило плотное зеленое платье и британский акцент. Вышло так, что в какой-то момент я стоял рядом с ней у рулетки — а в следующий мы уже оказались на автостоянке, поджидая Салу, который тем же волшебным образом успел закардрить знакомую моей подружки.

Немалых усилий нам стоило забраться в машину. Сала казался возбужденным.

— К черту остальные снимки, — сказал он. — Завтра доделаю. — Тут он замялся. — Ну... а что теперь?

Никаких порядочных заведений, кроме Эла, я не знал, а посему предложил туда закатиться. Сала воспротивился.

— Там будет вся эта газетная шваль, — заметил он. — Они как раз сейчас закругляются.

Последовало недолгое молчание — а затем Лорейн подалась к переднему сиденью и предложила отправиться на пляж.

— Ночь такая чудная, — сказала она. — Давайте просто по дюнам покатаемся.

Я не смог удержаться от смеха.

— Да, черт возьми, — вырвалось у меня. — Давайте раздобудем рома и поедем по дюнам.

Сала что-то проворчал и завел мотор. Через несколько кварталов мы остановились у винного

погребка, и он вылез из машины.

— Бутылку-то я возьму, — сказал он. — А вот льда у них наверняка нет.

— Наплевать, — откликнулся я. — Только бумажные стаканчики не забудь.

Чем ехать до самого аэропорта, где, по словам Салы, пляжи были безлюдны, он свернул у самого края Кондадо, и мы остановились на пляже перед участком жилой застройки.

— Здесь мы не проедем, — сказал он. — Почему бы не пойти искупаться?

Лорейн согласилась, но другая девушка заартачилась.

— Да в чем, черт возьми, дело? — возмутился Сала.

Девушка одарила его холодным взглядом и промолчала. Мы с Лорейн вылезли из машины, оставив Салу наедине с его проблемами. Затем мы прошли несколько сот ярдов по берегу, и меня стало глотать любопытство.

— Ты правда искупаться хочешь? — наконец спросил я.

— Конечно, — ответила она, стягивая платье через голову. — Всю неделю мечтала. Тут такая скучища — мы ничего не делали, а только все сидели, сидели, сидели.

Я разделся и стал смотреть, как Лорейн забавляется мыслью, снимать ей нижнее белье или не снимать.

— Зачем его зря мочить? — сказал я.

Она улыбнулась, отдавая должное моему совету, затем расстегнула лифчик и спустила трусики. Мы прошли к воде. Она была теплая и соленая, но волны оказались так велики, что ни мне, ни ей не удалось удержаться на ногах. Я решил было пробиться по ту сторону волн, но один взгляд на мрачное море заставил меня передумать. Тогда мы немного повозились в прибое, позволяя волнам себя сшибать. Наконец Лорейн направилась обратно к берегу, говоря, что совсем вымоталась. Я пошел следом, и, когда мы уселись на песок, предложил ей сигарету.

Мы немного поговорили, стараясь поскорее просохнуть, а затем Лорейн вдруг потянула меня к себе.

— Возьми меня, — настойчиво прошептала она.

Я рассмеялся и шутливо укусил ее за сосок. Лорейн застонала и схватила меня за волосы. После недолгой возни я перенес ее на одежду, чтобы не лип песок. Запах женского тела безумно меня возбуждал — яростно схватив Лорейн за ягодицы, я принялся толкать ее вверх-вниз. Она вдруг взвыла: вначале я подумал, что сделал ей больно, но тут же понял, что Лорейн испытывает сильнейший оргазм. Она пережила сразу несколько подряд, всякий раз испуская громкие стоны, прежде чем я ощутил неторопливое биение собственного оргазма.

Мы лежали там несколько часов, снова и снова принимаясь за дело, пока наконец не утихомирились. По-моему, за все это время мы не сказали друг другу и пятидесяти слов. Лорейн словно бы не требовалось ничего, кроме тесных объятий и оргазмических стонов — судорожной схватки двух тел в песке.

Меня по меньшей мере тысячу раз жалили «мимисы» — крошечные сикарахи, но укус как у доброй пчелы. Все в жутких волдырях, мы наконец оделись и заковыляли по пляжу к тому месту, где накануне оставили Салу с девушкой.

Обнаружив, что они уехали, я ничуть не удивился. Мы вышли на улицу и поймали такси. Я высадил Лорейн у «Карибе» и пообещал на следующий день позвонить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Добравшись до работы, я поинтересовался у Салы, что приключилось с его девушкой.

— Ох, не говори, — пробормотал он. — Эта сука в истерику кинулась — пришлось уехать. — Он замялся. — А как твоя?

— Лучше не бывает, — ответил я. — Мы прошли с милю, а потом назад кинулись.

Сала с любопытством меня поразглядывал, а затем ушел в темную комнату.

Остаток дня я провел, перерабатывая тексты. Когда я уже собрался уходить, Тиррелл подозвал меня к своему столу и сказал, что завтра утром у меня раннее задание в аэропорту. Мэр Майами прибывал в семь тридцать, и я должен был туда явиться, чтобы взять у него интервью. Чем брать такси, я решил позаимствовать машину у Салы.

В аэропорту я опять увидел все тех же невысоких мужчин с заостренными чертами лиц — сидя

у окна, они ожидали самолета из Майами.

Я купил за сорок центов номер «Таймс» и прочел про буран в Нью-Йорке: «Меррит-Паркуэй закрыта... четыре часа пробка... снегоуборочные машины на улицах... герой дня — водитель снегоуборочной машины со Стейтен-Айленд... мэр Вагнер был во всеоружии... все опоздали на работу...»

Я взглянул на яркое карибское утро — зеленое, ленивое, полное солнца — и отложил «Таймс».

Самолет из Майами прибыл, но никакого мэра на нем не оказалось. После настойчивых распросов я выяснил, что визит отменен «по состоянию здоровья».

Я добрался до телефонной будки и позвонил в отдел новостей. Трубку взял Моберг.

— Мэра нет, — сообщил я.

— Чего? — рявкнул Моберг.

— Говорят, заболел. Писать не о чем. Что мне делать? — спросил я.

— Держись подальше от конторы, — посоветовал Моберг. — Тут такая буча поднялась. Двое сторожей вчера вечером руки себе поломали. — Он рассмеялся. — Теперь они тут собрались всех нас угрохать. Приезжай после ленча — тогда будет спокойнее.

Я вернулся в буфет и позавтракал — съел яичницу с беконом, несколько кусочков ананаса и выпил четыре чашки кофе. Затем, чувствуя сытую расслабленность и совершенно не тревожась о здоровье мэра Майами, вышел на автостоянку и решил навестить Йемона. Он дал мне ориентиры своего пляжного домика, но я оказался не готов к песчаной дороге. Она скорее напоминала просеку, прорубленную в филиппинских джунглях. Весь путь я проехал на малых передачах, слева было море, а справа — громадное болото. Минув целые мили кокосовых пальм и деревянных лачуг, полных безмолвно глазающих аборигенов, я то и дело вилял, чтобы не наехать на кур и коров, давил сухопутных крабов, одолевал на первой передаче глубокие лужи затхлой воды, дергался и подпрыгивал в колеях и выбоинах, впервые со времени отъезда из Нью-Йорка чувствуя, что и впрямь прибыл на Карибы.

Косое утреннее солнце придавало ярко-зеленым пальмам золотистый оттенок. Белое сияние дюн заставляло меня щуриться, пока я тащился по колее. От болота поднимался серый туман, а перед лачугами негритянки развешивали на планчатых изгородях выстиранное белье. Внезапно навстречу мне попался красный пивной грузовик, доставлявший товар в торговую точку под названием «Эль-Кольмадо-де-Хесус-Лопо», миниатюрный магазинчик под тростниковой крышей, расположенный на поляне у дороги. В конце концов, после сорока пяти минут адской, первобытной езды, в поле зрения появилось нечто похожее на сектор бетонных домишек на краю пляжа. Согласно ориентирам Йемона это было именно то, что требовалось. Я свернул и проехал еще ярдов двадцать по пальмовой рощице, пока не остановился у дома.

Я сидел в машине и ждал, когда появится Йемон. Его мотороллер стоял в патио перед домом, так что я знал, что он там. Когда прошло несколько минут, но все осталось по-прежнему, я вылез из машины и огляделся. Дверь была открыта, но дом оказался пуст. Вообще говоря, это был даже не дом, а что-то вроде тюремной камеры. У одной стены стояла кровать, накрытая сеткой от moskitov. Все жилище состояло из одной комнаты двенадцать на двенадцать, с крошечными окошками и бетонным полом. Внутри было темно и сыро, и я даже представить себе не мог, каково там будет, если закрыть дверь.

Все это — одним взглядом. Я остро сознавал, что прибыл незваным, и не хотел, чтобы меня застали, пока я, будто шпион, буду здесь что-то вынюхивать. Через патио я вышел на песчаный утес, который резко обрывался к пляжу. Справа и слева не было ничего, кроме белого песка и пальм, а впереди лежал океан. Ярдах в пятидесяти от берега начинался барьерный риф, о который разбивался прибой.

Тут я заметил две фигуры, что прижимались друг к другу поблизости от рифа. Я узнал Йемона и девушку, которая прибыла со мной на самолете. Нагие, они стояли по пояс в воде — девушка ногами обхватывала бедра Йемона, а руками обвивала шею. Голова ее была запрокинута, и длинные волосы плыли по воде подобно белокурой гриве.

Поначалу я подумал, что вижу мираж. Сцена была столь идиллической, что мой разум отказался принять ее за реальность. Я просто стоял и смотрел. Йемон держал девушку за талию, медленно ее покачивая. Затем до меня донесся звук — негромкий счастливый вскрик, когда она распростерла руки, точно крылья.

Тогда я ушел оттуда и поехал назад — к магазинчику «Хесус-Лопо». Купив за пятнадцать центов небольшую бутылку пива, я сел на скамейку у магазинчика, чувствуя себя дряхлым стариком.

Сцена, свидетелем которой я только что стал, вынесла на поверхность массу воспоминаний — не о том, что я некогда сделал, а о том, чего я сделать не смог, — о даром потраченных часах, моментах разочарования и навеки упущенных возможностях — упущенных, потому что время уже съело колоссальную часть моей жизни, и мне ее было не вернуть. Я одновременно завидовал Йемону и чувствовал жалость к себе, ибо увидел его в такой момент, после которого все мое счастье показалось тусклым и унылым.

Страшно одиноко было сидеть на той скамье, пока сеньор Лопо глазел на меня из-за прилавка будто черный маг — житель страны, где белому человеку в вельветовой куртке нечего было делать, где его бесконечные шатания не находили никаких извинений. Я просидел там минут двадцать, выдерживая на себе взгляд продавца, а потом поехал обратно к дому Йемона, надеясь, что они уже закончили.

Я предельно осторожно подъезжал к дому, но Йемон встретил меня радостными воплями раньше, чем я свернул с дороги.

— Езжай назад! — орал он. — Нечего свои пролетарские проблемы сюда возить!

Я смущенно улыбнулся и подкатил к патио.

— Только страшное несчастье, Кемп, могло тебя в такую рань сюда принести, — с ухмылкой произнес Йемон. — Что стряслось — газета закрылась?

Я покачал головой и вылез из машины.

— Я меня было раннее задание в аэропорту.

— Вот и славно, — сказал он. — Ты как раз к завтраку поспел. — Он кивнул в сторону хижины. — Шено там стряпает — мы только-только с утреннего купания.

Я прошел к краю пляжа и огляделся. Внезапно мне страшно захотелось скинуть с себя одежду и броситься в воду. Солнце палило вовсю, и я с завистью взглянул на Йемона, на котором были только черные трусы. Стоя там в куртке и галстук, я чувствовал себя сборщиком налогов. По лицу стекал пот, а влажная рубашка липла к спине.

Тут из дома вышла Шено. По ее улыбке сразу можно было понять, что она признала во мне того самого дегенерата, который взбесился в самолете. Я состроил нервную улыбку и поздоровался.

— Я тебя помню, — сказала она, и Йемон рассмеялся, пока я лихорадочно искал, что бы еще сказать.

На Шено было белое бикини, волосы падали ей до пояса. Теперь в ней не было решительно ничего от секретарши; скорее она виделась диким и чувственным ребенком, который отродясь не носил на себе ничего, кроме двух полосок белой ткани и теплой улыбки. Роста Шено была очень невысокого, но форма тела делала ее крупнее. Вовсе не хрупкое, неразвитое телосложение большинства невысоких девушек, а плотная округлость, что представлялась сплошь бедрами, ягодицами, сосками и длинноволосым теплом.

— Я зверски голоден, — сказал Йемон. — Как насчет завтрака?

— Почти готов, — ответила Шено. — Хочешь грейпфрут?

— Еще как, — отозвался он. — Садись, Кемп. Брось ты свои переживания. Хочешь грейпфрут?

Я покачал головой.

— Черт, да не будь ты таким учтивым, — сказал он. — Я же знаю, что хочешь.

— Ладно, — сдался я. — Давай твой грейпфрут.

Шено появилась с двумя тарелками. Одну она отдала Йемону, а другую поставила передо мной. Тарелка была доверху заполнена омлетом с беконом.

Я снова покачал головой и сказал, что уже поел.

Шено улыбнулась.

— Не волнуйся. У нас этого навалом.

— Серьезно, — сказал я. — Я в аэропорту поел.

— Не страшно, — отозвался Йемон. — Еще поешь. А потом мы раздобудем омаров — у тебя же все утро впереди.

— А на работу ты не собираешься? — поинтересовался я. — Мне казалось, тот рассказ про эмигрантов должен был быть готов сегодня.

Йемон ухмыльнулся и помотал головой.

— Меня поставили на эту ерундовину с затонувшими сокровищами. Сегодня днем я встречаюсь с ныряльщиками — они говорят, будто у самого выхода из гавани останки старинного испанского га-

леона нашли.

— А эмигрантов совсем отменили? — спросил я.

— Нет. Примусь за них, когда с галеоном разделаюсь.

Я пожал плечами и принялся за еду. Шено вышла из домика со своей тарелкой и уселась у кресла Йемона.

— Садись сюда, — предложил я и начал вставать.

Она улыбнулась и помотала головой.

— Нет, мне так удобно.

— Да сядь ты, — бросил мне Йемон. — Какой-то ты странный, Кемп, — наверное, тебе вредно рано вставать.

Я что-то пробормотал о правилах хорошего тона и вернулся к еде. Поверх тарелки мне были видны ноги Шено — маленькие, плотные и загорелые. Она была почти голая и так явно этого не сознавала, что мне было как-то не по себе.

После завтрака и фляги рома Йемон предложил отправиться к рифу с подводным ружьем и поискать омаров. Я тут же согласился, явственно чувствуя, что ничего не может быть хуже, чем сидеть здесь и изнемогать от собственной похоти.

У Йемона оказался набор для подводного плавания, дополненный большой двустволкой, а я воспользовался маской и дыхательной трубкой, купленными им для Шено. Мы догребли до рифа, и я стал наблюдать с поверхности, как Йемон рыщет по дну в поисках омара. Вскоре он поднялся и отдал мне ружье, но без ластов мне было сложно маневрировать, так что я сдался и позволил нырять ему. Впрочем, мне и так больше нравилось качаться в нежном прибое на поверхности, оглядывая белый пляж и зеленые пальмы, то и дело нагибаясь, чтобы увидеть плывущего внизу, словно бы в другом мире, Йемона, пока он скользил по-над самым дном подобно какой-то чудовищной рыбине.

Мы продвинулись вдоль рифа ярдов на сто, а затем Йемон сказал, что надо попробовать с другой стороны.

— Там надо поосторожнее, — предупредил он, подгребая к неглубокой щели в рифе, — Могут быть акулы — посматривай, пока я буду внизу.

Согнувшись вдвое, Йемон ловко нырнул. И считанные секунды спустя появился с крупным зеленым омаром, бьющимся на конце остроги.

Вскоре он вернулся еще с одним, и мы свернулись. Шено ожидала нас в патио.

— Отличный ленч, — сказал Йемон, бросая омаров в ведро у двери.

— И что теперь? — поинтересовался я.

— Просто оторвем им клешни и вскипятим, — ответил Йемон.

— Вот черт, — подсадовал я. — Хотел бы я остаться.

— А когда тебе на работу? — спросил Йемон.

— Очень скоро, — ответил я. — Там ждут моего отчета про мэра Майами.

— Хрен с ним, с мэром, — сказал Йемон. — Оставайся — мы непременно напьемся и убьем пару-другую кур.

— Кур? — переспросил я.

— Ага. У всех моих соседей есть куры. Они тут бегают как дикие. Я убил одну на прошлой неделе, когда у нас совсем не было мяса. — Он рассмеялся. — Классный спорт — с подводным ружьем за ними гоняться.

— Господи Боже, — пробормотал я. — Эти люди будут гоняться с ружьями за тобой, если увидят, как ты стреляешь их кур.

Вернувшись в редакцию, я нашел Салу в темной комнате и сказал ему, что машина свободна.

— Вот и славно, — отозвался он. — Нам надо съездить в университет. Лоттерман хочет, чтобы ты с торговцами электроэнергией познакомился.

Мы несколько минут поговорили, а затем Сала спросил меня, сколько я еще намерен оставаться в отеле.

— Очень скоро придется съехать, — ответил я. — Лоттерман сказал, что я могу оставаться, пока не подыщу себе место, но потом добавил, что недели хватит за глаза.

Он кивнул.

— Точно. Он очень скоро заставит тебя съехать — или просто перестанет оплачивать твой

счет. — Сала поднял взгляд. — Если хочешь, можешь пожить у меня. По крайней мере, пока не подыщешь что-нибудь себе по вкусу.

— А что, пожалуй. — Я задумался. — Какая там у тебя квартплата?

— Шестьдесят.

— Годится, — сказал я. — А я тебе на нервы действовать не буду?

— Не будешь, — отозвался Сала. — Я там почти и не бываю — это место меня угнетает.

Я улыбнулся.

— Ну и когда бы нам это проверить?

Он пожал плечами.

— Когда захочешь. Черт возьми, пока можно, лучше оставаться в отеле. А если Лоттерман возбухнет, скажи, что на следующий день съезжаешь.

Сала собрал свои фотографические манатки, и мы вышли через заднюю дверь, чтобы избежать толпы у передней. Стояла такая жарница, что пот начинал лить всякий раз, как мы останавливались под светофором. Когда мы снова двигались, ветер немного нас охлаждал. Сала вилял в потоке машин на Авенида-Понсе-де-Леон, направляясь к предместьям.

Где-то в Сантурсе мы остановились, позволяя нескольким школьникам перейти дорогу, а те принялись над нами потешаться.

— Ла кукарача! — вопили они. — Кукарача! Кукарача!

Сала явно смутился.

— В чем дело? — спросил я.

— Мелкие ублюдки эту машину тараканом зовут, — пробормотал он. — Надо было мне парочку сшибить.

Когда мы поехали дальше, я улыбнулся и откинулся на спинку сиденья. В том мире, куда я недавно вошел, было что-то странное и нереальное. В одно и то же время он был занятым и смутно гнетущим. Вот он я — живу в роскошном отеле, гоняю по наполовину католическому городку в игрушечном автомобиле, который на вид как таракан, а на слух как реактивный истребитель, крадусь по проулкам и трахаюсь на пляже, охочусь за прокормом в кишачих акулами водах, бегаю от толп, вопящих на незнакомом языке, — и все это происходит в причудливом староиспанском Пуэрто-Рико, где все тратят американские доллары, водят американские машины и расслаиваются вокруг рулеток, прикидываясь, что они в Касабланке. Одна часть городка выглядела как Тампа, а другая — как средневековый дурдом. Все, кого я встречал, вели себя так, словно только-только вернулись с решающей пробы на роль. И при этом мне платили смехотворное жалованье за то, чтобы я бродил по округе, вбирал в себя все происходящее и «выяснял, что тут вообще происходит».

Мне хотелось написать всем моим друзьям и пригласить их сюда. Я подумал про Фила Роллинса, надрывающего задницу в Нью-Йорке, высматривая пробки в метро и стычки бандитских группировок; про Дюка Петерсона, просиживающего штаны в «Белой лошади» и не знающего, что же ему, черт побери, делать дальше; про Карла Брауна в Лондоне, проклиная местную погоду и без конца выискивающего новые задания; про Билла Минниха, намертво спивающегося в Риме. Мне хотелось телеграфировать им всем: «Приезжайте скорее тчк куча места в бочонке рома тчк никакой работы тчк большие деньги тчк пей весь день тчк трахайся всю ночь тчк торопитесь зпт а то прикроется».

Я обдумывал свое послание, наблюдая, как мимо проносятся пальмы, и ощущая, как солнце печет лицо, когда меня вдруг бросило на ветровое стекло, и мы с резким визгом тормозов остановились. В тот же миг футах в шести от нас по перекрестку пронеслось розовое такси.

Глаза Салы полезли на лоб, а вены на шее вздулись.

— Мать Божья! — воскликнул он. — Нет, ты видел этого гада? Видел? Прямо на красный свет!

Он переключил передачу, и мы с ревом рванулись дальше.

— Проклятье! — бормотал он. — Этих мерзавцев слишком много! Надо выбираться отсюда, пока они меня не урочали.

Сала весь дрожал, и я предложил сменить его за баранкой. Он даже внимания не обратил.

— Я серьезно, — пробурчал он. — Надо сматываться — фортуна от меня отворачивается.

Он уже и раньше про это упоминал и, по-моему, всерьез в это верил. Сала вечно говорил о фортунах, но на самом деле имел в виду судьбу весьма упорядоченную. Он твердо верил в то, что нечто значительное и неконтролируемое работает как за, так и против него — нечто, ежеминутно двигаю-

щееся и происходящее по всему свету. Подъем коммунизма тревожил его, ибо означал, что люди становятся слепы к чувствительности Роберта Салы как человеческого существа. Беды евреев угнетали его, ибо означали, что людям нужны козлы отпущения и что рано или поздно он таковым окажется. Салу постоянно тревожила всякая всячина: жестокость капитализма, ибо его таланты эксплуатировались, дебильная вульгарность американских туристов, ибо она обеспечивала его дурной репутацией, беспечная глупость пуэрториканцев, ибо она вечно делала его жизнь опасной и тяжелой, и даже, по совершенно неясной для меня причине, сотни бродячих собак, которых он видел в Сан-Хуане.

В целом подобные воззрения не были особенно оригинальны. Уникальным Салу делал тот факт, что у него напрочь отсутствовало чувство отчужденности. Он был сродни тому бешеному футбольному фанату, который выбегает на поле и хватается игрока противника. Жизнь он рассматривал как Большую Игру, в которой все человечество делилось на команды — «Парни Салы» и «Остальные». Ставки были фантастическими, а каждый матч жизненно важным, и хотя Сала наблюдал за игрой со всепоглощающим интересом, он был во многом фанатом, выкрикивающим не услышанный совет из толпы не услышанных советчиков и с самого начала знающим, что никто не обратит на него внимания, ибо он не тренер команды и никогда им не будет. И, как и всех фанатов, Салу расстраивало понимание того, что лучшее, на что он даже в самую крутую минуту способен, это выбежать на поле и вызвать какую-то противоправную проблему, чтобы вслед за этим его под хохот толпы уволокла охрана.

Мы так и не добрались до университета, поскольку с Салой случился эпилептический припадок, и нам пришлось повернуть назад. Я был порядком смущен, но он только махнул рукой и отказался передать мне баранку.

По пути в редакцию я спросил его, как он умудрился целый год продержаться на этой работе.

Сала рассмеялся.

— А кто к ним еще пойдет? Я единственный профи на острове.

Мы еле-еле ползли в мощной транспортной пробке, и в конце концов Сала так разнервничался, что мне пришлось сесть за руль. Когда мы добрались до редакции, злобные лоботрясы исчезли, но в отделе новостей по-прежнему был жуткий переполох. Тиррелл, рабочая лошадка, только-только уволился, а Моберга до полусмерти избил профсоюзные громилы. Поймав его у здания, они отыгрались за поражение от Йемона.

Сидя в кресле в самом центре отдела новостей, Лоттерман громко стenal и нес жуткую чушь, пока двое полицейских пытались его расспросить. В считанных футах оттуда Тиррелл спокойно сидел за столом и занимался своим делом. Об увольнении он предупредил за неделю.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Как я и ожидал, разговор с Сегаррой обернулся даром потраченным временем. Мы битый час сидели у него за столом, обмениваясь общими фразами и хихикая над пустопорожними шуточками. Хотя Сегарра говорил на превосходном английском, языковой барьер все же существовал, и я немедленно почувствовал, что ничем действительно существенным мы с ним никогда не поделимся. У меня возникло ощущение, что Сегарра знает о происходящем в Пуэрто-Рико, но понятия не имеет о журналистике. Когда он говорил как политик, вес звучало вполне разумно, однако представить его редактором газеты было довольно тяжело. Похоже, Сегарра думал, что, раз он знает истинное положение пещей, этого достаточно. Но мысль о том, чтобы передавать это знание кому-то еще, в особенности широкой читательской аудитории, потрясла бы его как опасная ересь. По ходу разговора он один раз не на шутку меня удивил, сообщив, что они с Сандерсоном были однокурсниками в Колумбийском университете.

Мне потребовалось немало времени, чтобы уяснить для себя функцию Сегарры в газете. К нему обращались как к редактору, но на самом деле он был проходимцем, и особого внимания я ему не уделил.

Пожалуй, именно из-за этого невнимания у меня в Пуэрто-Рико друзей появилось меньше, чем я мог бы завести. Ибо, как однажды весьма учтиво объяснил мне Сандерсон, Сегарра происходил из одной из богатейших и влиятельнейших фамилий на острове, а его отец был в свое время генеральным прокурором. Когда Ник стал редактором „Дайли Ньюс“, газета мигом заимела немало ценных

союзников.

Я не ставил в заслугу Лоттерману подобное лавирование, однако со временем понял, что он использует Сегарру лишь как своего рода витрину — холеное, сладкоречивое подставное лицо, которому надлежало заверять читающую публику, что „Ньюс“ является не рупором янки, а превосходным местным институтом — вроде рома и сахара. После первой беседы мы с Сегаррой обменивались в среднем тридцатью словами в неделю. Порой он оставлял в моей пишущей машинке записку, однако и там стремился сказать как можно меньше. Поначалу это меня вполне устраивало, хотя Сандерсон и объяснил, что, пока я остаюсь для Сегарры нулем, я обречен на социальное забвение.

Однако в то время у меня отсутствовали социальные амбиции, зато имелась лицензия на свободное блуждание. Я был действующим журналистом и обладал свободным доступом ко всему необходимому, включая роскошнейшие котильоны, дом губернатора и тайные бухточки, где по ночам плавали нагишом светские девицы.

Но вскоре Сегарра начал меня раздражать. Появилось чувство, будто меня от чего-то отрезают и будто причина этого — он. Когда меня не приглашали на вечеринки, на которые я, впрочем, и так бы не пошел, или когда я звонил какому-то правительственному чиновнику, а секретарша меня отфутболивала, я начинал чувствовать себя социальным изгоем. Если бы мне казалось, что тут всецело моя вина, это бы меня вовсе не раздражало, но тот факт, что у Сегарры имелся надо мной некий зловерный контроль, начинал действовать мне на нервы. В чем именно он меня ограничивал, было несущественно; важно было то, что он вообще способен был в чем-то меня ограничить — даже в том, чего мне и так совершенно не хотелось.

Поначалу я было решил отделяться смехом, доставлять Сегарре как можно больше неприятных минут и позволять ему строить свои каверзы. Однако так поступать я не стал, ибо не вполне был готов упаковать вещички и двинуться дальше. Я уже становился слишком стар, чтобы наживать могущественных врагов, когда у меня на руках совсем не было козырей. А кроме того, я лишился прежнего энтузиазма, который раньше меня заводил, позволяя делать то, что, на мой взгляд, безусловно требовалось делать, и наделяя уверенностью, что от последствий я всегда убегу. Устал я бегать — и устал не иметь совсем никаких козырей. Однажды вечером, сидя один в патио у Эла, я вдруг явственно осознал, что человек может жить собственным умом и собственной волей лишь определенное время. Я жил так уже лет десять, и у меня возникло ощущение, что резерв почти исчерпан.

Сегарра тесно дружил с Сандерсоном — и, как ни странно, хотя Сегарра считал меня хамом, Сандерсон тут с ним разошелся и неизменно был со мной мил. Через несколько недель я встретился с ним, когда мне нужно было связаться с „Аделанте“ по поводу одной моей заметки, и подумал, что с таким же успехом могу поговорить с Сандерсоном.

Он приветствовал меня как старого приятеля, и, обеспечив всей необходимой информацией, пригласил тем же вечером к себе на обед. Я был так удивлен, что без всяких раздумий согласился. Тон Сандерсона придавал приглашению абсолютную естественность — и только повесив трубку, я понял, что оно вовсе даже не естественно.

После работы я поймал такси до его дома. Там я обнаружил Сандерсона на веранде с мужчиной и женщиной, которые только-только прибыли из Нью-Йорка. Они направлялись на Сент-Люсию, чтобы встретить там свою яхту, которую команда пригнала от Лиссабона. Общий знакомый посоветовал им по прибытии в Сан-Хуан поискать Сандерсона, так что они застали его врасплох.

— Я послал за омарами, — сказал он. — Пока они не придут, нам остается только пить.

Вечер вышел превосходный. Пара из Нью-Йорка напомнила мне что-то, давным-давно не виденное. Мы поговорили о яхтах, в которых я разбирался, потому как работал на них в Европе, и которые знали они, ибо пришли из мира, где все, похоже, имеют хотя бы одну яхту. Мы пили белый ром, который Сандерсон ставил много выше джина, и к полуночи все опьянели вполне достаточно, чтобы отправиться на купание нагишом.

После того вечера я проводил у Сандерсона не меньше времени, чем у Эла. Квартира его была обустроена так, словно ее специально изготовили в Голливуде для съемок фильма о Карибах. Она располагалась в нижней половине старого оштукатуренного дома, стоявшего прямо у пляжа на самом краю городка. Гостиная имела куполообразный потолок, откуда свисал вентилятор, и широкую дверь, что открывалась на обзорную веранду. Перед верандой был сад, полный пальм, ворота которого выводили на пляж. Веранда находилась выше сада, и по вечерам славно было сидеть там с бокалом и

оглядывать роскошную панораму. Время от времени мимо, сверкая огнями, проплывал круизный корабль по пути к Сент-Томасу или на Багамы.

Если вечер был слишком жарким или если ты перебирал с выпивкой, можно было взять полотенце и сойти на пляж искупаться. В дальнейшем под рукой оказывался хороший бренди, а если ты так и не протрезвлялся, то лишняя постель.

Только три вещи раздражали меня у Сандерсона. Первой был сам Сандерсон — хозяин настолько великолепный, что я просто недоумевал, что же с ним не в порядке; еще одной был Сегарра, с которым я там нередко пересекался; третьей же — некто по фамилии Зимбургер, проживавший в верхней половине дома.

Зимбургер оказался скорее зверем, нежели человеком — высокий, пузатый и лысый, физиономия он словно бы позаимствовал из какого-то дьявольского комикса. Объявляя себя инвестором, он вечно болтал о том, чтобы тут и там возводить отели, по и действительности, насколько я мог судить, занимался только тем, что каждый вечер по средам ходил на собрания резервистов морской пехоты. Зимбургер никак не мог распрощаться с тем фактом, что некогда он служил в морской пехоте в чине капитана. В среду он чуть ли не с утра напяливал форму и спускался на веранду к Сандерсону, чтобы пить, пока не подойдет время собрания. Порой Зимбургер носил форму по понедельникам или пятницам, обычно придумывая какую-нибудь неубедительную отговорку.

— Сегодня дополнительное занятие, — говорил он. — Капитан имярек хочет, чтобы я помог с пистолетным инструктажем.

Затем он смеялся и выпивал еще. Свою пилотку он никогда не снимал — даже после пяти-шести часов в помещении. Пил Зимбургер беспрерывно и время от времени нажирался до пороссячьего визга. Тогда он расхаживал по веранде или гостиной, глухо рыча и обличая „трусов и саботажников в Вашингтоне“ за то, что они не посылают морскую пехоту на Кубу.

— Я сам поеду! — орал он. — Будь я проклят, если не поеду! Кто-то должен растоптать эту гадину! — Почему бы не я?

Часто Зимбургер надевал ремень с пустой кобурой — пистолет ему пришлось оставить на базе. Тогда он время от времени хлопал ладонью по кобуре и рычал на какого-то воображаемого врага за дверью. Неловко было наблюдать, как он тянется за оружием. Похоже, Зимбургер думал, что пистолет, тяжелый и готовый к использованию, и впрямь висит на его дряблом бедре — „аккурат как это было на Айво-Джима“. Зрелище было предельно жалкое, и я был безумно рад всякий раз, как он отчаливал.

Когда только мог, я старался избегать Зимбургера, но порой он заставлял нас врасплох. Бывало, я знакомился где-нибудь с девушкой и отправлялся к Сандерсону; мы обедали, а потом просто сидели и беседовали — и вдруг раздавался стук в сетчатую дверь. Вваливался Зимбургер — рожа красная, рубашка цвета хаки заляпана потом, на лысый череп в форме пули нахлобучена пилотка — и он сидел с нами черт знает сколько времени, рыча во всю глотку про какую-то интернациональную катастрофу, которой с легкостью можно было бы избежать, „если бы эти, твою мать, гады дали морской пехоте проделать свою работу, а не держали, блин, нас на привязи, как собак“.

По моему глубокому убеждению, Зимбургера не просто следовало держать на привязи, как собаку, а требовалось пристрелить, как бешеного пса. Я не мог понять, как Сандерсон его переносит. Никогда он не проявлял по отношению к Зимбургеру ничего, кроме любезности, — даже когда всем становилось совершенно ясно, что бравого пехотинца необходимо связать и выкатить в море, как мешок с дерьмом. Я догадывался, что причиной тому была слишком сильная приверженность Сандерсона своей работе пиарщика. Ни разу я не видел, чтобы он вышел из себя. Надо полагать, на работе его седлало куда больше всевозможных зануд, ублюдков и шарлатанов, чем любого другого человека на острове.

Взгляд Сандерсона на Пуэрто-Рико сильно разнился от всех, какие мне случалось слышать в редакции. Никогда ему не доводилось видеть места с таким богатым потенциалом, утверждал Сандерсон. Через десять лет оно станет настоящим раем, новым американским золотым берегом. Многообразие возможностей просто поражало его воображение.

Рассуждая обо всем, что происходило в Пуэрто-Рико, Сандерсон очень возбуждался, но меня всегда терзали сомнения, в какую часть своих заявлений верит он сам. Я никогда ему не противоречил, но он знал, что до конца серьезно я его не воспринимаю.

— Не надо меня кривой улыбкой одаривать, — говорил он, — Я работал в газете и знаю, о чем

эти Идиоты толкуют.

Затем Сандерсон еще сильнее возбуждался.

— Откуда такое высокомерное отношение? — говорил он, — Тут никому нет дела, кончил ты Йельский университет или нет. Для этих людей ты всего-навсего жалкий репортер, очередной бродяга из „Дейли Ньюс“.

Упоминание о Йельском университете было мрачной шуткой. Мне никогда не доводилось бывать ближе, чем в радиусе пятидесяти миль от Нью-Хейвена, но в Европе я обнаружил, что куда проще представиться выпускником Йельского университета, чем объяснять, почему после двух лет в Вандербилте я ушел добровольцем в армию. Я никогда не врал Сандерсону, что учился в Йельском университете; должно быть, он услышал об этом от Сегарры, который наверняка читал мое письмо Лоттерману.

Сандерсон учился в Канзасском университете, а затем в Колумбийской школе журналистики. Он заявлял, что гордится своим крестьянским происхождением, но так явно его стыдился, что мне его даже бывало жалко. Как-то раз, в сильном подпитии, он рассказал мне, что Хел Сандерсон из Канзаса умер — скончался в поезде до Нью-Йорка. А Хел Сандерсон, которого я знаю, родился в тот самый момент, когда поезд подкатил на станцию Пени.

Разумеется, он лгал. Несмотря на карибские шмотки и манеры Мэдисон-авеню, квартиру с видом на море и лимузин „альфа-ромео“, в Сандерсоне осталось столько канзасского, что было неловко смотреть, как он это отрицает. В нем также была масса нью-йоркского, немного европейского и какого-то еще, что вовсе не имело страны и, скорее всего, являлось крупнейшим обособленным фактом его жизни. Когда Сандерсон впервые сказал мне, что задолжал две с половиной тысячи долларов психиатру в Нью-Йорке и платит пятьдесят долларов в неделю еще одному в Сан-Хуане, я просто остолбенел. С того дня я видел его совсем в ином свете.

Не то чтобы я считал его сумасшедшим. Конечно, Сандерсон был шарлатаном, но долгое время я считал его одним из тех шарлатанов, которые могут „включаться“ и „выключаться“, когда захотят. Со мной он казался достаточно честным, и в редкие минуты расслабления он мне чертовски нравился. Но он не так часто сбрасывал свои защитные доспехи, а когда сбрасывал, то обычно под воздействием рома. Сандерсон расслаблялся так редко, что в его естественных манерах было что-то неловкое и ребячливое, почти трогательное. Он так далеко ушел от себя, что уже, как мне кажется, не знал, кто он такой.

Несмотря на все изъяны, я уважал Сандерсона. Он пришел в Сан-Хуан репортером новой газеты, которую большинство посчитало за скверный анекдот, — и через три года стал вице-президентом крупнейшего рекламного агентства на Карибах. Сандерсон чертовски славно тут поработал — и даже если это было не то, чем я склонен был заниматься, все равно приходилось признать, что он справился превосходно.

У Сандерсона была веская причина питать оптимизм по поводу Пуэрто-Рико. Благодаря своей выигрышной позиции в „Аделанте“, он заключал колоссальное количество сделок и получал больше денег, чем, как ему представлялось, мог потратить. Я ни секунды не сомневался, что, если, конечно, исключить резкое повышение гонораров психоаналитиками, Сандерсон находился максимум в десяти годах от того, чтобы стать миллионером. Сам он считал, что в пяти, но тут я уже сомневался, ибо для человека, занимавшегося такой работой, как Сандерсон, казалось почти неприличным заработать миллион долларов еще до сорока лет.

Он вознесся так высоко, что, как я подозревал, уже утратил ощущение границы между бизнесом и тайным сговором. Когда кому-то требовалась земля для нового отеля, когда несогласие на высшем уровне с рокотом прокатывалось по администрации или когда должно было вот-вот случиться нечто важное, Сандерсон обычно знал об этом куда больше губернатора.

Это меня завораживало, ибо сам я всегда был наблюдателем — то есть человеком, который прибывает на место действия и получает небольшие деньги за описание того, что видит. Все, что такой человек может выяснить, заключено в ответах на несколько торопливых вопросов. Теперь же, слушая Сандерсона, я чувствовал себя на грани мощного прорыва. Обдумывая неразбериху Бума и хищническую мораль, что несла его вперед, я впервые в жизни почувствовал, что могу получить шанс влиять на ход вещей, вместо того чтобы просто за ним наблюдать. Я даже мог разбогатеть, видит Бог, это представлялось делом несложным. Я много над этим размышлял и, хотя старался особенно не болтать, начал видеть во всем происходящем новое измерение.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Квартира Салы на Калле-Тетуан была не уютней пещеры, являя собой сырой грот в самом нутре Старого города. Соседство было ниже среднего.

Сандерсон этого района всячески избегал, а Зимбургер звал его клоакой. Квартира напоминала большой гандбольный зал в каком-нибудь зловонном здании Христианского союза молодежи. Потолок футах в двадцати от пола, ни глотка чистого воздуха, никакой мебели, если не считать двух металлических коек и импровизированного столика для пикника. Поскольку квартира была на первом этаже, мы никогда не могли оставить открытыми окна, иначе туда забрались бы воры и очистили это место от того немногого, что там находилось. Через неделю после того как Сала туда въехал, он забыл закрыть одно из окон на шпингалет, и все его жалкие пожитки, включая старые ботинки и грязные носки, были украдены.

Раз у нас не было холодильника, то, следовательно, не было и льда, а посему мы пили теплый ром из грязных стаканов и что было сил старались держаться от этого места подальше. Нетрудно было понять, почему Салу не раздражало совместное пользование, — туда мы отправлялись исключительно за тем, чтобы сменить одежду или поспать. Ночи напролет я просиживал у Эла, напиваясь до полного оцепенения, ибо не мог выносить даже мысли о том, чтобы вернуться в квартиру.

Прожив там неделю, я установил для себя абсолютно четкий распорядок дня. Я спал примерно до десяти, в зависимости от уровня шума на улице, затем принимал душ и шел к Элу завтракать. За немногими исключениями нормальный рабочий день в газете длился от полудня до восьми вечера. Изредка случались колебания на несколько часов в ту или другую сторону. Затем мы возвращались к Элу пообедать. После этого — казино, случайные вечеринки или просто сидение у Эла и судыпересуды, пока мы все в дым не напивались и не разбредались по постелям. Порой я отправлялся к Сандерсону, и обычно там находились люди, с кем вполне можно было выпить. Если не считать Сегарры и жуткого недоумка Зимбургера, все гости у Сандерсона были из Нью-Йорка, Майами или с Виргинских островов. В той или иной степени все они были покупателями, строителями или продавцами — и теперь, оглядываясь назад, я не припоминаю ни единого имени или лица из той доброй сотни людей, с которыми я там познакомился. Ни одной самобытной души из всего того множества. Зато там всегда была приятная, компанейская атмосфера и желанное отдохновение от жутких ночей у Эла.

Однажды в понедельник утром меня разбудил дикий визг. Похоже было, будто под самым окном малых детей разделявали на мясо. Вглядевшись через трещину в ставне, я увидел штук пятнадцать пуэрториканских крох, что выплясывали на тротуаре и мучили трехлапного пса. Я от всей души пожелал, чтобы их разделали на мясо, и поспешил к Элу завтракать.

Там оказалась Шено. Сидя в патио, она читала затрепанный экземпляр „Любовника леди Чаттерлей“. В белом платье и сандалиях, со свободно спадавшими по спине волосами она выглядела совсем юной и прелестной. Когда я подошел к столику и сел, она улыбнулась.

— Что это ты здесь так рано? — поинтересовался я.

Шено закрыла книжку.

— Да Фрицу понадобилось куда-то поехать и закончить рассказ, над которым он работал. А я должна оплатить кое-какие дорожные чеки. Вот жду, пока банк откроется.

— Кто такой Фриц? — спросил я.

Она посмотрела на меня так, словно хотела проверить, проснулся я или еще нет.

— Йемон? — быстро сказал я.

Шено рассмеялась.

— Я зову его Фрицем. Это его второе имя — Аддисон Фриц Йемон. Правда, чудно?

Я согласился, что чудно. Для меня он всегда был только Йемоном. По сути дела, я почти ничего о нем не знал. В течение тех вечеров и ночей у Эла я выслушал жизнеописание едва ли не всех сотрудников газеты, но Йемон после работы неизменно отправлялся прямо домой, и мне пришлось счесть его одиночкой без всякого реального прошлого и с будущим столь туманным, что о нем не имело смысла разговаривать. Тем не менее мне казалось, я знаю его достаточно хорошо, чтобы по этому поводу не обмениваться лишней информацией. С самого начала я чувствовал с Йемоном определенный контакт — нечто вроде смутного понимания, что разговор на этом уровне стоит очень дешево и что у человека, знающего, чего он хочет, остается чертовски мало времени на то, чтобы выяс-

нять, как и что, и уж совсем мало времени на то, чтобы сесть поудобней и объясниться.

Про Шено я тоже почти ничего не знал — кроме того, что с тех пор, как я впервые увидел ее в аэропорту, она очень сильно изменилась. В ней нынешней, счастливой и загорелой, не было и следа того нервного напряжения, которое столь очевидно проглядывало, когда она носила костюм секретарши. Однако не все это напряжение ушло. Где-то под светлыми распушенными волосами и дружелюбной улыбкой маленькой девочки я почувствовал нечто, неуклонно и стремительно движущееся к долгожданному выходу. От этого мне стало как-то не по себе; вдобавок я вспоминал свою первоначальную страсть к ней и как она в то утро смыкала ноги на бедрах Йемона. Вспоминал я и две нескромные полоски белой ткани на ее спелом теле в патио. Все это крутилось у меня в голове, пока я сидел напротив нее у Эла и завтракал.

Завтрак состоял из гамбургера и яичницы. Когда я приехал в Сан-Хуан, меню Эла включало в себя только пиво, ром и гамбургеры. Такой завтрак оказывался весьма легковесным, и я не раз надирался к тому времени, как надо было идти на работу. Однажды я попросил Эла сообразить немного яичницы и кофе. В первый раз он отказался, но, когда я попросил снова, сказал, что попробует. Теперь на завтрак подавали яичницу из одного яйца с гамбургером и кофе вместо рома.

— Ты здесь навсегда? — спросил я.

Шено улыбнулась.

— Не знаю. С работы в Нью-Йорке я уволилась — Она подняла глаза к небу. — Я просто хочу быть счастливой. С Фрицем я счастлива — поэтому я здесь.

Я задумчиво кивнул.

— Звучит разумно.

Шено рассмеялась.

— Это не надолго. Надолго ничего не бывает. Но сейчас я счастлива.

— Счастлива, — пробормотал я, пытаюсь удержать это слово в уме. Но это было одно из тех слов, вроде Любви, значение которых я всегда не вполне понимал. Большинство людей, постоянно имеющих дело со словами, не слишком в них верят, и я не исключение. Особенно мало я верю в большие слова вроде Счастливый, Любимый, Честный и Сильный. Они слишком размыты и относительны, когда сравниваешь их с резкими, гадкими словечками вроде Подлый, Дешевый и Фальшивый. С этими словами я чувствую себя легко и свободно, ибо они тощие и запросто лепятся на место, а большие слова тяжелы — чтобы наверняка с ними сладить, нужен или священник, или кретин.

Я не был готов клеить какие бы то ни было ярлыки к Шено, поэтому постарался сменить тему.

— А над каким рассказом он работает? — спросил я, предлагая ей сигарету.

Шено покачала головой.

— Все над тем же, — ответила она. — Он так с ним намучился — с этой ерундой про пуэрториканцев, которые уезжают в Нью-Йорк.

— Черт возьми, — выругался я. — Я думал, он его давно закончил.

— Нет, — сказала Шено. — Ему всё давали новые задания. Но теперь этот рассказ должен быть закончен сегодня — этим он сейчас и занимается.

Я пожал плечами.

— Напрасно он так беспокоится. Одним рассказом меньше, одним больше — для этой паршивой газетенки особой разницы не будет.

Часов через шесть я выяснил, что разница все же существовала, хотя и не в том смысле, какой имел в виду я. После завтрака я прогулялся с Шено до банка, а потом направился на работу. Было уже шесть часов, когда Йемон вернулся оттуда, где он весь день находился. Я кивнул ему, затем с умеренным любопытством понаблюдав, как Лоттерман подзывает его к столу.

— Хочу поговорить с тобой насчет того рассказа про эмиграцию, — сказал Лоттерман. — Что ты, черт возьми, пытаешься на меня свалить?

Йемон явно удивился.

— Вы о чем?

Лоттерман вдруг перешел на крик.

— Я о том, что у тебя ни черта не выходит! Ты три недели его мусолил, а теперь Сегарра говорит, что он никчемный!

Лицо Йемона побагровело, и он наклонился к Лоттерману, словно собираясь схватить его за

горло.

— Никчемный? — тихо переспросил он. — Почему это он... никчемный?

Таким рассерженным я Лоттермана еще не видел, но Йемон смотрелся так угрожающе, что он мигом сменил тон — самую малость, но все же заметно.

— Послушай, — сказал он. — Я плачу тебе жалованье не за журнальные статьи. О каком таком черте ты думал, когда сдавал двадцать шесть страниц текста?

Йемон еще подался вперед.

— Разбейте его на части, — ответил он. — Не обязательно все сразу печатать.

Лоттерман рассмеялся.

— Вот, значит, как? Хочешь, чтобы я запустил сериал? Не иначе, на Пулицеровскую премию замахиваешься! — Он встал из-за стола и снова повысил голос. — Вот что, Йемон! Когда мне понадобится сериал, я попрошу сериал! Или ты такой тупой, что этого не понимаешь?

Теперь уже все за этим наблюдали, и мне казалось, что Йемон вот-вот разнесет зубы Лоттермана по всему отделу новостей. Когда он заговорил, я поразился его спокойствию.

— Послушайте, — резко произнес он, — ведь вы просили рассказ о том, почему пуэрториканцы покидают Пуэрто-Рико? Так?

Лоттерман вылупил на него глаза.

— Ну вот, я неделю над ним работал. Вовсе не три, если вы вспомните другой мусор, который вы мне отгружали. И теперь вы орете, что он получился в двадцать шесть страниц длиной! Черт побери, да он должен был быть в шестьдесят страниц длиной! Напиши я рассказ, который мне хотелось написать, вас бы мигом выкинули из этого городишки за его публикацию!

Лоттерман, похоже, засомневался.

— Что ж, — начал он после паузы, — если тебе приспичило написать шестидесятистраничный рассказ, это твое дело. Но если ты хочешь у меня работать, нужно будет сделать из этого рассказ в тысячу слов для завтрашней утренней газеты.

Йемон едва заметно улыбнулся.

— Такую работу очень классно Сегарра делает — почему вы не хотите, чтобы он сжал мой рассказ?

Лоттерман надулся, как жаба.

— О чем ты болтаешь? — заорал он. — Хочешь сказать, ты не станешь этого делать?

Йемон снова улыбнулся.

— Я тут вот о чем подумал, — проговорил он. — Вам никогда голову не сворачивали?

— Это еще что? — рявкнул Лоттерман. — Я верно расслышал? Ты грозился мне голову свернуть?

Йемон улыбнулся.

— Никогда не знаешь заранее, когда тебе свернут голову.

— Боже милостивый! — воскликнул Лоттерман. — Ты, Йемон, совсем спятил — за такие разговоры в тюрьму сажают!

— Ага, сажают, — отозвался Йемон. — А головы все равно СВРАЧИВАЮТСЯ! — Он произнес это громко и, не сводя глаз с Лоттермана, изобразил неистовый жест, будто откручивал ему голову.

Теперь Лоттерман не на шутку встревожился.

— Ты псих, Йемон, — нервно выговорил он. — Пожалуй, тебе лучше уволиться — прямо сейчас.

— Ну уж нет, — быстро откликнулся Йемон. — Невозможно — я слишком занят.

Лоттермана начало трясти. Я знал, что он не хочет увольнять Йемона, потому что тогда ему пришлось бы выплатить месячное выходное пособие. После недолгой паузы он снова сказал:

— Да, Йемон, думаю, тебе лучше уволиться. Ты и сам этой работой не очень доволен — почему бы тебе не уйти?

Йемон рассмеялся.

— Я очень даже доволен. Почему бы вам меня не уволить?

Последовала напряженная тишина. Мы все ждали следующего хода Лоттермана, увлеченные и немного озадаченные происходящим. Поначалу ожидалась всего-навсего очередная лоттермановская тирада, но маниакальные реплики Йемона придали сцене странный и буйный оттенок.

Лоттерман какое-то время молча на него пялился, явно нервничая больше обычного, а затем повернулся и ушел в свой кабинет.

Я откинулся на спинку стула, ухмыляясь Йемону, — и тут услышал, как Лоттерман выкликает мою фамилию. Демонстративно разведя руками, я не спеша поднялся и прошел в его кабинет.

Лоттерман горбился за столом, держа в руке бейсбольный мячик, который он обычно использовал как пресс-папье.

— Вот, взгляни, — сказал он. — А потом скажи, стоит ли он сжатия. — Он протянул мне стопку газетной бумаги, которая, как я знал, была рассказом Йемона.

— Допустим, стоит, — сказал я. — Тогда я его сжимаю?

— Верно, — отозвался Лоттерман. — А теперь кончай кормить меня дерьмом. Просто прочти и скажи, что ты с ним можешь сделать.

Я взял стопку и дважды ее прочел. После первого прочтения я понял, почему Сегарра назвал рассказ никчемным. Там в основном были диалоги — беседы с пуэрториканцами в аэропорту. Они рассказывали, почему отправляются в Нью-Йорк и что думают о той жизни, которую оставляют позади.

На первый взгляд материал был весьма невзрачный. Большинство пуэрториканцев казались наивными и невежественными — они не читали туристских брошюр и рекламок рома, ничего не знали о Буме. Все, чего им хотелось, это добраться до Нью-Йорка. Документ вышел скучноватый, за то когда я его дочитал, мне стало совершенно ясно, почему эти люди уезжают. Какие-то осмысленные причины отсутствовали, и все же без причин не обходилось — они ненавязчиво проглядывали в простых заявлениях, что родились в умах, которых я никогда не понимал, ибо вырос в Сент-Луисе, в доме с двумя ванными, ходил на футбол, на вечеринки с джином, в танцевальную школу и проделал массу всякой всячины, но никогда не был пуэрториканцем.

Мне пришло в голову, что подлинная причина, почему эти люди уезжали с острова, в целом та же, почему я уехал из Сент-Луиса, бросил университет и послал к черту все те вещи, которые мне предполагалось хотеть, — а на самом деле, все те вещи, которые я был обязан хотеть, — на самом деле, хранить их и удерживать. И тут я задумался, как бы прозвучали мои ответы, если бы кто-то проинтервьюировал меня в аэропорту Ламберта в тот день, когда я вылетал в Нью-Йорк с двумя чемоданами, тремя сотнями долларов и конвертом, полным вырезок из армейской газеты с моими заметками.

— Скажите, мистер Кемп, почему вы все-таки покидаете Сент-Луис, где жили многие поколения ваших предков и где вы при необходимости могли бы вырезать удобную нишу для себя и своих детей, чтобы всю вашу сытую и благополучную жизнь прожить в мире и безопасности?

— Ну, видите ли... гм... у меня такое странное чувство. Я... гм... я сидел здесь, смотрел на это место и просто хотел отсюда убраться, понимаете? Хотел сбежать.

— Мистер Кемп, вы кажетесь мне достаточно разумным человеком — что же такое в Сент-Луисе вызывает у вас желание отсюда сбежать? Боже упаси, я не лезу в душу, я просто репортер и сам из Таллахасси, но меня сюда направили, чтобы...

— Да-да, конечно. Хотел бы я... гм... знаете, хотел бы я вам об этом рассказать... гм... быть может, мне следует сказать, что я чувствую... гм... чувствую, будто на меня опускается резиновый мешок... знаете, чисто символически... корыстное невежество отцов карает их сыновей... можете вы что-то из этого извлечь?

— Гм, ха-ха-ха, я вроде как знаю, о чем вы, мистер Кемп. У нас в Таллахасси мешок был хлопчатобумажный, но полагаю, он того же размера и...

— Да-да, это все проклятый мешок — потому я и улетаю, и мне кажется, я... гм...

— Мистер Кемп, хотел бы я сказать, как я вам сейчас симпатизирую, но понимаете, если я вернусь в редакцию с рассказом про резиновый мешок, там скажут, что такой рассказ никчемный, и меня скорее всего уволят. Не хотел бы на вас давить, но не могли бы вы дать мне что-то более конкретное? Скажем, достаточно ли здесь возможностей для агрессивных молодых людей? Выполняет ли Сент-Луис свои обязательства в отношении молодежи? Быть может, наше общество недостаточно гибкое для молодых людей с идеями? Можете быть со мной откровенны, мистер Кемп, — так в чем же все-таки дело?

— Гм, приятель, хотел бы я вам помочь. Видит Бог, я не хочу, чтобы вы вернулись без рассказа и были уволены. Я знаю, каково это, — ведь я сам журналист, — но понимаете... у меня тут этот

Страх... такое вам сгодится? „Сент-Луис вселяет страх в молодежь“ — как, неплохой заголовок?

— Давайте, давайте, Кемп, — пожалуй, это мне сгодится. Итак, Резиновые Мешки, Страх.

— Черт возьми, приятель, говорю вам, тут страх мешка. Скажите им, этот самый Кемп бежит из Сент-Луиса, потому как подозревает, что мешок полон чего-то пакостного, и не хочет, чтобы его туда посадили. Он издали это чувствует. Этот самый Кемп совсем не образцовый молодой человек. Он вырос с двумя туалетами и футболом, но где-то по дороге с ним что-то такое случилось. И теперь все, чего ему хочется, это прочь, сбежать. Ему глубоко насрать на Сент-Луис, на друзей, на семью и на все остальное... он просто хочет найти другое место, где можно дышать... ну, такое вам сгодится?

— Гм, Кемп, это уже истерикой пахнет. Не знаю, смогу ли я сделать про вас рассказ.

— Ну и хрен с вами тогда! С дороги! Уже объявляют посадку на мой самолет — слышите этот голос? Слышите?

— Вы ненормальный, Кемп! Вы плохо кончите! Я знавал таких людишек в Таллахасси, и все они кончили как...

Ага, все они кончили как пуэрториканцы. Они сбежали и не смогли объяснить, почему, но им чертовски хотелось прочь, и их не трогало, понимают это газеты или нет. Невесть как они обретали уверенность, что, убравшись отсюда к черту, найдут что-то лучшее. Они слышали слово, то самое дьявольское слово, что заставляет людей впадать в противоречие с желанием двигаться дальше, — не все в мире живут в жестяных лачугах без туалетов, совсем без денег и без другой еды, кроме риса и бобов; не все убирают сахарный тростник за доллар в день или волокут в город кокосовые орехи, чтобы продавать их по десять центов, — но дешевый, жаркий, голодный мир их отцов и дедов, их братьев и сестер еще не конец истории, ибо если человек способен собраться с духом или даже совладать с отчаянием и отвалить на несколько тысяч миль, есть чертовски хорошая надежда, что у него будут деньги в кармане, кусок мяса в желудке и пропасть славного проведенного времени.

Йемон идеально уловил их настрой. На двадцати шести страницах он зашел много дальше рассказа о том, почему пуэрториканцы отчаливают в Нью-Йорк; в конечном итоге вышел рассказ о том, почему человек покидает дом вопреки самым дохлым шансам на удачу, и когда я кончил читать, то почувствовал себя мелким и ничтожным из-за всей той чепухи, которую уже успел понаписать в Сан-Хуане. Некоторые беседы увлекали, другие трогали — но сквозь все проходила красная нить, перво-причина, тот факт, что в Нью-Йорке у них могла оказаться надежда, а в Пуэрто-Рико у них никакой надежды попросту не было.

Прочитав рассказ во второй раз, я отнес его Лоттерману и сказал, что, на мой взгляд, его следует разбить на пять частей и прогнать как сериал.

Он треснул бейсбольным мячиком по столу.

— Черт побери, ты такой же псих, как Йемон! Не могу я запускать сериал, который никто читать не станет!

— Его станут читать, — заверил я, зная, что нипочем не станут.

— Прекрати молоть эту чушь! — рявкнул Лоттерман. — Я прочел две страницы и чуть не помер от тоски. Одна чертова резь в животе. Откуда у него столько наглости? Он здесь меньше двух месяцев — и уже пытается впутать меня в публикацию рассказа, который вполне годится для „Правды“! Да еще хочет запустить его как сериал!

— Очень хорошо, — сказал я. — Вы спросили мое мнение.

Он волком на меня посмотрел.

— Ты хочешь сказать, что не станешь этим заниматься?

Я хотел было наотрез отказаться, но колебался на мгновение дольше, чем следовало. Всего лишь какую-то секунду, но ее мне хватило, чтобы осознать все последствия — увольнение, никакого жалования, снова паковать вещички, отвоевывать позиции где-то в другом месте. Тогда я сказал:

— Газетой руководите вы. А я просто говорю вам то, что думаю. Ведь вы этого просили.

Лоттерман воззрился на меня, и я понял, что он перебаривает всю ситуацию у себя в мозгу. Внезапно он смахнул со стола мячик, и тот запрыгал в угол.

— Черт побери! — заорал он. — Я плачу этому парню солидное жалование — и что я от него получаю? Кучу дребедени, которая мне без пользы! — Он осел в кресле. — Ну все, с ним покончено. Я понял, что с ним будут одни проблемы, в тот самый момент, как его увидел. А теперь Сегарра говорит, что он носится по всему городу на мотоциклете без глушителя, народ до смерти пугает. Ты слышал, как он угрожал свернуть мне голову? Видел его глаза? Этот парень псих — следовало бы поса-

дить его куда надо! — Он вытер лоб.

Я молчал.

— Такие нам не нужны, — продолжил Лоттерман. — Другое дело, если бы он чего-то стоил, но он ни черта не стоит. Он просто взрослый лоботряс, с которым одни проблемы.

Я пожал плечами и повернулся к двери, чувствуя злобу, смущение и некоторый стыд за свои слова. Лоттерман крикнул мне вслед:

— Скажи ему, чтобы зашел. Мы с ним расплатимся и выкинем его на хрен.

Я прошел через комнату и сказал Йемону, что Лоттерман хочет его видеть. Тут я услышал, как Лоттерман зовет к себе Сегарру. Они оба были в кабинете, когда Йемон туда вошел.

Десятью минутами позже он снова появился и подошел к моему столу.

— Все, больше никакого жалования, — негромко произнес он. — Лоттерман говорит, он и выходного пособия мне не должен.

Я грустно покачал головой.

— Блин, вот ведь свинство. Просто не знаю, что на него нашло.

Йемон не спеша оглядел помещение.

— Да ничего необычного, — отозвался он. — Ладно, пойду к Элу — пивка выпью.

— Я там утром Шено видел, — сказал я.

Йемон кивнул.

— Я отвез ее домой. Она свой последний дорожный чек оставила.

Я снова покачал головой, силясь придумать что-то веселое и находчивое. Но не успел я толком поразмыслить, как Йемон уже направился в другой конец комнаты.

— Увидимся позже, — крикнул я ему вслед. — И выпьем на славу.

Не поворачиваясь, Йемон кивнул. Я наблюдал, как он освобождает свой стол. Затем он, ничего никому не сказав, вышел.

Оставшуюся часть рабочего дня я убил на написание писем. В восемь я нашел Салу в темной комнате, и мы поехали к Элу. Йемон сидел один за угловым столиком в патио, записав ноги под стул. На лице у него читалась отчужденность. Когда мы подошли, он поднял глаза.

— А, — негромко произнес он. — Журналисты.

Мы что-то пробормотали и сели за столик с выпивкой, которую притащили из бара. Сала откинулся на спинку стула и закурил сигарету.

— Значит, этот сукин сын тебя уволил, — сказал он.

— Угу, — кивнул Йемон.

— Только не позволяй ему с выходным пособием шутки шутить, — заметил Сала. — Если будут проблемы, посади ему на жопу департамент труда — живо заплатит.

— Я сделаю лучше, — проговорил Йемон. — Как-нибудь вечером я подловлю этого ублюдка на улице и выколочу из него все, что мне причитается.

Сала покачал головой.

— Не пори горячку. Когда он уволил Арта Глиннина, ему пять счетов навесили. Глиннин в конце концов приволок его в суд.

— Он мне за три дня заплатил, — сказал Йемон. — Все просчитал, до последнего часа.

— Вот урод, — выругался Сала. — Завтра же о нем доложи. Потребуй его ареста. Пусть подадут жалобу — он заплатит.

Йемон немного подумал.

— Тут должно выйти четыре с небольшим сотни. Еще немного я бы так и так протянул.

— На этом чертовом острове враз обломаешься, — сказал я. — Четыре сотни совсем немного, если прикинуть, что пятьдесят тебе нужно, только чтобы до Нью-Йорка добраться.

Йемон покачал головой.

— Туда я в последнюю очередь отправлюсь. Я с Нью-Йорком не лажу. — Он хлебнул рома. — Нет, отсюда я, пожалуй, двину дальше на юг по островам и там поищу грузовой корабль до Европы. — Он задумчиво кивнул. — Не знаю, как быть с Шено.

Мы торчали у Эла весь вечер, беседуя о местах, где человеку лучше осесть — в Мексике, на Карибах или в Южной Америке. Сала так переживал увольнение Йемона, что несколько раз заговаривал про то, что и сам хочет уволиться.

— Кому на хрен нужен этот остров? — вопил он. — Стереть его на хрен с лица Земли! Ну кому

он на хрен нужен?

Я знал, что это просто пьяная болтовня, но вскоре ром заговорил и за меня. К тому времени, как мы пустились по направлению к квартире, я тоже готов был уволиться. Чем больше мы говорили про Южную Америку, тем сильнее мне хотелось туда отправиться.

— Чертовски славное местечко, — без конца долдонил Сала. — Кругом кучи денег плавают, во всех городах англоязычные газеты — клянусь Богом, вот это местечко что надо!

По холму мы спускались шеренгой, взявшись за руки, — пьяные и смеющиеся. Из нашего разговора явствовало, что на рассвете мы расстанемся и отправляемся в самые дальние уголки Земли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Излишне говорить, что Сала не уволился, и я тоже. Атмосфера в газете стала как никогда напряженная. В среду Лоттерман получил повестку из департамента труда, куда его вызывали на слушание дела о выходном пособии Йемона. По этому поводу он весь день матерился и громогласно заявлял, что раньше в аду ударят морозы, чем он даст этому психу хоть цент. Сала начал принимать ставки на исход дела, считая три к одному за Йемона.

Совсем ухудшило положение то, что отъезд Тиррелла вынудил Лоттермана взять на себя функции редактора отдела местных новостей. Это означало, что он делал большую часть работы. Мера, как он сказал, была временная, но пока что его объявление в соответствующем разделе газеты особого внимания не привлекало.

Я не очень удивился.

«Требуется редактор, — говорилось там. — „Сан-Хуан Дейли“. Срочно. Пьяницам и бродягам не беспокоиться».

Как-то раз Лоттерман даже предложил эту работу мне. Я пришел в редакцию и обнаружил в своей пишущей машинке листок, где говорилось, что Лоттерман хочет меня видеть. Когда я открыл дверь в его кабинет, он лениво игрался с бейсбольным мячиком. Проницательно улыбнувшись, он подкинул мячик в воздух.

— Я тут вот что подумал, — произнес он. — Ты, по-моему, парень смысленный. Местными новостями заниматься приходилось?

— Нет, — ответил я.

— А хочешь попробовать? — спросил Лоттерман, снова подбрасывая мячик.

Я этого ни под каким соусом не хотел. Славное повышение, но черт знает сколько всякой дополнительной работы.

— Я здесь совсем недавно, — сказал я. — Город еще не знаю.

Лоттерман подкинул бейсбольный мячик к потолку и позволил ему отскочить от пола.

— Верно, — отозвался он. — Я просто подумал.

— А как насчет Салы? — спросил я, прекрасно зная, что Сала предложение отвергнет. У него было столько разных заданий, что я порой удивлялся, зачем он вообще в этой газете работает.

— Не выйдет, — ответил Лоттерман. — Сале глубоко плевать на газету. Сале вообще на все глубоко плевать. — Он выпрямился в кресле и бросил бейсбольный мячик на стол. — Кто еще остается? Моберг алканавт, Вандервиц псих, Нунан идиот, Бенетис английского не знает... Проклятье! И откуда они все только поналезли? — Он со стоном осел в кресле. — Я должен кого-то найти! — выкрикнул он затем. — Я свихнусь, если придется одному всей газетой заниматься!

— А что там с объявлением? — спросил я. — Нет откликов?

Лоттерман снова простонал.

— Конечно есть — одни алканавты! Один парень заявил, что он сын Оливера Уэнделла Холмса — как будто меня это колышет! — Он бешено стукнул мячиком об пол. — И кто только этих алканавтов сюда присылает? — заорал он. — Откуда они берутся?

Затем он погрозил мне кулаком и заговорил так, словно оглашал свою последнюю волю:

— Пойми, Кемп, кому-то нужно вести этот бой. А то они одолевают. Эти алканавты завладевают миром. Если пресса им поддастся, мы утонем. Понимаешь ты это?

Я кивнул.

— Будь оно все проклято, — продолжил Лоттерман. — На нас ложится громадная ответственность! Свободная пресса имеет важнейшее значение! Если этой газетой завладеет банда паразитов,

это станет началом конца. Сперва они возьмут эту газету, потом заполучат еще несколько и в один прекрасный день приберут к рукам «Таймс». Можешь ты такое себе представить?

Я сказал, что очень даже могу.

— Они нас всех приберут! — воскликнул он. — Они опасны, вероломны! Тот парень, который заявлял, что он сын судьи Холмса, — я его из целой толпы узнаю! Он будет давно нестриженным и с безумными глазами!

И тут, словно по подсказке, в дверь вошел давно нестриженный Моберг. В руках у него была вырезка из «Эль-Диарио».

У Лоттермана сделались безумные глаза.

— Моберг! — завопил он. — Откуда у тебя столько наглости, чтобы без стука сюда входить? Ты у меня допрыгаешься! Я тебя посажу! Вон отсюда!

Моберг скорчил мне рожу и проворно выскочил за дверь.

Лоттерман огненным взором уставился ему вслед.

— Ну и наглость у этого хмыря, — пробормотал он. — Видит Бог, такого алканавта следовало бы усыпить.

Хотя Моберг был в Сан-Хуане всего несколько месяцев, Лоттерман, похоже, ненавидел его со страстью, какая у нормальных людей обычно культивируется за много лет. Моберг был настоящим дегенератом. Невысокий, с редкими блондинистыми волосами и бледной, дряблой физиономией, вид он имел предельно непристойный и развращенный. Я никогда не видел человека, настолько сосредоточенного на саморазрушении — да и не только на саморазрушении, но и на порче всего, к чему он прикасался. Моберг ненавидел вкус рома и тем не менее приканчивал бутылку за десять минут, после чего блевал и куда-нибудь заваливался. Ел он исключительно бисквитные рулеты и спагетти, которые выблевывал всякий раз, как напивался. Моберг тратил все деньги на шлюх, а когда становилось скучно, брал случайного мальчика — просто ради новизны ощущений. За деньги он был способен на всё — и такого человека мы держали на связи с полицией. Порой Моберг на сутки исчезая. Тогда кому-то приходилось разыскивать его по самым грязным барам в Ла-Перле, труппе столь гнусной, что па картах Сан-Хуана она представляла пустым местом. Ла-Перла служила Мобергу штаб-квартирой; по его словам, только там он чувствовал себя как дома, а в остальных частях города — не считая немногих кошмарных баров — был абсолютно не на месте.

Моберг рассказал мне, что первые двадцать лет жилки он провел в Швеции, и я часто пытался представить его на фоне морозного скандинавского пейзажа. Я пробовал вообразить Моберга на лыжах или со всей его семьей, мирно живущей в какой-нибудь холодной горной деревушке. Впрочем, из того немногочисленного, что Моберг рассказал о Швеции, я заключил, что он жил в небольшом городке и что родители его были весьма уважаемыми людьми, у которых нашлось достаточно денег, чтобы дослать сына учиться в Америку.

Моберг провел два года в Нью-Йоркском университете, причем жил он в Вилледже, в одном из общежитий для иностранцев. Это явно выбило его из колеи. Однажды, рассказал он, его арестовали на Шестой авеню за то, что он, точно пес, мочился на пожарный кран. Это стоило Мобергу десяти суток в Томбсе, а когда он оттуда выбрался, то немедленно отправился в Новый Орлеан. Какое-то время он там валандался, а затем получил работу на грузовом корабле, направлявшемся на Восток. После нескольких лет работы на кораблях Моберг приплыл к журналистике. Теперь, выглядя в свои тридцать три года на пятьдесят, со сломленным духом и распухшим от пьянства телом, он шатался из одной страны в другую, нанимаясь в качестве репортера и дожидаясь, пока его уволят.

При всей своей мерзопакостности Моберг изредка демонстрировал вялые вспышки разума. Но мозг его так прогнил от пьянства и беспутницы, что всякий раз, как его напрягали к работе, барахлил подобно старому мотору, сошедшему на нет от вечного болтания в топленом жире.

— Лоттерман думает, я Демогоргон, — говорил Моберг. — Знаешь, кто это такой? Посмотри на досуге. Неудивительно, что я ему не нравлюсь.

Однажды вечером у Эла Моберг рассказал мне, что пишет книгу, которую он назвал «Неизбежность странного мира». Он очень серьезно к этому относился.

— Таковую книгу мог бы написать Демогоргон, — сказал он. — Навалом дерьма и всякой жути... я выбрал все самое ужасное, что только можно вообразить... герой является пожирателем человеческой плоти под личиной священника... каннибализм вообще меня завораживает... как-то раз в тюрьме чуть ли не до смерти избили одного алкаша... я спросил у полицейского, можно мне съесть кусочек

его ноги, прежде чем они его прикончат... — Он рассмеялся. — Этот гад выкинул меня оттуда... дубинкой ударил. — Он снова рассмеялся. — Я бы его съел... почему бы и нет? В человеческой плоти нет ничего священного... такое же мясо, как и все прочее... ты ведь не станешь это отрицать?

— Не стану, — отозвался я. — Зачем мне это отрицать?

Это был один из немногих моих разговоров с Мобергом, когда я худо-бедно мог понять, что он говорит. Почти все остальное время он нес полную околесицу. Лоттерман вечно грозился его уволить, но у нас было так туго с персоналом, что он не мог позволить себе хоть кого-то отпустить. Когда Моберг после избиения его забастовщиками провел несколько дней в больнице, у Лоттермана появилась надежда, что теперь-то он исправится. Однако, вернувшись к работе, Моберг стал еще более непредсказуем.

Порой я задумывался, кто первым отдаст концы — Моберг или «Ньюс». Газета проявляла все признаки последнего издыхания. Тираж падал, и мы так неуклонно теряли рекламодателей, что я просто не представлял себе, как Лоттерман сможет устоять. Ради сохранения газеты он влез в большие долги, а она, если верить Сандерсону, никогда не давала ни цента.

Я продолжал надеяться на приток свежей крови, но Лоттерман стал так остерегаться «алканавтов», что отвергал почти все отклики на свои объявления.

— Требуется предельная осторожность, — объяснял он. — Еще один извращенец — и нам конец.

Я уже начал опасаться, что он больше не сможет платить нам жалованье, но однажды в его кабинете появился некто по фамилии Шварц, который сказал, что его только-только вышвырнули из Венесуэлы, и Лоттерман тут же его нанял. Ко всеобщему удивлению, Шварц оказался весьма компетентен. Уже через несколько дней он выполнял всю ту работу, которой прежде был занят Тиррелл.

Это порядком разгрузило Лоттермана, но в целом на газете никак не сказалось. Мы опустили с двадцати четырех страниц до шестнадцати, а в конце концов и до двенадцати. Перспективы стали такими мрачными, что пошли разговоры: дескать, у «Эль-Диарио» уже набран и готов к печати некролог «Ньюс».

Никакой преданности газете я не чувствовал, но все-таки славно было иметь жалованье, пока я закидывал удочку на что-то более солидное. Мысль о том, что «Ньюс» может закрыться, стала меня беспокоить, и я задумался, почему Сан-Хуан, со всем его новым процветанием, не может поддержать такую мелочь, как англоязычная газета. Конечно, «Ньюс» звезд с неба не хватала, но все же ее читали.

Серьезную часть проблемы составлял Лоттерман. Чисто в механическом плане он был весьма способным, но сам поставил себя в незавидное положение. Как бывший коммунист, он находился под постоянным давлением и все время должен был доказывать, как радикально он перевоспитался. В то время госдепартамент Соединенных Штатов именовал Пуэрто-Рико «рекламой США на Карибах — живым доказательством того, что капитализм может работать и в Латинской Америке». Люди, прибывавшие туда для обеспечения упомянутого доказательства, видели себя героями и миссионерами, несущими священное послание Свободного Предпринимательства в богом забытое захолустье. Коммунистов они ненавидели пуще греха, и тот факт, что бывший краснопузый издает в их городке газету, восторга у них не вызывал.

Лоттерман просто не мог с этим справиться. Он прилагал титанические усилия, чтобы нападать на все, что даже слабо пахло политической левизной, ибо знал, что его распнут, если он этого не сделает. С другой стороны, он был рабом правительства вольного Содружества, чьи филиалы в Соединенных Штатах не только поддерживали половину новой индустрии на острове, но также оплачивали большую часть рекламы в «Ньюс». Это были скверные узы — как для Лоттермана, так и для многих других. Чтобы делать деньги, им приходилось иметь дело с правительством, а иметь дело с правительством означало закрывать глаза на «ползучий социализм», что не очень согласовывалось с их миссионерской работой.

Забавно было наблюдать, как они с подобными проблемами справлялись, ибо, если вдуматься, выход был только один — превознести цели и проигнорировать средства, то есть прибегнуть к освященному веками обычаю, оправдывающему почти все, кроме скудеющих прибылей.

Отправиться на вечеринку с коктейлями значило в Сан-Хуане воочию увидеть все низменное и алчное в человеческой природе. Для общества здесь годился шумный, непостоянный вихрь воров и претенциозных делег плюс идиотичная интермедия от целого зоопарка шарлатанов, клоунов и фили-

стеров с непоправимо покалеченной психикой. По сути, это была новая волна странствующих сельхозработников, прикатившая на юг вместо запада, и в Сан-Хуане они оказались заправилами, ибо в буквальном смысле взяли власть в свои руки.

Эта публика образовывала клубы и инсценировала крупные общественные события, а в конце концов один из них начал издавать беспощадную бульварную газетенку, которая терроризировала и запугивала всех, чье прошлое не было политически чистым. Сюда входила половина всей компании, включая несчастного Лоттермана, который почти еженедельно страдал от какого-нибудь кошмарного ярлыка.

Нехватки бесплатного алкоголя для представителей прессы не ощущалось, ибо все дележки жаждали публичности. Никакое событие не казалось им слишком ничтожным, чтобы не организовать в честь него то, что они называли «вечеринками с прессой». Всякий раз, как «Вульвортс» или «Чейз-Манхэттэн-Банк» открывали новый филиал, дележки праздновали это целой оргией с ромом. Месяца не проходило, чтобы не открылся новый кегельбан; их почему-то втыкали на каждое свободное место. Кругом работало столько кегельбанов, что жутко было задуматься, что бы все это значило.

Из новой торговой палаты Сан-Хуана приходил поток таких заявлений и воззваний, рядом с которым бледнели и казались пессимистичными даже брошюры Свидетелей Иеговы, — плотная масса длиннющих показушных словоизлияний, где возвещалось об одной победе за другой в крестовом походе за Большими Деньгами. А вдобавок ко всему этому — нескончаемая череда частных вечеринок для заезжих знаменитостей. Здесь также ни один слабоумный техасец не был гостем слишком незначительным для кутежа в его честь.

На все эти мероприятия я обычно отправлялся вместе с Салой. При виде его фотоаппарата гости размягчались до полужидкого состояния. Некоторые вели себя как дрессированные свиньи, другие просто толпились вокруг как бараны — и все ожидали, когда же наконец «человек из газеты» нажмет на свою волшебную кнопчку и вознаградит их широкое гостеприимство.

Мы старались прибыть пораньше, и, пока Сала сгонял всех в стадо для нескольких бессмысленных снимков, которые обычно даже не проявлялись, я тырил столько бутылок рому, сколько мог унести. Если там оказывался бармен, я говорил ему, что мне нужно немного спиртного для прессы. Если он протестовал, я все равно забирал, сколько хотел. Вне зависимости от того, какой именно общественный проступок я совершал, я знал, что никто все равно не пожалуется.

Затем, забросив по пути бутылки в квартиру, мы отправлялись к Элу. Бутылки мы обычно составляли па пустую книжную полку, и порой их там оказывалось порядка двадцати-тридцати. В удачную неделю мы попадали на три вечеринки и имели в среднем бутылки три-четыре за каждые полчаса мучительной социализации. Славно было располагать запасом рома, который никогда не кончался, но очень скоро я уже не мог выдерживать на каждой вечеринке дольше нескольких минут, и от этого пришлось отказаться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В одну из суббот в конце марта, когда туристский сезон почти закончился и торговцы собирались с духом перед удушливым и неприбыльным летом, Сала получил задание отправиться в Фахардо, на восточную оконечность острова, и сделать там несколько фотографий нового отеля, что возводился на холме с видом на залив. Лоттерман думал, что «Ньюс» сможет выдать радостную ноту, если укажет, что в следующем сезоне дела пойдут еще лучше.

Я решил сопровождать его в этой поездке. С тех самых пор, как я прибыл в Сан-Хуан, мне хотелось выбраться куда-нибудь дальше по острову, но без машины это было невозможно. До сих пор мишенью самой дальней моей вылазки был домик Йемона, милях в двадцати от Сан-Хуана, а Фахардо располагался вдвое дальше в том же направлении. Мы решили запастись ромом и заехать к Йемону на обратном пути, надеясь попасть туда в тот самый момент, когда он пригребет от рифа с пухлым мешком омаров.

— Теперь он, наверное, здорово их ловить насобачился, — предположил я. — Один бог знает, на чем они там живут, — надо полагать, у них строгая диета из кур и омаров.

— Еще чего, — отозвался Сала. — Куры безумно дороги.

Я рассмеялся.

— Только не там. Йемон их из подводного ружья лупит.

— Боже милостивый! — воскликнул Сала. — Тут же вудуистская страна! Его как пить дать прикончат!

Я пожал плечами. Мне с самого начала представлялось, что Йемона рано или поздно прикончат — кто-то один или какая-нибудь безликая толпа. Невесть почему, но это казалось неизбежным. В свое время я был таким же. Я хотел всего, хотел очень быстро — и никакое препятствие не было достаточно серьезным, чтобы меня отвадить. С тех пор я усвоил, что некоторые вещи на самом деле больше, чем кажутся на расстоянии, и теперь я уже не был уверен, что именно я должен получить или даже что я действительно заслужил. Я не гордился тем, что это усвоил, но никогда не сомневался, что знать это стоило. Йемон либо усвоит то же самое, либо его непременно угрохают.

Вот что я втолковывал себе в те жаркие дни в Сан-Хуане, когда мне было тридцать лет, когда рубашка липла к сырой спине и я чувствовал себя на большом и одиноком перевале — когда позади, на подъеме, оставались годы упрямства, а все остальное лежало на спуске. В те зловещие дни мой фаталистический взгляд на Йемона был не столько убеждением, сколько необходимостью, ибо надели я его хоть малейшим оптимизмом мне пришлось бы признать массу печальных вещей про самого себя.

После часовой поездки под жарким солнцем мы добрались до Фахардо и немедленно остановились выпить у первого же попавшегося бара. Затем мы проехали вверх по холму в предместьях городка и оказались на месте, где Сала битый час топтался со своим фотоаппаратом, выискивая всевозможные ракурсы. Вис зависимости от того, какое презрение он испытывал к своему заданию, Сала всегда оставался невольным педантом. Ему казалось, что он, как «единственный профи на острове», должен сохранять определенную репутацию.

Когда Сала закончил, мы купили две бутылки рома и поехали назад к той развилке, откуда дорога должна была привести нас напрямик к пляжному домику Йемона. Дорога эта была заасфальтирована до самой Ривер-ат-Лойсы, где два аборигена управляли паромом. Они запросили доллар за машину, затем шестами перетолкали нас на другую сторону, не сказав за все это время ни единого слова. Стоя под солнцем у машины и глядя на воду, я чувствовал себя паломником, переправляющимся через Ганг, пока паромщики налегали на шесты и толкали нас к пальмовой рощице на другом берегу. Мы ударились о причал, и аборигены пришвартовали паром к столбу, пока Сала выводил машину на твердую почву.

Добираясь до жилища Йемона, нам пришлось одолеть еще пять миль по песчаной дороге. Сала всю дорогу матерился и клялся, что повернул бы назад, если бы там его не ограбили еще на один доллар за обратную переправу через реку. Небольшая машинка с трудом продвигалась и подпрыгивала на ухабах, и я думал, что она вот-вот развалится. Однажды мы миновали стайку голых ребятишек, которые, стоя у дороги, увлеченно швырялись камнями в собаку. Сала остановился и сделал несколько снимков.

— Черт возьми, — пробормотал он. — Нет, ты только посмотри на этих мелких ублюдков! Нам очень посчастливится, если мы выберемся отсюда живыми.

Добравшись наконец до домика Йемона, мы обнаружили его в патио, все в тех же черных трусах. Из выброшенных на берег кусков древесины он мастерил книжную полку. Все жилище теперь смотрелось симпатичней; часть патио была накрыта тентом из пальмовой листвы, а под тентом стояли два брезентовых шезлонга, судя по виду, явно уворованные из лучшего пляжного клуба.

— Слушай, приятель, — спросил я, — где ты такие оторвал?

— Цыгане притащили, — ответил он. — По пять долларов за штуку. Надо полагать, они их в городе стырили.

— А где Шено? — поинтересовался Сала.

Йемон указал на пляж.

— Наверное, вон у того бревна загорает. Она тут шоу для аборигенов устраивает — они от нее в восторге.

Сала достал из машины ром и ведро со льдом. Йемон радостно улыбнулся и вылил лед в бачок у двери.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Эта бедность меня с ума сводит — мы даже льда себе позволить не можем.

— Черт возьми, приятель, — сказал я. — Ты уже до дна добрался. Тебе надо работу найти.

Йемон рассмеялся и наполнил три бокала льдом.

— Я тут все Лоттерманом занимаюсь, — рассказал он. — Похоже, все-таки смогу получить мои деньги.

Тут с пляжа пришла Шено в том же самом белом бикини и с большим пляжным полотенцем в руках. Она улыбнулась Йемону:

— Они снова заявили. Я слышала, как они переговариваются.

— Проклятье, — рявкнул Йемон. — Чего ради ты без конца туда шляешься? Что у тебя, черт возьми, с головой?

Шено улыбнулась и села на полотенце.

— Это мое любимое место. Почему я из-за них должна от него отказываться?

Йемон повернулся ко мне.

— Она ходит на пляж и раздевается — а аборигены прячутся за пальмами и глазеют.

— Не всегда, — быстро уточнила Шено. — Обычно только по выходным.

Йемон подался вперед и заорал на нее:

— Черт бы тебя побрал! Больше туда не ходи! Отныне, если захочешь поваляться голой, будешь здесь торчать! Будь я проклят, если буду тратить все время на заботы о том, как бы тебя не изнасиловали! — Он раздраженно покачал головой. — В один прекрасный день они тебя достанут! Если не прекратишь терзать этих несчастных ублюдков, я, черт возьми, позволю им тебя взять!

Шено устала сидеть на бетонный пол. Мне стало ее жалко, и я встал, чтобы сделать ей выпивку. Когда я дал ей бокал, Шено подняла глаза и сделала долгий глоток.

— Вот-вот, выпей, — проговорил Йемон. — А потом мы пригласим кое-кого из твоих дружков и закатим настоящую вечеринку. — Он откинулся на спинку шезлонга. — Блин, ну и житуха, — пробормотал он.

Какое-то время мы просто сидели и пили. Шено молчала, говорил в основном Йемон. Наконец он встал и принес из песка по ту сторону патио кокосовый орех.

— Ну, — предложил он, — в футбол, что ли, поиграем.

Я был рад всему, что хоть чуть-чуть развеяло бы атмосферу, а посему отставил бокал и неуклюже пробежал вперед в ожидании паса. Йемон дал идеальный пас, но кокос, будто свинец, скользнул сквозь пальцы и упал на песок.

— Давайте на пляж пойдем, — крикнул Йемон. — Там куча места, где побегать.

Я кивнул и махнул рукой Сале. Но тот покачал головой.

— Идите играйте, — пробормотал он. — Нам тут с Шено надо кое-что важное обсудить.

Шено равнодушно улыбнулась и махнула нам рукой.

— Идите, — сказала она.

Я сбежал по утесу на плотный песок пляжа. Йемон вскинул руку и побежал под углом к линии прибоя. Я швырнул кокос повыше и подальше и стал смотреть, как он с резким всплеском плюхается в воду. Йемон подхватил его и побежал дальше.

Я рванулся в другую сторону, видя, как кокос выплывает ко мне из жаркого голубого неба. Он больно ударил по рукам, но на сей раз я его удержал. Приятно было поймать хороший пас — пусть даже и кокосом. Руки все краснели и все сильнее болели, но это было славное, чистое ощущение, и я не обращал внимания. Мы бежали недалеко друг от друга, обмениваясь пасами через центр и длинными забросами к боковым линиям, и вскоре я уже не мог удержаться от мысли, что мы ввязались в нечто вроде священного ритуала, в новую переигровку всех суббот нашей юности, ныне изгнанные из отечества, потерянные и отрезанные от тех игр и пьяных стадионов, глухие к шуму и слепые к фальшивым краскам тех счастливых зрелищ. Спустя годы насмешек над футболом и всем, что футбол для американца значит, я оказался на пустом карибском пляже, бегая по тем идиотским узорам расписовки со рвением нормального футбольного фаната с городского пустыря.

Пока мы бегали взад-вперед, падая и ныряя в прибой, я вспомнил субботы в Вандербилте и математическую красоту движений защитника Технологического института Джорджии, что оттеснял нас все дальше и дальше в той жуткой серии схваток — гибкая фигура в золотистой фуфайке, рвущаяся сквозь дыру в наших рядах, — вот уже свободная на свежей траве наших тылов — и матерный выкрик с трибун — наконец-то свалить гада, увернуться от блокировщиков, что летят на тебя будто пушечные ядра, снова выстроиться в линию и встретить ту кошмарную машину. Все это было крайне мучительно, однако в своем роде красиво; там были люди, которые уже никогда так не сработают и

даже не поймут, как это у них получилось так сработать сегодня. По большей части это были болваны и костоломы, массивные куски мяса, до предела накачанные, — но странным образом они осваивали эти сложные узоры и розыгрыши, а в редкие моменты действовали как подлинны артисты.

Наконец я совсем вымотался от беготни, и мы вернулись в патио, где Сала и Шено все еще беседовали. Оба казались порядком нетрезвыми, и после нескольких минут разговора я понял, что у Шено совсем слетела крыша. Она все хихикала себе под нос и передразнивала южный акцент Йемона.

Мы пили еще около часа, снисходительно посмеиваясь над Шено и наблюдая, как солнце катится вниз по наклонной к Ямайке и Мексиканскому заливу. «А в Мехико еще светло», — подумал я. Я никогда там не бывал, и меня вдруг одолело жуткое любопытство по поводу этого места. Несколько часов рома вкупе с растущим отвращением к Пуэрто-Рико привели меня на самую грань того, чтобы немедленно отправиться в город, собрать манатки и улететь на первом же отправляющемся на запад самолете. «Почему бы и нет?» — подумал я. Зарплату за эту неделю я еще не получил; стало быть, несколько сотен в банке, ничто меня не связывало — так почему бы и нет? Наверняка там не хуже, чем здесь, где моей единственной опорой была малооплачиваемая работа, которая к тому же грозила вот-вот накрыться. Я повернулся к Сале.

— Сколько отсюда до Мехико?

Он пожал плечами и глотнул рома.

— Прилично, — ответил он. — А что? Ты туда снимаешься?

Я кивнул.

— Пока еще думаю.

Шено подняла на меня глаза, лицо ее вдруг посерьезнело.

— Тебе, Пол, понравится Мехико.

— Ты-то что о нем знаешь? — рявкнул Йемон.

Она сверкнула на него глазами, затем сделала долгий глоток из своего бокала.

— Так-то лучше, — сказал он. — Сиди и посасывай — а то еще мало напилась.

— Заткнись! — выкрикнула она, вскакивая на ноги. — Оставь меня в покое, дурак надутый!

Рука Йемона взлетела так быстро, что я даже не заметил движения. Раздался шлепок, когда тыльная сторона ладони треснула Шено по щеке. Жест вышел почти обыденным — ни гнева, ни напряжения, — и к тому времени, как я осознал, что произошло, Йемон уже опять откинулся на спинку шезлонга, бесстрастно наблюдая, как Шено, шатаясь, отходит на несколько футов в сторону и заливаясь слезами. Какое-то время все молчали, затем Йемон велел ей идти в дом.

— Иди туда, — рявкнул он. — Ложись в постель.

Шено перестала плакать и оторвала ладонь от щеки.

— Будь ты проклят, — всхлипнула она.

— Пошла, пошла, — подогнал ее Йемон.

Она еще мгновение посверкала на него глазами, а потом повернулась и забрела в дом. Мы слышали скрип пружин, когда она упала на кровать, затем рыдания возобновились.

Йемон встал.

— Н-да, — произнес он. — Простите, ребята, что приходится вам такие сцены показывать. — Он задумчиво кивнул, глядя на хижину. — Пожалуй, съезжу с вами в город. Там сегодня вечером что-нибудь ожидается?

Сала пожал плечами. Я видел, как он расстроен.

— Да ничего особенного, — сказал он. — Впрочем, поесть так и так охота.

Йемон повернулся к двери.

— Погодите, — бросил он. — Сейчас оденусь.

Когда он исчез в доме, Сала повернулся ко мне и грустно покачал головой.

— Он с ней как с рабыней, — шепнул он. — Она очень скоро сломается.

Я смотрел на море, наблюдая, как исчезает солнце.

Мы слышали, как Йемон ходит по дому, но никаких разговоров не доносилось. Когда он вышел, на нем был знакомый коричневый костюм, а на шее свободно болтался галстук. Он плотно закрыл дверь и запер ее снаружи.

— Чтобы она тут по округе не шлялась, — пояснил он. — Хотя она все равно скоро вырубится.

Из хижины послышался внезапный всплеск рыданий. Йемон безнадежно развел руками и

швырнул свой пиджак в машину Салы.

— Я возьму мотороллер, — сказал он. — Чтобы не пришлось в городе оставаться.

Мы дали задний ход к дороге и пропустили его вперед. Его мотороллер походил на одну из тех штуковин, которые во Второй мировой войне использовали для парашютирования за линией фронта, — скелетное шасси с жалкими остатками красной краски, давно слезшей вместе со ржавчиной, а под сиденьем — маленький моторчик, откуда раздавался треск наподобие автоматной пальбы. Никакого глушителя не имелось, а шины были лысее Лоттермана.

Мы следовали за Йемоном по дороге, несколько раз чуть в него не врезавшись, когда он буксовал в песке. Он взял резвый темп, и нам пришлось прилично нажимать, чтобы не отстать и в то же время не порвать машину на составные части. Когда мы проезжали мимо аборигенских хижин, детишки выбегали на дорогу, чтобы нам помахать. Широко ухмыляясь, Йемон махал в ответ, а затем вытягивал правую руку в нарочитом салюте, едва заметный в облаке шума и пыли.

Мы остановились там, где начиналась асфальтовая дорога, и Йемон предложил нам отправиться в одно местечко примерно в миле оттуда.

— Классная еда и дешевая выпивка, — сказал он. — А кроме того, мне там в кредит дают.

Мы проследовали за ним по дороге, пока не прибыли к вывеске, где значилось «Каса Кабронес». Стрелка указывала на грязную дорогу, что ответвлялась в сторону пляжа. Дорога эта проходила через пальмовую рощицу и кончалась на небольшой автостоянке по соседству с захудалым рестораном со столиками в патио и музыкальным автоматом у бара. Если забыть про пальмы и пуэрториканскую клиентуру, заведение напомнило мне третьесортную таверну на американском Среднем Западе. Цепь синих лампочек висела на двух шестах по обе стороны патио, и примерно каждые тридцать секунд небо над нами разрезал желтый луч от башни в аэропорту около мили отсюда.

Когда мы сели и заказали выпивку, я вдруг понял, что мы единственные гринго в заведении. Все остальные были местные. Они производили приличный шум, крича и распевая вместе с музыкальным автоматом, и все как один казались при этом усталыми и подавленными. То была вовсе не ритмическая печаль мексиканской музыки, а воющая пустота, которую я слышал только в Пуэрто-Рико, — сочетание стона и нытья, поддержанное мрачным стуком и голосами, словно бы тонущими в отчаянии.

Все это было ужасно тоскливо — даже не столько сама музыка, сколько то, что ни на что лучшее эти люди способны не были. Большинство мотивов представляли собой изрядно переработанные версии американских рок-н-роллов, откуда ушла вся энергия. Один я опознал как «Мейбеллин». Оригинальная версия была хитом, когда я учился в старших классах. Этот мотив вспоминался мне простеньким и энергичным, однако пуэрториканцы умудрились сотворить из него занудную панихиду — столь же пустую и безнадежную, что и лица тех мужчин, которые теперь распевали ее в одиноком убожестве придорожной закусочной. Эти люди вовсе не были наемными вокалистами, и тем не менее возникало чувство, что они дают представление, — я всю дорогу ожидал, что они вот-вот погрузятся в молчание и пустят по кругу шляпу. Дальше они допьют свой ром и вытряхнутся в ночь, словно трупна усталых клоунов в конце безрадостного дня.

Внезапно музыка прекратилась, и несколько мужчин бросились к музыкальному автомату. Завязалась ссора, послышался всплеск оскорблений — и тут, откуда-то издалека, подобно национальному гимну, который играли, чтобы утихомирить разбушевавшуюся толпу, донеслось медленное бречанье «Колыбельной» Брамса. Ссора прекратилась, на какой-то момент повисла мертвая тишина, затем несколько монеток полетело в нутро музыкального автомата, и он разразился надсадным воем. Смеясь и хлопая друг друга по спинам, мужчины вернулись в бар.

Мы заказали еще три рома, и официант их притащил. Мы решили пока просто выпить, откладывая обед на потом, но к тому времени, как мы собрались заказать еду, официант сообщил нам, что кухня закрылась.

— Нет, черт возьми! — воскликнул Йемон. — Там сказано — в полночь. — Он указал на табличку над стойкой.

Официант покачал головой.

Сала поднял на него глаза.

— Пожалуйста, — попросил он. — Ведь вы мой друг. Я больше этого не выдержу. Я чертовски проголодался.

Официант снова покачал головой, не сводя глаз с зеленого блокнота для заказов у себя в руке.

Внезапно Йемон треснул кулаком по столу. Официант явно испугался и засеменил под защиту стойки бара. Все в заведении повернулись та нас насмотреть.

— Дайте нам мяса! — заорал Йемон, — И еще рома.

С кухни прибежал невысокий толстяк в белой рубашке с короткими рукавами. Он похлопал Йемона по плечу.

— Хорошие парни, — с нервной улыбкой произнес он. — Хорошие клиенты — нет проблем, ага?

Йемон мрачно на него посмотрел.

— Мы только хотим мяса, — любезно произнес он, — И еще выпить.

Коротышка покачал головой.

— После десяти нет обеда, — объяснил он. — Видите? — Он ткнул пальцем в часы. Там было десять двадцать.

— На табличке сказано — в полночь, — возразил Йемон.

Мужчина покачал головой.

— А в чем проблема? — спросил Сала. — На бифштексы уйдет минут пять. Черт с ней, с картошкой.

Йемон сжал в руке стакан.

— Дайте три рома, — потребовал он, показывая бармену три пальца.

Бармен взглянул на нашего собеседника, который, похоже, был тут администратором. Тот быстро кивнул и пошел прочь. Я подумал, что кризис миновал.

Но администратор почти тут же вернулся с маленьким зеленым чеком, где значилось 11.50. Он положили его на столик перед Йеменом.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал ему Итон.

Администратор хлопнул в ладоши.

— Ну все, — злобно проговорил он, — Платите. — Он протянул руку.

Йемон смахнул чек со стола.

— Я же сказал — без паники.

Администратор подобрал чек с пола.

— Платите! — заорал он. — Платите сейчас же!

Лицо Йемона побагровело, и он привстал со стула.

— Я заплачу по этому чеку так же, как и по всем остальным, — выкрикнул он. — А теперь убирайтесь отсюда к черту и принесите нам наше мясо!

Администратор поколебался, затем подался вперед и шлепнул чек на стол.

— Платите сейчас же! — завопил он. — Платите сейчас же и убирайтесь! Или я позову полицию!

Не успел он договорить, как Йемон схватил его за грудки.

— Ах ты сволочь мелкая! — прорычал он. — Кричи дальше — и вообще ни хрена не получишь!

Я наблюдал за мужчинами в баре. Они выпучили глаза и напряглись, как псы. Бармен замер у двери, готовый та ли сбежать, то ли выскочить наружу и выхватить мачете — я не был уверен.

Администратор, к тому времени совсем не в себе, погрозил вам кулаком и заверещал:

— Платите, проклятые янки! Платите и выметайтесь! — Он волком на нас досмотрел, затем подбежал к бармену и что-то шепнул ему на ухо.

Йемон встал и натянул пиджак.

— Идем, — сказал он. — С этим ублюдком я потом разберусь.

Администратора, похоже, не на шутку напугала перспектива того, что от него скроются неплательщики. Он последовал за нами на стоянку, попеременно ругаясь и упрашивая.

— Платите сейчас же! — выл он. — Когда же вы заплатите? Вот увидите, полиция непременно придет... нет, никакой полиции, только заплатите!

Я ничуть не сомневался, что коротышка рехнулся, и единственным моим желанием стало сбросить его с хвоста.

— Черт возьми, — выругался я. — Давайте расплатимся.

— Ага, — поддержал меня Сала, доставая бумажник. — А то мне тут что-то не по вкусу.

— Ничего, ничего, — возразил Йемон. — Он знает, что я заплачу. — Он швырнул в машину пиджак, затем повернулся к администратору. — Ну ты, сволочь гнойная, возьми себя в руки.

Мы забрались в машину. Как только Йемон завел мотороллер, администратор немедленно ринулся назад и принялся что-то кричать мужчинам в баре. Его вопли сотрясли воздух, когда мы вслед за Йемоном покатали по длинной подъездной аллее. Йемон нарочито отказывался спешить, медленно продвигаясь по аллее, подобно человеку, заинтригованному развитием сюжета, — и считанные секунды спустя две машины, полные орущих пуэрториканцев, уже нас догоняли. Я подумал, они вполне могут нас задавить. На своих здоровенных американских машинах они в два счета могли расплющить старенький «фиат» как окуроч.

— Черт побери, — все бормотал Сала. — Нас же убьют.

Когда мы выехали на асфальтовую дорогу, Йемон взял немного в сторону и дал нам проехать. Мы остановились в нескольких ярдах впереди него, и я крикнул:

— Вперед, черт возьми! Сваливаем отсюда! Другие машины поравнялись с Йемоном, и я заметил, как он выбрасывает руки по сторонам, будто его толкнули. Затем он соскочил с мотороллера, позволив ему упасть, и схватил мужчину, чья голова торчала из окна машины. Почти в тот же миг я увидел, как подъезжает полиция. Четверо полицейских выскочили из маленького синего «фольксвагена», размахивая увесистыми дубинками. Пуэрториканцы буйно обрадовались и тоже повыскакивали из машин. Мне страшно хотелось сбежать, но нас мгновенно окружили. Один из полицейских подбежал к Йемону и резко толкнул его в грудь.

— Вор! — заорал он. — По-твоему, гринго в Пуэрто-Рико на халяву пьют?

В то же самое время дверцы «фиата» резко раскрылись, и нас с Салой оттуда вытащили. Я попытался вырваться, но несколько человек держали меня за руки. Где-то сзади Йемон без конца повторял:

— Блин, этот мудака на меня плюнул, этот мудака на меня плюнул...

Внезапно все разом перестали орать, а потом вскипела перебранка между Йемоном, администратором и тем, кто, похоже, был у полицейских главным. Меня перестали держать, и я подошел послушать, что происходит.

— Черт побери, — говорил Йемон. — Все остальные счета я оплатил — почему он думает, что я не оплачу этот?

Администратор что-то буркнул про пьяных, заносчивых янки.

Прежде чем Йемон успел ответить, один из полицейских подскочил к нему сзади и треснул дубинкой по плечу. Йемон вскрикнул и отшатнулся вбок — как раз на кого-то из тех людей, что приехали за нами в машинах. Тогда тот мужчина, бешено взмахнув бутылкой, двинул Йемона по ребрам. Последнее, что я увидел перед тем, как осесть на землю, был свирепый бросок Йемона на мужчину с бутылкой. Послышалось несколько увесистых ударов кости о кость, а потом краем глаза я заметил, как что-то опускается мне на голову. Я вовремя пригнулся, так что главный удар пришелся мне по спине. И только это что-то приложилось мне по хребту, я рухнул на землю.

Где-то надо мной как резаный вопил Сала, а я угрем крутился на спине, пытаюсь увернуться от ног, что колошматили по мне будто молотки. Прикрыв голову руками, я отбрыкивался, но жуткое избиение продолжалось. Боль была не такая сильная, однако даже несмотря на пьяную анестезию я понял, что меня как пить дать на славу отделают, — а потом вдруг обрел твердую уверенность, что вот-вот загнусь. Я был все еще в сознании, и при одной мысли о том, что меня насмерть забьют ногами в пуэрториканских джунглях за какие-то одиннадцать долларов и пятьдесят центов, пришел в такой ужас, что взвыл как дикое животное. Наконец — в тот самый миг, когда я уже подумал, что вырубаясь, — я почувствовал, как меня заталкивают в машину.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Всю поездку я провел в полубессознательном состоянии, а когда машина наконец остановилась, выглянул наружу и увидел солидную толпу, злобно воющую на тротуаре. Я четко знал, что еще одного избиения мне не пережить; когда меня попытались вытянуть наружу, я отчаянно цеплялся за спинку сиденья, пока один из полицейских не треснул меня по руке дубинкой.

К моему удивлению, толпа не сделала никакой попытки нас атаковать. Нас протолкали вверх по лестнице, затем мимо кучки угрюмых полицейских у двери — и наконец завели в маленькую комнатушку без окон, где велели сесть на скамью.

— Боже милостивый, — вымолвил Йемон. — Это же бред какой-то. Надо с кем-то связаться.

— Нас упекут в Ла-Принцесу, — простонал Сала. — Теперь эти ублюдки точно нас достали. Это конец.

— Они должны дать нам телефон, — заметил я. — Я позвоню Лоттерману.

Йемон фыркнул.

— Для меня он ни черта не сделает. Блин, он же так хотел, чтобы меня посадили.

— У него не будет выбора, — возразил я. — Он не может допустить, чтобы меня и Салу посадили.

Йемон воспринял это скептически.

— Ч-черт... не могу придумать, кому бы еще позвонить.

Сала снова застонал и потер голову.

— Господи, вот будет счастье, если мы выберемся отсюда живыми.

— Мы еще легко отделались, — отозвался Йемон, осторожно ощупывая зубы. — Когда вся эта заваруха началась, я подумал, совсем труба.

Сала покачал головой.

— До чего гнусный народец, — пробормотал он. — Я толкнул того полицейского, и тут кто-то сзади ка-ак треснет меня кокосовым орехом — чуть шею не сломал.

Дверь открылась, и появился начальник. Улыбался он так, словно ничего не случилось.

— Ну как, порядок? — поинтересовался он, с любопытством нас разглядывая.

Йемон пристально на него посмотрел.

— Нам бы позвонить, — сказал он.

Полицейский покачал головой.

— Ваши фамилии? — спросил он, вытаскивая небольшой блокнотик.

— Если вам не трудно, — уперся Йемон. — Думаю, у нас есть право позвонить.

Полицейский показал ему средний палец.

— Я же сказал — нет! — проорал он. — В темпе — ваши фамилии!

Мы сказали.

— Где живете? — спросил он.

— Проклятье, да здесь мы живем! — рявкнул Сала. — Я работаю в «Дейли Ньюс» и уже больше года на этом вонючем куске скалы живу! — Он дрожал от ярости, и полицейский вроде бы пришел в легкое замешательство. — Мой адрес — Кал-Ле-Тетуан, 409, — продолжил Сала, — и я немедленно хочу видеть адвоката.

Полицейский немного подумал.

— Значит, в «Дейли Ньюс» работаете?

— Вот именно, черт возьми, — отозвался Сала. Полицейский оглядел нас и изобразил на физиономии подлую улыбочку.

— Крутые парни, — проговорил он. — Крутые янки-журналисты.

Какое-то время все молчали, а затем Йемон снова попросил дать нам позвонить.

— Послушайте, — сказал он. — Никто тут крутого из себя не строит. Вы только что чуть дух из нас не вышибли, а теперь нам нужен адвокат — разве мы многого просим?

Полицейский снова улыбнулся.

— Ну-ну, крутые парни.

— Да что еще за яйца с этими «крутыми парнями»! — воскликнул Сала. — Где тут, черт возьми, телефон?

Он начал вставать со скамьи, но не успел даже распрямиться, как полицейский быстро шагнул вперед и свирепо двинул его по шее. Сала упал на колени, и полицейский навесил ему еще и по ребрам. В комнату, словно по сигналу, ворвались еще трое полицейских. Двое из них схватили Йемона, заламывая ему руки за спину, а третий сшиб меня со скамьи и встал надо мной с занесенной над головой дубинкой. Я отлично знал, что ему страшно хочется меня треснуть, и замер, не желая давать ему повод. После долгой паузы начальник заорал:

— Вот так-то, крутые парни! А теперь идем. — Меня оторвали от пола, а потом всех нас в темпе вальса погнали по коридору, больно выворачивая руки за спину.

В конце коридора оказалась большая комната, полная людей и полицейских. Еще там была куча столов. За одним из столов в центре комнаты сидел Моберг. Он что-то писал в блокноте.

— Моберг! — заорал я, забываясь не о том, что меня принялись колошматить, а о том, чтобы

привлечь его внимание. — Позвони Лоттерману! Добудь адвоката!

Услышав фамилию Моберга, Сала поднял голову и с болью и яростью завопил:

— Швед! Ради Христа кому-нибудь позвони! Нас тут убивают!

Дальше нас на полном ходу протолкали через комнату, и я едва успел еще раз увидеть Моберга, прежде чем мы оказались в другом коридоре. Полицейские не обращали никакого внимания на наши крики — очевидно, они привыкли к тому, что люди вопят, когда их куда-то волокут. Единственная надежда оставалась на то, что Моберг не был слишком пьян, чтобы меня не узнать.

Следующие шесть часов мы провели в крошечной бетонной камере с двумя десятками пуэрториканцев. Сесть мы не могли, ибо сотоварищи наши обмочили буквально весь пол, — поэтому мы просто стояли в центре помещения, раздавая всем сигареты, будто представители Красного Креста. На вид это был воистину угрожающий сброд. Некоторые были пьяны, а другие, похоже, совсем без ума. Я чувствовал относительную безопасность, пока мы могли подкармливать их сигаретами, но всерьез задумывался, что будет, когда сигареты кончатся.

Эту проблему решил для нас охранник, когда предложил нам покупать сигареты по десять центов за штуку. Всякий раз, как нам требовалась одна сигарета для себя, мы были вынуждены покупать двадцать — по одной на душу населения в камере. После двух кругов охранник послал за новым блоком. Позднее мы выяснили, что безопасное стояние в луже мочи стоило нам больше пятнадцати долларов, которые заплатили мы с Салой, поскольку у Йемона денег не было.

Показалось, что мы пробыли там шесть лет, когда охранник наконец открыл дверь и поманил нас наружу. Сала едва мог передвигаться, а мы с Йемоном так выдохлись, что с трудом его поддерживали. Естественно, я понятия не имел, куда нас ведут. «Надо полагать, в подземную тюрьму», — подумал я. Именно так люди и пропадают.

Одолев несколько коридоров, мы прошли назад через здание и наконец оказались в просторном зале суда. Столь же грязных и растрепанных, что и самые жуткие бродяги в той камере, которую мы только что покинули, нас протолкнули в дверь, и я тревожно огляделся, ища кого-нибудь из знакомых.

Зал суда был набит битком, и я какое-то время оглядывался, прежде чем заметил Моберга и Сандерсона, с важным видом стоявших в углу. Я кивнул им, и Моберг в ответ сложил в кружочек большой и указательный пальцы.

— Слава Богу, — выдохнул Сала. — Есть контакт.

— Это Сандерсон? — спросил Йемон.

— Похоже на то, — ответил я, не имея ни малейшего представления, что бы это значило.

— И что этот гад там делает? — поинтересовался Сала.

— Проклятье, могло быть куда хуже, — заметил я. — Нам чертовски повезло, что там вообще кто-то есть.

Прошел почти час, прежде чем объявили слушание нашего дела. Начальник говорил первым, и показания свои он давал на испанском. Сала, который отчасти понимал, что он болтает, всю дорогу бормотал:

— Вот лживый ублюдок... говорит, мы угрожали разгромить заведение..., накинлись на администратора... порвали счет... ударили полицейского... Господи Иисусе!, затеяли драку в участке... нет, это уже слишком! Нам конец!

Когда начальник закончил, Йемон попросил перевод его показаний, но судья не удостоил его вниманием.

Дальше давал показания администратор — потный, возбужденно жестикулировавший. Голос его поднимался почти до истерики, пока он махал руками, тряс кулаками и тыкал в нас пальцем так, словно мы только что вырезали всю его семью и ближайших знакомых.

Из того, что он сказал, мы ровным счетом ничего не поняли, но было очевидно, что все против нас. Когда, наконец, подошла наша очередь говорить, Йемон встал и потребовал перевод всех предыдущих показаний.

— Вы их слышали, — отозвался судья на превосходном английском.

Йемон объяснил, что никто из нас достаточно хорошо не знает испанского и не понял, что было сказано.

— Эти двое раньше говорили по-английски, — сказал он, указывая на полицейского и администратора. — Почему же они сейчас не могут?

Судья презрительно улыбнулся.

— Вы забываете, где находитесь, — заметил он. — Какое право вы имеете приезжать сюда и нарушать порядок, а потом еще требовать, чтобы мы говорили на вашем языке?

Я видел, что Йемон начинает выходить из себя, и жестом попросил Сандерсона что-нибудь предпринять. Тут я услышал, как Йемон говорит, что «ожидал бы лучшего обращения даже при Батисте».

В зале повисла мертвая тишина. Сверкающими от гнева глазами судья вперился в Йемона. У меня возникло чувство, будто над нами в опытных руках палача заносится топор.

Тут Сандерсон крикнул из своего угла:

— Баша честь, могу я вставить словечко? Судья перевел взгляд на него.

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Сандерсон. Я из «Аделанте». Мужчина, которого я прежде никогда не видел, быстро подошел к судье и что-то шепнул ему на ухо. Судья кивнул, затем опять обратил взгляд на Сандерсона.

— Говорите, — разрешил он.

После диких разглагольствований полицейского и администратора голос Сандерсона зазвучал как-то странно.

— Эти люди — американские журналисты, — начал он. — Мистер Кемп связан с «Нью-Йорк Таймс», мистер Йемон представляет Американскую ассоциацию авторов книг о путешествиях, а мистер Сала работает для журнала «Лайф». — Он сделал паузу, и я задумался, что хорошего подобная чушь может принести. Чуть раньше наше признание себя янки-журналистами стало катастрофичным.

— Возможно, я ошибаюсь, — продолжил Сандерсон, — но все же думаю, что это заседание вышло несколько сумбурным, и мне бы не хотелось увидеть, как его результатом станет совершенно ненужная путаница. — Он взглянул на начальника, затем снова на судью.

— Господи, — прошептал Йемон. — Надеюсь, он знает, что делает.

Не сводя глаз с физиономии судьи, я кивнул. В тоне последнего замечания Сандерсона слышалось определенное предостережение, и у меня в голове мелькнуло, что он вполне может быть пьян. Насколько я понимал, Сандерсон должен был явиться сюда с какой-то вечеринки, где пил непрерывно чуть ли не с самого утра.

— Хорошо, мистер Сандерсон, — ровным голосом произнес судья. — Что вы предлагаете?

Сандерсон вежливо улыбнулся.

— Полагаю, будет весьма мудро продолжить это слушание, когда атмосфера немного разрядится.

Тот же самый мужчина, что обращался к судье ранее, снова оказался у него над ухом. Последовал быстрый обмен репликами, затем судья обратился к Сандерсону.

— Вы попали в самую точку, — сказал он. — Однако эти люди вели себя столь вызывающе — им следует уважать наши законы.

Лицо Сандерсона помрачнело.

— Что ж, ваша честь, если дело непременно должно слушаться сегодня, мне придется попросить вас сделать перерыв, пока я не свяжусь с Адольфо Кинонесом. — Он кивнул. — Разумеется, я должен буду его разбудить. Мне придется вытащить сеньора Кинонеса из постели, однако в настоящий момент я не чувствую себя достаточно компетентным, чтобы и дальше действовать как адвокат.

Последовало еще одно торопливое совещание у судейского стола. Я отчетливо видел, что фамилия Кинонеса произвела на суд определенное впечатление. Кинонес был адвокатом «Ньюс», бывшим сенатором и одним из наиболее выдающихся людей на острове. Мы нервно наблюдали, как совещание заканчивается. Наконец судья поднял взгляд и велел нам встать.

— Вы будете отпущены под залог, — объявил он. — Или можете подождать в тюрьме — как вам будет угодно. — И судья чиркнул что-то на листке бумаги.

— Роберт Сала, — произнес он затем. Сала поднял взгляд. — Вы обвиняетесь в публичном пьянстве, нарушении общественного порядка и сопротивлении аресту. Сумма залога — одна тысяча долларов.

Сала что-то проворчал и отвернулся.

— Аддисон Йемон, — продолжил судья. — Вы обвиняетесь в публичном пьянстве, нарушении общественного порядка и сопротивлении аресту. Сумма залога — одна тысяча долларов.

Йемон ничего не сказал.

— Пол Кемп, — закончил судья. — Вы обвиняетесь в публичном пьянстве, нарушении общественного порядка и сопротивлении аресту. Сумма залога — триста долларов.

Шок от последней фразы был не меньше, чем от всего, что произошло за ночь. Я чувствовал себя так, будто совершил какое-то предательство. Мне казалось, я сопротивлялся вполне достойно — или так вышло из-за моих воплей? Не потому ли судья проявил ко мне снисхождение, что знал, как меня били ногами? Я все еще это обмозговывал, когда нас вывели из зала суда в коридор.

— И что теперь? — спросил Йемон. — Справится Сандерсон с таким залогом?

— Не беспокойся, — ответил я. — Справится. — Сказав это, я почувствовал себя последним кретином. Свой залог я в крайнем случае мог покрыть из собственного кармана. И знал, что кое-кто возьмет на себя залог Сады, но с Йемоном была совсем другая история. Никто не собирался заботиться о том, чтобы в понедельник Йемон вышел на работу. Чем больше я об этом думал, тем сильнее убеждался, что через несколько минут нас двоих освободят, а он вернется обратно в камеру, ибо на всем острове не было никого, кто имел бы за душой тысячу долларов и хоть малейший интерес в том, чтобы избавить Йемона от тюрьмы.

Вдруг появился Моберг в сопровождении Сандерсона и того мужчины, что совещался с судьей. Подойдя к нам, Моберг пьяно рассмеялся.

— Я думал, они вас убить намылились, — сказал он.

— Они почти что и убили, — отозвался я. — А что с этим залогом? Можем мы столько денег достать?

Моберг снова рассмеялся.

— Все уже заплачено. Сегарра велел мне выписать чек. — Тут он понизил голос. — Правда, он сказал оплатить штрафы, если не больше сотни долларов выйдет. Ему повезло — никаких штрафов нет.

— Ты хочешь сказать, мы свободны? — спросил Сала.

Моберг ухмыльнулся.

— Конечно. Я уже за вас расписался.

— За меня тоже? — спросил Йемон.

— Естественно, — ответил Моберг. — Дело сделано — вы все свободны.

Когда мы направились к двери, Сандерсон обменялся рукопожатием со своим собеседником и поспешил следом. Был уже почти рассвет, и небо светилось светло-серым. Не считая нескольких человек у полицейского участка, улицы были пусты и спокойны. Несколько больших грузовых судов стояли на якоре в заливе, дожидаясь утра и буксиров, которые потянут их в гавань.

К тому времени, как мы выбрались на улицу, я успел заметить первые лучи солнца, холодный розовый румянец на восточном горизонте. Оттого, что всю ночь я провел в камере и зале суда, это утро показалось мне одним из самых красивых в жизни. Была в нем ясность и безмятежность прохладного карибского рассвета — после ночи в вонючей и грязной тюрьме. Я взглянул на корабли, затем на море — и ощутил безумную жажду свободы, желание иметь весь день в своем распоряжении.

Тут я понял, что большую часть дня все равно просплю, — и возбуждение исчезло. Сандерсон согласился подбросить нас до квартиры, и мы попрощались с Мобергом, который собрался поискать свою машину. Он забыл, где ее оставил, но уверял, что это не проблема.

— Я ее нюхом чую, — утверждал он. — Причем за много кварталов. — И он зашаркал по улице — маленькая фигурка в грязно-сером костюме в поисках своей развалюхи.

Позднее Сандерсон рассказал, что Моберг вначале позвонил Лоттерману, которого не было дома, затем Кинонесу, который улетел в Майами. Дальше он позвонил Сегарре, который подумал, что будут малые штрафы, и велел ему выписать за них чек. Сандерсон был у Сегарры и, когда позвонил Моберг, как раз собрался уезжать. Тогда по пути домой он остановился у здания суда.

— Чертовски славно, что ты подъехал, — сказал я. — Если бы не ты, нас бы обратно в эту поганую тюрьму запихнули.

Йемон и Сала что-то пробормотали в знак согласия. — Наслаждайтесь, пока можете, — отозвался Сандерсон. — А то вы оттуда ненадолго.

Оставшуюся часть пути мы проехали молча. Когда миновали Пласа-Колон, я услышал первые звуки утра — тархтение автобуса, начинающего свой маршрут, крики ранних торговцев фруктами — а откуда-то с холма донесся тошнотворный вой полицейской сирены.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Через несколько жалких часов сна меня разбудил жуткий шум-гам. Причиной тому оказался Сала, словно бы выпрыгнувший из кошмарного сна.

— Мать твою за ногу! — орал он. — Машина! Стервятники!

С трудом, но все же я вспомнил, что мы оставили его машину рядом с «Касса-Кабронес». Пуэрториканцев страшно интересовали брошенные машины — они набрасывались на них, как голодные волки, и буквально разрывали на части. Первым делом шли колпаки на колесах, затем сами колеса, затем бамперы и дверцы, а в последнюю очередь хищники увлакивали корпус — человек двадцать-тридцать, будто муравьи, волочащие дохлого жука, оттаскивали останки машины к какому-нибудь торговцу металлоломом за десять янки-долларов, после чего бились на ножах и розочках от бутылок за свою долю добычи.

Йемон просыпался медленно, постанывая от боли. Вокруг его рта была корка запекшейся крови. Наконец он сел на матрасе и тупо на нас уставился.

— Просыпайся, — сказал я. — Твой мотороллер тоже там.

Сала скинул ноги с койки.

— Слишком поздно. У них было двенадцать часов, а машину эти уроды могут за двенадцать минут разделить. Нам посчастливится, если мы там хоть масляное пятно найдем.

— Что, кранты? — прохрипел Йемон. Все еще не вполне проснувшийся, он сидел и тяжелым взглядом на нас таращился.

Я кивнул.

— Очень может быть.

— Черт возьми, так порыли туда! — воскликнул он, вскакивая с матраса. — Поймаем этих гадов и выбьем десяток-другой зубов.

— Остынь, — бросил Сала. — Теперь уже все кончено. — Он встал и расправил плечи. — Черт, такое ощущение, будто мне туда нож воткнули. — Он подошел ко мне. — Что у меня с плечом — нет там дыры от ножа?

— Нет, — успокоил я его. — Только царапина — похоже, от ногтя.

Сала выругался и пошел в ванную под душ.

Йемон уже сполоснул лицо и теперь торопливо одевался.

— Надо в темпе, — заторопил он. — Возьмем такси. — Открыв одно из окон, он впустил в жилище немного света.

Я с неохотой принялся одеваться. По всему телу виднелись синяки, и было больно шевелиться. Я хотел снова залечь в постель и проспать весь день, но понимал, что надежды на это нет.

Пройдя несколько кварталов до Пласа-Колон, мы поймали такси. Йемон сказал водителю, куда ехать.

Никогда прежде не доводилось мне видеть город в воскресное утро. Обычно я вставал около полудня и отправлялся к Элу на длинный завтрак. Теперь же улицы были почти пусты. Не наблюдалось никаких признаков будничного хаоса, верещания и рева целой армии торговцев, что раскатывали по городу в незастрахованных автомобилях. Берег был почти безлюден, магазины закрыты — и только церкви, казалось, занимались каким-то бизнесом. Мы проехали их несколько штук, и перед каждой толпился празднично одетый народ — загорелые мужчины и мальчики в свежeweыглаженных костюмах, женщины в платьях с цветочными узорами и вуалях, маленькие девчушки в белых платьицах, а также тут и там священник в черной мантии и с высокой черной шляпой на голове.

Затем мы набрали обороты по длинному проезду к Кондадо. Тут все было по-другому. Никаких церквей не наблюдалось, а тротуары были полны туристов в сандалиях и цветастых бермудах. Они струились в большие отели и обратно — болтали, читали газеты, тащили чемоданы, все как один в темных очках и с предельно деловым видом.

Йемон вытер лицо носовым платком.

— Блин, — вымолвил он. — Потерю мотороллера мне уже не выдержать. И без того — избитый, уволенный, арестованный...

Я кивнул, а Сала ничего не сказал. Он подался вперед к водителю, в любой момент ожидая увидеть, как его драгоценную машину курочит толпа вредителей.

После того, что показалось несколькими часами, мы свернули с дороги в аэропорт и выехали на

узкую аллею к «Каса Кабронес». Мы все еще были в сотне ярдов оттуда, когда я заметил машину Салы.

— Господи, — вымолвил он. — Чудо.

Когда мы подкатили поближе, я понял, что она стоит на двух кокосовых бревнах вместо колес. Колеса исчезли — а также мотороллер Йемона.

Сала воспринял все очень спокойно.

— Что ж — лучше, чем я думал. — Он забрался в машину и все проверил. — Надо же — ничего, кроме колес, не пропало. Чертовски повезло.

Йемон был в ярости.

— Я узнаю этот драндулет! — орал он. — В один прекрасный день я поймаю того, кто будет на нем кататься!

Я был уверен — если мы будем болтаться возле «Каса Кабронес», нас ждут новые неприятности. При мысли о еще одном избиении мне стало не по себе. Я прошел несколько сот футов в сторону бара, высматривая, не приближается ли кто-нибудь. Но бар был закрыт, а стоянка пуста.

По пути обратно к машине я заметил в кустах у дороги что-то красное. Это оказался мотороллер Йемона, накрытый пальмовыми листьями. Кто-то спрятал его, намереваясь забрать позднее.

Я позвал Йемона, и он выволок свой драндулет на дорогу. Ничего не пропало. Затем он подергал ногой педаль, и мотороллер превосходно завелся.

— Вот черт, — сказал Йемон. — Мне стоило бы посидеть здесь и подождать, пока та гнида за ним вернется. А потом малость ее удивить.

— Обязательно, — подхватил я. — После чего провести несколько лет в Ла-Принцесе. Идем — надо отсюда сматываться.

Сидя в своей машине, Сала принялся прикидывать стоимость новых шин и колес. От этого ему явно поплохело.

— Давайте чего-нибудь перекусим, — предложил Йемон. — Я зверски проголодался.

— Вы что, спятили? — возмутился Сала. — Я не могу оставить здесь машину — они ее совсем приговорят. — Он достал бумажник. — Вот, — сказал он Йемону. — Сгоняй на бензоколонку, позвони торговцу «фиатами» и скажи ему пусть пришлет четыре колеса. Здесь его домашний телефон — скажи, что это для мистера Лоттермана.

Йемон взял карточку и затарахтел прочь по дороге. Несколько минут спустя мы услышали, как он возвращается. Затем мы сидели еще час и ждали аварийную. К моему вящему изумлению, торговец «фиатами» железно выслал четыре колеса. Мы их смонтировали, Сала написал на квитанции фамилию Лоттермана, а потом мы подъехали к отелю «Лонг-Бич» позавтракать. Йемон последовал за нами на мотороллере.

В патио было таклюдно, что мы обосновались внутри, в закусочной. Повсюду сидели люди, которых я добрых лет десять тщательно избегал: нескладные женщины в трикотажных купальных костюмах, пузатые мужчины с безволосыми ногами, безжизненными взглядами и смущенными смешками — все как один американцы, и все ужасающе одинаковые. «Этих людей, — подумал я, — следовало бы держать дома, в Штатах, — запереть в подвале какого-нибудь „Икс-клуба“ и усмирять эротическими фильмами; если им потребуется отпуск, показать зарубежный видовой фильм; ну а если они по-прежнему будут недовольны, отправить их в пустыню и спустить на них бешеных псов».

Я волком на них смотрел, ожесточенно пытаюсь запихнуть в себя гнусный завтрак, который поставила передо мной официантка, — склизкая яичница, жирный бекон и слабый американский кофе.

— Проклятье, — сказал я ей. — Это что угодно, только не «Недикс». А пуэрториканский кофе у вас есть?

Официантка помотала головой. Сала вышел и вернулся с номером «Майами Геральд».

— А мне здесь нравится, — с ухмылкой сказал он. — Мне очень нравится сидеть здесь, смотреть на пляж и думать о всех тех славных делах, которые я мог бы проверить, будь у меня под рукой «люгер».

Я положил на стол два доллара и встал.

— Ты куда? — поинтересовался Йемон, поднимая взгляд из-за половинки газеты, которой с ним поделился Сала.

— Не знаю, — ответил я. — Наверное, к Сандерсону. Куда угодно — только бы от этого народа подальше.

Сала тоже поднял взгляд.

— Вы с Сандерсоном чертовски славные приятели, — с улыбкой сказал он.

Я слишком сосредоточился на уходе, чтобы обращать на Салу внимание, однако выбравшись на улицу, понял, что смысл его слов был оскорбительным. Я догадывался, что горечь проистекает из того, что сумма его залога оказалась намного больше моей. Черт с ним, подумал я. Сандерсон тут ни при чем.

Через несколько кварталов дальше по улице я зашел в кафе на открытом воздухе выпить пуэрториканского кофе. Там же я за семьдесят центов купил номер «Нью-Йорк Таймс». От газеты мне сильно полегчало. Она напомнила мне про большой знакомый мир, который занимался своим делом за горизонтом. Я заказал еще чашечку кофе, а когда уходил, взял с собой «Таймс», неся ее по улице, как драгоценный свиток мудрости, весомое заверение, что я еще не отрезан от той части мира, которая и впрямь была реальна.

До дома Сандерсона я добирался добрых полчаса, но путь лежал вдоль пляжа, и прогулка вышла замечательная. Сандерсона я обнаружил в саду — растянувшимся на пластиковой лежанке для принятия солнечных ванн. В раздетом виде он казался худощавее.

— Привет дебоширам, — бросил он. — Как тюрьма?

— Жуть, — сказал я.

— Ничего-ничего, — ободрил меня Сандерсон. — В другой раз будет куда хуже. Ты уже будешь известен.

Я уставился на него, раздумывая, что за извращенный юмор он на мне практикует.

Сандерсон приподнялся на локте и закурил сигарету.

— С чего все началось? — поинтересовался он. Я рассказал, стирая тут и там разные маловажные пункты, категорически отрицая все, что мне было известно об официальной версии.

Затем я откинулся на спинку кресла, оглядывая белый пляж, море и пальмы и думая, как же все-таки странно в таком вот местечке всерьез тревожиться о тюрьме. Казалось почти нереальным, что человек может приехать на Карибы и угодить в тюрьму за какой-то дурацкий проступок. Пуэрториканские тюрьмы существовали для пуэрториканцев — а не для американцев, которые все как один носили пестрые галстуки и рубашки на пуговицах.

— Почему твой залог был намного ниже? — спросил Сандерсон. — Что, заваруху эти двое начали?

Опять двадцать пять. Я уже всерьез желал, чтобы меня обвинили в чем-то brutальном — вроде «буйного нападения» или «избиения офицера».

— Черт побери, понятия не имею, — сказал я.

— Тебе повезло, — заметил Сандерсон. — За сопротивление аресту можно год тюрьмы схлопотать.

— Ладно, — начал я, пытаюсь сменить тему, — пожалуй, твоя речуга спасла ситуацию. Хотя когда мы им сказали, что работаем в «Ньюс», это их не сильно впечатлило.

Сандерсон закурил еще сигарету.

— Почему же — это кого угодно впечатлит. — Он снова поднял взгляд. — Только не думай, что я лгал, чтобы тебя спасти. «Таймс» подыскивает здесь внештатного корреспондента, и они попросили меня кого-то найти. На сегодня это ты.

Я пожал плечами.

— Годится.

Затем я вошел в дом еще выпить. Когда я был на кухне, то услышал шум подъезжающей машины. Это оказался Сегарра, одетый как какой-нибудь жиголо на итальянской Ривьере. Проходя в дверь, он сдержанно мне кивнул.

— Добрый день, Пол. Что там ночью была за проблема?

— Не помню, — буркнул я, выливая спиртное в раковину. — Пусть тебе Хел расскажет. А мне пора.

Он неодобрительно на меня глянул, затем прошел прямо через дом в сад. Я подошел к двери сказать Сандерсону, что уйду.

— Загляни завтра ко мне в контору, — сказал он. — Поговорим о твоей новой работе.

Сегарра был явно озадачен. Сандерсон ему улыбнулся.

— Вот, Ник, еще одного из твоих парней похищаю, — пояснил он.

Сегарра нахмурился и сел.

— Замечательно. Бери хоть всех оптом, — отозвался он.

Я вышел и побрел по Калле-Модесто, задумываясь, как бы убить остаток дня. Это всегда становилось проблемой. Воскресенье неизменно бывало выходным, и суббота обычно тоже. Но мне осточертело раскатывать по городу с Салой или торчать у Эла, а больше делать было нечего. Я хотел выбраться дальше по острову, посмотреть на какие-нибудь другие города, но для этого требовалась машина.

Машины мало, подумал я. Требовалась также и квартира. Денек был жаркий, а я устал, и все тело ныло. Я хотел поспать или просто отдохнуть, но деваться было некуда. Я миновал несколько кварталов, легкой походкой прохаживаясь в тени больших и раскидистых деревьев, думая обо всем том, что я мог бы предпринять в Нью-Йорке или Лондоне, проклиная тот извращенный импульс, что привел меня на этот тусклый и потный кусок скалы, и в конце концов остановился у аборигенского бара купить пива. Заплатив за бутылку, я взял ее с собой и стал потягивать пиво на ходу. Я прикидывал, где бы мне поспать. Квартира Салы железно отпадала. Она была жаркой, шумной и гнетущей, как склеп. Быть может, у Йемона, подумал я — но это было далеко, и туда было никак не добраться. Когда я наконец оказался лицом к лицу с тем фактом, что мне ничего не остается, кроме как бродить по улицам, то решил начать подыскивать собственную квартиру — место, где у меня был бы свой холодильник, чтобы готовить выпивку, где я мог бы расслабляться наедине или куда я даже мог бы время от времени приводить девушек. Мысль обзавестись собственной постелью в собственной квартире вдохновила меня так, что я поторопился избавиться от этого дня и перейти к следующему. Тогда я начал поиски.

Я понял, что прямо сейчас не готов связать себя таким обязательством, как квартира и, возможно, машина — особенно когда меня могли в любой момент бросить в тюрьму. Кроме того, газета могла прикрыться — или я мог получить от какого-нибудь старого друга весточку насчет работы, скажем, в Буэнос-Айресе. Раз уж на то пошло, не далее как вчера я готов был в Мехико отправиться.

Но я определенно чувствовал, что подхожу к той точке, где мне следовало определиться насчет Пуэрто-Рико. Я был здесь три месяца, но мне они показались тремя неделями. До сих пор мне здесь не за что было держаться — отсутствовали какие-то реальные за и против, которые я находил в других местах. Все то время, что я жил в Сан-Хуане, я браковал его, не испытывая к нему реальной неприязни. Я чувствовал, что рано или поздно увижу некое третье измерение, некую глубину, которая делает город реальным и которую никогда не увидишь, пока там какое-то время не проживешь. Но чем больше я здесь жил, тем больше подозревал, что впервые попал в место, где это жизненно важное измерение попросту не существовало или было слишком призрачным. Вполне могло стать, это место было именно тем, чем казалось, жутким смешением деляг, воров и обалделой голытьбы.

Я прошел мимо с лишним — думал, курил, потел, вглядывался поверх высоких изгородей и в низкие окна на улицу, прислушивался к реву автобусов и непрерывному лаю бродячих собак, не видя почти никого, кроме людей, что проезжали мимо в переполненных авто, направляясь бог знает куда, — целых семей, втиснутых в машины, просто с гулом и криком раскатывавших по городу, — они то и дело останавливались, чтобы купить пастилы или глоток «коко-фрио», затем снова забирались в машину и двигались дальше, вечно с недоумением выглядывая из окон и дивясь всему тому замечательному, что янки проделывали с городом: вот поднималось конторское здание десяти этажей в вышину, вот новое шоссе вело в никуда — и, конечно, повсюду были новые отели, чтобы поглазеть. Поглазеть можно было также на женщин-янки на пляжах или, если приехать достаточно рано, чтобы занять хорошее место, посмотреть «телевисьон».

Я гулял себе дальше, но с каждым шагом все больше разочаровывался. Наконец, в отчаянии, я поймал такси и отправился в «Карибе-Хилтон», где проводился международный теннисный турнир. Воспользовавшись пресскартой, я весь оставшийся день просидел на трибуне.

Там хоть солнце меня не раздражало. Оно казалось воедино слито с грунтовыми кортами, джином и летающим туда-сюда белым мячиком. Я вспомнил другие теннисные корты и давно ушедшие времена, полные солнца, джина и людей, с которыми я больше никогда не увижусь, ибо, встречаясь, разговаривать мы могли лишь в тоне мрачном и разочарованном. Я сидел на главной трибуне, прислушивался к ударам пушистого мячика и знал, что удары эти уже никогда не прозвучат для меня так, как в те дни, когда я знал, кто там играет, и когда меня это хоть сколько-нибудь заботило.

Соревнования закончились в сумерки, и я поймал такси до Эла. За угловым столиком в одиноче-

стве сидел Сала. По пути в патио я заприметил Гуталина и велел ему принести два рома и три гамбургера. Когда я подошел, Сала поднял взгляд.

— У тебя вид беглеца, — сказал он. — Вид человека, за которым погоня.

— Я разговаривал с Сандерсоном, — перебил я. — Он считает, что дело может и не дойти до суда. А если дойдет, то годика через три.

Не успел я закончить фразу, как уже о ней пожалел. Мы снова упирались в тему моего залога. Прежде чем Сала успел заговорить, я поднял руки.

— Проехали, — сказал я. — Давай о чем-нибудь другом.

Сала пожал плечами.

— Черт, не могу припомнить ничего, что бы не угнетало и не пугало. Меня словно в какую-то яму затянуло.

— Где Йемон? — спросил я.

— Домой поехал, — ответил он. — Почти сразу, как ты ушел, он вспомнил, что Шено все еще заперта в хижине.

Гуталин прибыл с едой и выпивкой, и я снял всё с подноса.

— По-моему, он совсем спятил! — вдруг воскликнул Сала.

— Точно, — согласился я. — Бог знает, как он кончит. Нельзя идти по жизни, никогда не сдавая ни дюйма — нигде и никак.

Тут к нашему столику с радостными восклицаниями подвалил Билл Донован, заведомо спор-та.

— Вот вы где! — заорал он. — Господа из прессы — тайные дебоширы и пьяницы. — Он залился счастливым смехом. — Что, мудозвоны, заварили ночью кашу? Ваше счастье, ребята, что Лоттерман в Понсе свалил! — Он сел за столик, — Как там все было? Я слышал, вы с полицейскими разобрались.

— Угу, — буркнул я. — Они у нас здорово просрались — вот смеху-то было.

— Эх, ч-черт, — посетовал Донован. — Жаль, я все это пропустил. Люблю хорошую драку — особенно если с полицией.

Мы немного поговорили. Мне нравился Донован — но он вечно болтал о том, чтобы вернуться в Сан-Франциско, где «много всего происходит». Он так сладкозвучно рассказывал про Побережье, что, зная, что он лжет, я никогда не мог понять, где кончается правда и начинается вранье. Если даже половина его рассказов была правдой, мне бы хотелось немедленно туда отправиться; но с Донованом я не мог положиться даже на эту необходимую половину, а потому всегда слушал его с определенным разочарованием.

Мы ушли от Эла около полуночи и спустились на пляж. Ночь была душная, и во всем окружающем я чувствовал то же давление, то же ощущение проносающегося времени, тогда как оно, казалось, стоит на месте. Всякий раз, как я задумывался о времени в Пуэрто-Рико, я вспоминал старые магнитные часы, что висели на стенах классных комнат в школе моего детства. То и дело стрелка могла несколько минут не двигаться — я достаточно долго за ней наблюдал, уже задумываясь, не сломалась ли она наконец, — а затем меня всегда поражал ее внезапный перескок на три-четыре деления.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Контора Сандерсона располагалась на верхнем этаже самого высокого здания в Старом городе. Сидя в кожаном кресле, я обзирал всю береговую линию, «Карибе-Хилтон» и большую часть Кондадо. Чувство было такое, будто находишься на диспетчерской вышке.

Сандерсон закинул ноги на подоконник.

— Итак, два пункта, — говорил он. — Это дельце с «Таймс» не особо значительное — всего несколько статей в год. Зато проект Зимбургера действительно крупный.

— Зимбургера? — переспросил я.

Он кивнул.

— Вчера я не хотел об этом упоминать, потому что он мог наведаться.

— Минутку, — пробормотал я. — Мы про одного и того же Зимбургера толкуем? Про «генерала»?

У Сандерсона сделался недовольный вид.

— Все верно, он один из наших клиентов.

— Черт возьми, — сказал я. — Наверное, с бизнесом совсем худо. Ведь этот человек просто му-
дак.

Сандерсон покатал в пальцах карандаш.

— Вот что, Кемп, — медленно проговорил он. — Мистер Зимбургер строит марину — и очень немалую. — Он помолчал. — Он также собирается построить один из лучших отелей на острове.

Рассмеявшись, я откинулся на спинку стула.

— Послушай, — резко произнес Сандерсон. — Ты здесь уже достаточно долго, чтобы начать кое-что для себя уяснять. И одна из первых вещей, которые тебе следует усвоить, это что деньги порой в весьма странной обертке поступают. — Он постучал карандашом по столу. — Зимбургер, известный тебе как «просто мудака», может тридцать раз купить тебя и продать. А если ты все-таки настаиваешь на том, чтобы судить по одежке, лучше тебе куда-нибудь в Техас переехать.

Я снова рассмеялся.

— Может, ты и прав. А теперь будь так любезен рассказать, что у тебя на уме. Я спешу.

— В один прекрасный день, — пообещал Сандерсон, — это твоё дурацкое высокомерие будет стоить тебе кучу денег.

— Ну вот что, — отозвался я. — Я здесь не за тем, чтобы меня психоанализу подвергали.

Сандерсон напряженно улыбнулся.

— Все верно. «Таймс» нужна общая статья в раздел весеннего туризма. Миссис Людвиг соберет для тебя кое-какой материал — я скажу ей, что тебе нужно.

— А чего они хотят? — спросил я. — Тысячу радостных слов?

— Более или менее, — ответил Сандерсон. — Обрабатываем фотографии.

— Ладно, — сказал я. — Задача не из простых. А что там насчет Зимбургера?

— А то, — отозвался он, — что мистеру Зимбургеру нужна брошюра. Он строит марину на острове Вьекес — это между нами и Сент-Томасом. Мы получим снимки и сделаем макет — ты напишешь текст, слов так на пятнадцать тысяч.

— Сколько он заплатит? — поинтересовался я.

— Тебе он ничего не заплатит, — ответил Сандерсон. — Нам он заплатит прямой гонорар, а мы выплатим тебе по двадцать пять долларов в день плюс расходы. Тебе придется съездить на Вьекес — скорее всего, с Зимбургером.

— О Господи, — простонал я.

Сандерсон улыбнулся.

— Никакой спешки. Скажем, в следующую пятницу. — Он добавил; — Брошюра будет ориентирована на инвесторов. Марина очень неслабая — два отеля, сотня коттеджей, все дела.

— Откуда у Зимбургера деньги? — спросил я.

Сандерсон покачал головой.

— Тут не только Зимбургер. Вместе с ним еще несколько человек работают. Откровенно говоря, он и меня просил присоединиться.

— Что же тебя остановило?

Он снова развернулся лицом к окну.

— Я еще не готов уволиться. Тут чертовски интересно работать.

— Не сомневаюсь, — сказал я. — Какая у тебя там доля — десять процентов с каждого доллара, инвестированного в остров?

Сандерсон ухмыльнулся.

— Корыстно мыслишь, Пол. Мы здесь затем, чтобы помогать колесикам крутиться.

Я встал, чтобы уйти.

— Ладно, приду завтра и заберу материал.

— Как насчет ленча? — спросил Сандерсон. — Самое время.

— Извини, — сказал я. — Надо бежать.

Он улыбнулся.

— На работу опаздываешь?

— Ага, — отозвался я. — Пора назад — над одной разоблачительной статейкой поработать.

— Не позволяй бойскаутской этике взять над собой верх, — посоветовал Сандерсон, по-

прежнему улыбаясь. — Да, кстати о бойскаутах — скажи своему приятелю Йемону сюда заглянуть, когда будет возможность. У меня тут кое-что для него есть.

Я кивнул.

— Поставь его на работу с Зимбургером. Они отлично поладят.

Когда я вернулся в газету, Сала подозвал меня к столу и показал свежий номер «Эль-Диарио». На первой странице имелась живописная фотография нашей троицы. Я с трудом себя узнал — глаза как щели, взгляд наиподлейший, горблюсь на скамье, будто закоренелый преступник. Сала смотрелся пьяным, а Йемон — просто как маньяк.

— Когда они это дельце обтяпали? — спросил я.

— Не помню, — ответил он. — Но обтяпали они его классно.

Под фото была небольшая заметка.

— И что пишут? — поинтересовался я.

— Примерно то же, что врал начальник, — ответил Сала. — Большое будет счастье, если нас не линчуют.

— А Лоттерман что сказал?

— Он все еще в Понсе. Меня начал охватывать страх.

— Тебе непременно нужен пистолет, — заверил меня Мoberг. — Ведь теперь они будут за тобой охотиться. Уж я-то этих свиней знаю — они наверняка постараются тебя угрохать.

К шести часам я стал так подавлен, что бросил все попытки поработать и отправился к Элу.

В тот самый момент, когда я поворачивал на Калле-О'Лири, стало слышно, как с противоположного направления приближается мотороллер Йемона. В тех узких улочках он издавал жуткий треск, и слышно его было кварталов за шесть. Мы прибыли к Элу одновременно. На заднем сиденье ехала Шено, и она соскочила, когда Йемон вырубил мотор. Оба казались пьяными. По пути в патио мы заказали гамбургеры и ром.

— Дела всё паршивей, — сообщил я, подтаскивая стул для Шено.

Йемон помрачнел.

— Этот ублюдок Лоттерман сегодня уклонился от слушаний. Вышла сушая чертовщина — эти хмыри из департамента труда видели нашу фотографию в «Эль-Диарио». Я даже вроде как рад, что Лоттерман не появился. Сегодня он мог бы выиграть.

— Ничего удивительного, — сказал я. — Картинка еще та. — Я покачал головой. — Лоттерман в Понсе — нам повезло.

— Будь оно все проклято, — выругался Йемон. — Мне на этой неделе до зарезу нужны деньги. Мы отправляемся на Сент-Томас — на карнавал.

— А, да, — отозвался я. — Я об этом слышал. Оргия ожидается жуткая.

— Я слышала, он чудесный! — воскликнула Шено. — Говорят, он будет не хуже того, что на Тринидаде.

— А поехали с нами, — предложил Йемон, — Скажи Лоттерману, что хочешь статью сделать.

— Вообще-то я бы не прочь, — сказал я. — А то Сан-Хуан меня совсем достал.

Йемон начал что-то говорить, но Шено его перебила.

— Сколько времени? — тревожно спросила она.

Я взглянул на часы.

— Скоро семь.

Она быстро встала.

— Мне надо идти — там в семь начинается. — Шено взяла сумочку и направилась к двери. — Вернусь через час, — крикнула она, — Не очень тут напивайтесь.

Я взглянул на Йемона.

— В большом соборе какая-то вроде как служба, — устало произнес он. — Один бог знает, что это такое, но ей непременно надо увидеть.

Я улыбнулся и покачал головой. Йемон кивнул.

— Ага, черт знает что. Будь я проклят, если знаю, что с ней делать.

— Что с ней делать? — переспросил я.

— Ну да. Я уже почти решил, что это место насквозь прогнило и пора отсюда убираться.

— Да, кстати, — сказал я. — Ты мне кое о чем напомнил. У Сандерсона есть для тебя работа —

писать рекламные статьи. Его честность требует превратить в реальность то, что он про нас прошлой ночью наврал.

Йемон простонал.

— Блин, рекламные статьи. Как низко может пасть человек?

— Выясни это у Сандерсона, — посоветовал я. — Он хочет, чтобы ты с ним связался.

Он откинулся на спинку стула и уставился на стену, какое-то время ничего не отвечая.

— Его честность, — повторил он, словно препарируя это слово. — По-моему, у человека вроде Сандерсона честности не больше, чем у Иуды.

Я глотнул рома.

— Что заставляет тебя с этим типом общаться? — спросил Йемон. — Ты вечно туда ходишь — в нем есть что-то такое, чего я не вижу?

— Не знаю, — сказал я. — А что ты видишь?

— Да не так много, — ответил он. — Я знаю, что про него Сала говорит. А он говорит, что Сандерсон голубой — ну и, конечно, что он пустозвон, мерзавец и бог знает что еще. — Он помолчал. — Хотя Сала просто словами бросается: пустозвон, мерзавец, голубой — что с того? Мне любопытно, что ты, черт возьми, в этом типе видишь.

Теперь я понял вчерашнюю шпильку Салы за завтраком. И почувствовал, что все, сказанное мной теперь о Сандерсоне, будет иметь решающее значение — не для Сандерсона, а для меня. Ибо я знал, почему я с ним общаюсь, и большинство причин были довольно низменными: Сандерсон был внутри, а я снаружи, и он смотрелся чертовски славным каналом для массы нужных мне вещей. С другой стороны, в нем было что-то, что мне нравилось. Возможно, меня завораживала борьба Сандерсона с самим собой — как практичный делец постепенно вытеснял парнишку из Канзаса. Я вспомнил его рассказ про то, как Хел Сандерсон из Канзаса умер, когда его поезд прибыл в Нью-Йорк, а всякий человек, который подобное говорит, и пытается сделать это с гордостью, стоит того, чтобы его выслушали, — если, конечно, у тебя нет куда более лучшего способа проводить время.

Голос Йемона резко вывел меня из задумчивости.

— Ладно, — махнул он рукой. — Раз ты так над этим голову ломаешь, значит, тут что-то есть. Хотя я по-прежнему думаю, что он мразь.

— Слишком много думаешь, — заметил я.

— Приходится всю дорогу думать, — пробормотал Йемон. — Просто беда — порой я беру отпуск от размышлений. — Он кивнул. — Все точно так же, как и со всеми прочими отпусками — на две недели расслабляешься, а потом пятьдесят недель к этому готовишься.

— Что-то я не врубаюсь, — сказал я.

Он улыбнулся.

— Ты меня перебил. Мы говорили о Шено — и ты вдруг вытащил на свет Иуду.

— Ладно, — рывкнул я. — Так что насчет Шено? Уж не хочешь ли ты таким образом сказать, что думаешь мне ее оставить?

Йемон треснул кулаком по столу.

— Слушай, Кемп, лучше бы ты так не болтал. Я чертовски консервативен, когда речь идет об обмене девушками — а в особенности девушкой, которая мне нравится. — Он сказал это спокойно, и все же я почувствовал в его голосе нерв.

Я покачал головой.

— Ты мудак непоследовательный — это я в последнюю очередь ожидал от тебя услышать.

— Не очень ценю последовательность, — отозвался Йемон, снова обретая легкость. — Нет, я просто вслух все обдумывал — я так не слишком часто делаю.

— Знаю, — сказал я.

Йемон глотнул рома.

— Вчера я весь день думал, — признался он. — Я должен отсюда свалить — и я не знаю, что делать с Шено.

— А куда ты хочешь направиться? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Не знаю. Может, дальше на острова, а может, в Европу.

— В Европе неплохо, — заметил я. — Когда есть работа.

— У меня не будет, — сказал Йемон.

— Не будет, — согласился я. — Скорее всего.

— Как раз об этом я и думал, — продолжил он. — И сам удивился, какого черта меня в Европу тянет — чего ради?

Я пожал плечами.

— Почему бы и нет?

— Знаешь, — признался Йемон, — я три года дома не был. А когда последний раз был, почти все время по лесам гулял.

— Я опять выпадаю, — сказал я. — Ведь я даже не знаю, откуда ты.

— Место называется Лондон, в штате Кентукки, — пояснил он. — «Лавровый округ» — славное местечко, чтобы исчезнуть.

— Исчезнуть хочешь?

Йемон кивнул.

— Возможно. Только не в Лавровом округе. — Он помолчал. — Мой отец пустился в разные игры со своей монетой — и мы потеряли ферму.

Я закурил сигарету.

— А чудное было местечко, — продолжил он. — Можно туда отправиться, весь день стрелять, гонять собак, черт знает что учинять — и ни одна душа в мире не станет тебе на нервы действовать.

— Угу, — буркнул я. — Мне тоже охотиться доводилось — вокруг Сент-Луиса.

Йемон откинулся на спинку стула и уставился в свой бокал.

— Над этим я тоже вчера стал раздумывать, и у меня возникло чувство, будто я по ложному следу иду.

— В смысле? — спросил я.

— Не знаю, не уверен, — ответил он, — Но у меня такое чувство, будто я следую курсом, который кто-то давным-давно проложил, — и что у меня при этом чертовски большая компания.

Я поднял взгляд на банановую пальму и позволил ему продолжить.

— И с тобой то же самое, — сказал Йемон. — Мы все проходим по одним и тем же проклятым местам, занимаемся одной и той же чертовщиной, которой люди уже пятьдесят лет маются, и все ожидаем, что вот-вот что-то случится. — Он поднял взгляд. — То есть — я бунтарь, я не прогибаюсь... и где же моя награда?

— Ты мудак, — пробормотал я. — Нет никакой награды. И никогда не было.

— Будь оно все проклято, — выругался Йемон. — Кошмар какой-то. — Он взял бутылку и допил ее из горлышка. — Мы просто алкаши, — сказал он затем. — Алкаши беспомощные. А, черт с ним — вот вернусь в какой-нибудь богом забытый городок и стану пожарным.

Я рассмеялся, и тут вернулась Шено. Мы еще несколько часов сидели в патио и пили, пока Йемон не встал и не сказал, что они едут домой.

— Подумай насчет этой ерунды на Сент-Томасе, — сказал он. — Можно и в игрушки поиграть, пока получается.

— Почему бы и нет? — пробормотал я. — Пожалуй, я поеду. Наверное, это будет последнее веселье в моей жизни.

Шено помахала на прощание и вслед за Йемоном вышла на улицу.

Я еще какое-то время там посидел, но было слишком тоскливо. Мысленно переходя от беседы с Йемоном к моей фотографии в «Эль-Диарио», я начал чувствовать, что близок к самоубийству. Кожа покрылась мурашками, и я стал задумываться, не одолевает ли меня в конце концов все это пьянство. Затем я вспомнил заметку про паразитов в местном водопроводе, напечатанную «Ньюс» на прошлой неделе, — про мелких червячков, которые разрушают внутренности. Господи, подумал я тогда, мне лучше отсюда выбраться. Я расплатился и вытряхнулся на улицу, мотая головой влево-вправо и понятия не имея, куда мне идти. Просто гулять я не желал из страха быть узанным и избитым разгневанной толпой — но одна мысль о том, чтобы пойти домой, в самое логово мух и ядовитых мандавох, где я спал уже три месяца, наполнила меня откровенным ужасом. Наконец я поймал такси до «Карибе-Хилтона». Битый час я проторчал в баре, надеясь познакомиться с девушкой, которая пригласит меня к себе в номер, однако познакомиться удалось только с футбольным тренером из Атланты, который хотел, чтобы мы с ним прогулялись на пляж. Я заверил его, что пойду, только вот сперва позаимствую на кухне мясную плетку.

— Зачем? — осведомился он.

Я недоуменно на него уставился.

— Разве вы не хотите, чтобы вас выпороли?

Он нервно рассмеялся.

— Подождите здесь, — сказал я. — Я только плетку добуду. — Я встал и прошел в комнату отдыха, а когда вернулся, его уже не было.

Никаких девушек в баре не наблюдалось — только дамочки средних лет и лысые мужики в смокингах. Меня трясло. «Боже, — подумал я, — наверное, у меня белая горячка». Я пил в предельном темпе, стараясь совсем напиться. Все больше и больше людей, казалось, смотрели исключительно на меня. Но я не мог говорить. Я чувствовал себя одиноким и беззащитным. И слишком ошалел, чтобы снять номер в отеле. Ехать было некуда, кроме как в грязную, полную тараканов квартиру. Другого дома у меня не имелось.

Там я зажег свет и открыл окна, затем сделал хороший плоток и растянулся на койке, решив почитать журнал со своими заметками. Дул легкий ветерок, но шум с улицы был таким ужасающим, что я бросил всякие попытки читать и выключил свет. Люди все ходили мимо по тротуару, заглядывали в окна — и теперь, когда они не могли меня видеть, я ожидал, что в окно в любой момент могут залезть грабители. Я раскинулся на койке с бутылкой рома на пупке и прикидывал, как мне себя защитить.

Будь у меня «люгер», подумал я, мне бы ничего не стоило продырявить ублюдков. Приподнявшись на локте, я уставил палец в окно и представил себе, какой славный выстрел я мог бы сделать. На улице было как раз достаточно освещения, чтобы выхватить силуэт. Я знал, что все произойдет очень быстро, что у меня не будет выбора: только нажать на спусковой крючок и оглохнуть от жуткого рева, бешеных воплей и скрежета вслед за кошмарным глухим ударом сбитого с подоконника тела о тротуар. Соберется толпа, и мне, вероятно, придется из самозащиты пристрелить еще нескольких. Затем прибудет полиция — и этим все закончится. Меня узнают и, скорее всего, убьют прямо здесь, в квартире.

Боже, подумалось мне, я обречен. Живым мне никогда отсюда не выбраться.

Тут мне показалось, какие-то твари ползут по потолку, а голоса в проулке выкликают меня по имени. Я задрожал и буквально облился потом, а потом впал в тяжелый и путаный бред.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Той ночью склеп Салы окончательно меня добил. На следующее утро я рано встал и отправился в Кондадо искать квартиру. Мне хотелось солнца, чистых простыней и холодильника, где можно держать пиво и апельсиновый сок. Хотелось продуктов в кладовке и книг на полках, хотелось, чтобы я мог время от времени оставаться дома, хотелось ветерка в окно и мирной улицы снаружи, адреса, который звучал бы по-человечески — вместо «для передачи» или «до востребования».

Десятилетнее накопление таких блудных адресов может давить на человека как сглаз. Начинаясь казаться себе Вечным Жидом. Именно так я себя и чувствовал. После одной ночи слишком долгого сна в вонючем гроте, где мне и на минуту оставаться не хотелось, для пребывания в котором не было никакой причины, кроме того что он чужой и дешевый, я решил послать его ко всем чертям. Если там была абсолютная свобода, значит, я досыта ею наелся и отныне намерен был искать что-то менее абсолютное и куда более комфортабельное. Мало того, что я собрался занять адрес, я собрался занять еще и машину — и если мне следовало занять что-то вроде обширных поддерживающих связей, я готов был и их занять.

В газете были объявления о сдаче квартир, однако первые несколько штук оказались слишком дороги. Наконец я нашел одну над чьим-то гаражом. Это было именно то, чего мне хотелось, — масса воздуха, большое раскидистое дерево с обилием тени, бамбуковая мебель и новый холодильник.

Женщина запросила сотню, но когда я предложил семьдесят пять, быстро согласилась. На машине перед домом я увидел широкую липкую полосу, где значилось «51», и в ответ на мой вопрос хозяйка рассказала, что они с мужем борются за статус штата для Пуэрто-Рико. Они владеют кафе «Ла-Бомба» в Сан-Хуане. Знаю ли я его? Разумеется, знаю, часто там бываю — несравненная кухня и низкие цены. Я рассказал, что работаю для «Нью-Йорк Таймс» и пробуду в Сан-Хуане около года. Напишу серию статей, направленных на то, чтобы Пуэрто-Рико признали штатом. Но для этого мне

потребуется абсолютное уединение.

Мы понимающе друг другу улыбнулись, и я дал ей деньги за месяц вперед. Когда хозяйка попросила еще семьдесят пять в качестве задатка, я сказал, что на следующей неделе получу зарплату и тогда непременно вручу ей требуемую сумму. Она благодарно улыбнулась, и я поспешил уйти, прежде чем она успела еще с чем-то ко мне пристать.

Сознание того, что теперь у меня есть собственный дом, наполнило меня безмерной радостью. Даже если б меня уволили, у меня было достаточно денег в банке, чтобы малость отдохнуть, а при том, что Сандерсон собирался отшелушивать мне по двадцать пять купюр в день, никаких проблем вообще не оставалось.

Я дотопал до Авенида-Эшфорд и сел на автобус до редакции. На полпути туда я вспомнил, что сегодня у меня выходной, но мне хотелось проверить почту, так что все равно приехал. Пока я шел по отделу новостей к почтовым ячейкам, меня окликнул Сала.

— Ну, приятель, — выдохнул он, — тебе бы пораньше здесь оказаться. Лоттерман узнал, что Моберг выписал чек за наш залог, — сперва попытался заколоть его ножницами, а потом гнал, как борзая, аж до самой улицы. — Он кивнул. — Коррида, да и только. Я думал, Мобергу не жить.

— Боже милостивый, — пробормотал я. — А что с чеком? Он по-прежнему в силе?

— Думаю, да, — ответил Сала. — Лоттерман потеряет лицо, если его аннулирует.

Я с сомнением кивнул. Это ломало мой план обзавестись машиной. Я собирался занять у Лоттермана денег, а потом отдавать по десять-пятнадцать долларов в неделю из моего жалованья. Стоя у темной комнаты, я лихорадочно искал какие-то альтернативы, когда Лоттерман вдруг выскочил из кабинета и позвал меня к себе.

— Хочу тебя лицезреть, — рявкнул он. — И тебя, Сала, тоже — нечего там прятаться.

Нарочито его проигнорировав, Сала зашел в темную комнату. Несколько секунд спустя он появился с пачкой сигарет.

— Прятаться, черт возьми! — прохрипел он достаточно громко, чтобы его слышал Лоттерман и все прочие. — В тот день, когда мне придется от такого мудака прятаться, я выброшу полотенце.

Лоттерман сделал вид, что не расслышал. Никогда я не видел его в таком состоянии. Он пытался поддерживать гневный тон, но казался еще более смущенным, чем все остальные, и после нескольких секунд его речуги мне показалось, что он находится на грани чего-то вроде апоплексического удара.

Начал он с восклицаний на предмет того, каким свинством со стороны «чертова психа Йемона» было вовлекать нас в беду.

— И еще Моберг, — простонал он. — Этот псих, этот никчемный алканавт — ведь он у меня ворует. — Лоттерман треснул кулаком по столу. — Это пьяное ничтожество, таракан, а не человек — идет и так запросто кидает меня на двадцать три сотни долларов! — Он уставился на нас. — Можете вы, парни, понять, на что из-за этого сходит мой банковский баланс? Знаете, на что? Есть у вас представление, сколько стоит, чтобы эта газета выходила? — Он снова осел в кресле. — Боже милостивый, ведь я вложил в дело свои сбережения по той простой причине, что верю в журналистику. И вот этот позорный, гнойный таракан идет и пытается одним ударом меня свалить. — Тут Лоттерман приложил руку ко лбу.

— И Йемон! — вдруг завопил он. — Я все про него понял в ту самую минуту, как его увидел! Я сказал себе: Эд, избавься от этого парня — он ходячая неприятность! — Он погрозил нам пальцем. — Я хочу, чтобы вы держались от него подальше, понимаете? Какого черта он тут вообще делает? Почему не вернется туда, откуда прибыл? На что он живет?

Мы с Салой пожали плечами.

— Кажется, у него есть доверительная собственность, — сказал я. — Он как-то говорил о том, чтобы инвестировать немного денег в кегельбаны.

— Боже всемогущий! — воскликнул Лоттерман. — На хрен, на хрен таких инвесторов. — Он покачал головой. — И у этого типа хватило духу врать мне, что он на мели... занял сотню долларов и выбросил ее на мотоциклет! Можете вы это понять?

Я, разумеется, этого понять не смог, и Сала тоже.

— А теперь он преследует меня в судебном порядке и хочет еще денег, — продолжил Лоттерман. — Видит Бог, мы еще посмотрим, что он на самом деле получит. — Он откинулся на спинку кресла. — Такая жуть, что просто не верится, — пробормотал он. — Я только что заплатил тысячу

долларов, чтобы выволить его из тюрьмы. Этого опасного психа, который обещал открутить мне голову. Ведь он обещал мне голову открутить. И Мoberг, — вспомнил он. — Откуда он вообще взялся? — Лоттерман покачал головой и махнул нам на выход. — Идите, — сказал он. — И передайте Мoberгу, что я непременно его посажу.

Только мы пошли к двери, как Лоттерман еще кое-что припомнил.

— Погодите минутку, — позвал он нас. — Не хочу, парни, чтобы вы думали, будто я не вызволил бы вас из тюрьмы. Конечно, я бы вас вызволил. Ведь вы сами это знаете, правда?

Мы заверили его, что знаем, а потом оставили бубнить себе под нос за столом. Я прошел в библиотеку и сел подумать. Машину я все равно собирался раздобыть — независимо от тех усилий, которые бы на это ушли. Я уже приметил «фольксваген» с открывающимся верхом за пять сотен, и он казался в чертовски хорошем состоянии. Принимая во внимание фантастические цены на машины в Сан-Хуане, сделку можно было бы считать очень успешной, купи я его за четыре сотни. Я позвонил Сандерсону.

— Послушай, — непринужденным тоном начал я, — сколько я самое меньшее получу от этой заморочки с Зимбургером?

— А что? — поинтересовался он.

— Я хотел бы вперед. Мне нужна машина.

Сандерсон рассмеялся.

— Тебе не нужна машина — ты хочешь машину. Сколько тебе нужно?

— Около тысячи, — сказал я. — Я не жадный.

— Да ты спятил, — ответил он. — Максимум, что я могу при любых обстоятельствах сделать, это двести пятьдесят.

— Идет, — быстро согласился я. — Конечно, капля в море, но тоже на пользу. Когда я смогу их получить?

— Завтра утром, — сказал он. — Как раз придет Зимбургер — мы сможем собраться и всё уладить. Но дома я этим заниматься не хочу. — Он помолчал. — Около десяти сможешь зайти?

— Конечно, — сказал я. — Тогда и увидимся.

Положив трубку, я понял, что готовлюсь к решительному шагу. В конце недели мне предстояло переехать в собственную квартиру, а теперь я и машину почти что купил. Сан-Хуан брал меня в оборот. Пять лет мне не требовалась машина — со времен того старенького «ситроена», который я купил в Париже за двадцать пять долларов и годом позже продал за десять, исколесив на нем всю Европу. Теперь я готов был выкинуть четыре сотни за «фольксваген». Во всяком случае, это давало мне ощущение, будто я куда-то продвигаюсь — не важно, на благо или во зло.

На следующий день по пути к Сандерсону я заглянул на стоянку, где видел «фольксваген». Контора была пуста, а на стене над одним из столов висел любопытный лозунг: «Продавай — ничего не случится, пока кто-то что-нибудь не продаст».

Торговца я нашел снаружи.

— Подготовьте вон тот, — сказал я, указывая на «фольксваген». — В полдень я дам вам за него четыре сотни.

Торговец покачал головой.

— Пять сотен, — возразил он, поправляя табличку на ветровом стекле, словно я и так ее не видел.

— Бросьте, — сказал я. — Вы же знаете правило — ничего не случится, пока кто-то что-нибудь не продаст.

Торговец порядком удивился, однако лозунгу внял.

— Дело сделано, — подвел я итог и повернулся, чтобы уйти. — В полдень я вернусь и заберу его.

Он глазел мне вслед, пока я торопливо выходил на улицу.

Когда я добрался до конторы Сандерсона, Зимбургер уже был там. Одет он был в ярко-синий костюм и красную рубашку без галстука. На первый взгляд он казался восковым манекеном в витрине какого-нибудь допотопного военного магазина. После двадцати лет службы в морской пехоте Зимбургер неловко чувствовал себя в штатском.

— Чертовски мешковато, — объяснил он. — Дешевая работа, и материя ненадежная. — Тут он с энтузиазмом кивнул. — Теперь уже никто ни за чем не приглядывает. Закон джунглей, не иначе.

Сандерсон вышел из бокового кабинета. Одет он был как обычно — под губернатора Паго-Паго. На сей раз на нем был черный шелковый костюм с бабочкой.

Зимбургер же выглядел как оказавшийся вне дежурства тюремный охранник — потеющий толстопузый ветеран, который неведь как и неведь откуда наскреб пачку-другую денег.

— Отлично, — сказал он. — А теперь к делу. Этот парень — писатель? — Он указал на меня.

— Это Пол Кемп, — уточнил Сандерсон. — Вы уже видели его у меня дома.

Зимбургер кивнул.

— Да-да, знаю.

— Мистер Кемп пишет для «Нью-Йорк Таймс», — добавил Сандерсон. — Нам повезло, что мы смогли его к этому делу привлечь.

Зимбургер посмотрел на меня с каким-то новым интересом.

— Что, настоящий писатель? По-моему, от писателей одни заморочки. — Он рассмеялся. — Знавал я в морской пехоте писателей — от них одни заморочки были. Черт, да я и сам там малость пописывал. Мне шесть месяцев давали наставления по боевой подготовке писать. Ну и работенка — в жизни скучнее не бывало.

Сандерсон поудобнее развалился в кресле и закинул ноги на стол.

— Кемп поедет с вами на Вьекес, когда вам будет удобно, — сказал он. — Ему нужно осмотреть место.

— Да, черт возьми! — воскликнул Зимбургер. — Это место порядком его ошарашит — на всех Карибах нет побережья знатнее. — Он повернулся ко мне. — Оттуда можно извлечь настоящий материал. Никто и никогда не писал рассказа о Вьекесе — особенно в «Нью-Йорк Таймс».

— Звучит неплохо, — отозвался я. — Когда вы хотите отправиться?

— Что если завтра? — быстро предложил он.

— Слишком рано, — осадил его Сандерсон. — Кемп прямо сейчас занят кое-какой работенкой для «Ньюс». Почему бы не в этот уикенд?

— Годится, — ответил Зимбургер. — Значит, к четвергу я готовлю самолет. — Он взглянул на часы и встал. — Всё, отбываю, — сказал он. — Проклятье, уже почти полдень, а я еще никаких денег не сделал — даром полдня потратил. — Взглянув на меня, он отдал энергичный салют, а затем с ухмылкой поспешил к двери.

Добравшись в переполненном лифте до улицы, я поймал такси. На автостоянке меня ждал торговец. Я радушно его поприветствовал, заплатил наличными и забрал машину. Она была желтая с черным верхом, хорошими шинами и радиоприемником широкого диапазона.

Был уже почти час, и я не стал останавливаться у Эла на ленч, а поехал напрямик в газету.

Весь день я провел в полицейском участке, беседуя с человеком, который убил свою дочь.

— Почему? — спросил я у него, пока несколько полицейских наблюдали, а Сала щелкал фотоаппаратом.

Он что-то выкрикнул на испанском, и полицейские разъяснили мне, что, на его взгляд, от дочери «не было толку». Она хотела отправиться в Нью-Йорк. Ей было всего тринадцать, но ее отец утверждал, что она занималась проституцией, чтобы заработать на авиабилет.

— Ладно, — сказал я. — Мучас грасиас.

Для заметки у меня уже было достаточно, и полицейские утащили убийцу прочь. Я задумался, сколько он просидит в тюрьме до вынесения приговора. Вероятно, года два-три — учитывая, что он уже признался. «Черт побери, — подумал я, — что толку в приговоре, когда список судебных дел нескончаемый?»

Хотя, подумал я затем, лично для меня это чертовски славно. Весь день меня преследовало чувство, будто полицейские косо на нас поглядывают; впрочем, уверенности не было.

Мы отправились к Элу пообедать. Йемон сидел в патио, и я рассказал ему, как Лоттерман рвал и метал.

— Угу, — буркнул он. — Как раз об этом я по пути к юристу думал. — Он покачал головой. — Черт, я даже туда не пошел. Теперь этот гад Лоттерман взял меня с потрохами — кстати, насчет отмены моего залога он ничего не говорил?

— Он нипочем этого не сделает, — заверил его Сала. — Это выставит его в дурном свете. Если только он не прикинет, что ты собрался свалить.

— А я как раз собрался, — сообщил Йемон. — Мы в Южную Америку уезжаем.

— Вдвоем? — поинтересовался я.

Йемон кивнул.

— Хотя теперь придется немного подождать, — сказал он. — Я рассчитывал на деньги от выходного пособия.

— Ты звонил Сандерсону? — спросил я.

Он покачал головой.

— Позвони ему, — посоветовал я. — У него денег куры не клюют. Я сегодня новую машину купил.

Йемон рассмеялся.

— Будь я проклят! Она здесь?

— Да, черт возьми. — И мы вышли на улицу посмотреть на машину.

Йемон согласился, что вид у нее классный, спортивный.

— Но ведь ты понимаешь, что это значит, — сказал он с ухмылкой. — Ты на крючке. Сначала работа, потом машина — очень скоро ты женишься и славно здесь осядешь. — Он рассмеялся. — Станешь, как старина Роберт, всегда к завтрашнему отъезду готовиться.

— Не беспокойся, — парировал Сала. — Я буду знать, когда уезжать. А ты сначала стань работающим профи, а уж потом валяй учи меня жить.

Мы снова направились в патио.

— Скажи, Роберт, а кто такой «работающий профи»? — поинтересовался Йемон. — Тот, у кого есть работа?

— Тот, кто может найти работу, — ответил Сала. — Потому что знает, что делает.

Йемон немного подумал.

— То есть потому что он знает, что кому-то другому надо сделать?

Сала пожал плечами.

— Да, если тебе так угодно.

— Мне так угодно, — сказал Йемон. — И я вовсе не хотел принижать твои таланты. Но если ты такой замечательный, как говоришь, и если ты ненавидишь Сан-Хуан так, как заявляешь, тебе стоит сложить одно с другим и стать работающим профи в том месте, которое тебе нравится.

— Да не лезь же ты, блин, в чужие дела! — рявкнул Сала. — В том, как ты живешь, я вообще никакой логики не вижу. Разберись для начала с самим собой, и тогда я заплачу тебе за профессиональный совет, ага?

— Бога ради, — вмешался я. — Бросьте вы ерундой заниматься.

— Проехали, — бросил Сала. — Мы и так все в глубокой жопе — не считая того, что я профессионал.

Гуталин принес поднос с гамбургерами.

— Когда ты снимаешься? — спросил я у Йемона.

— Зависит от денег, — ответил он. — Я подумал, нам есть смысл поспрашивать в этот уикенд народ на Сент-Томасе — не сможем ли мы вписаться на один из кораблей к югу. — Он поднял взгляд. — Так едешь ты с нами на карнавал или нет?

— А, черт! — воскликнул я и рассказал Йемону про Зимбургера и Вьекес. — Я мог бы это дело отложить, — добавил я, — но в тот момент, кроме денег и машины, ни о чем думать не мог.

— Не страшно, — отозвался он. — Вьекес на полпути к Сент-Томасу. Оттуда каждый день паром ходит.

Наконец мы договорились, что я встречу там с ними в пятницу. Они вылетали утром и рассчитывали вернуться в воскресенье к вечеру.

— Держись подальше от Сент-Томаса, — посоветовал мне Сала. — Скверные дела приключаются с людьми на том карнавале. Могу тебе кое-какие жуткие истории порассказать.

— Ну и что? — вмешался Йемон. — Там славная выпивка. Тебе тоже стоило бы с нами отправиться.

— Нет уж, спасибо — ответил Сала. — У нас тут уже получилась славная выпивка, помнишь? Без мордобоя я вполне обойдусь.

Мы закончили с едой и заказали еще выпить. Йемон стал рассказывать про Южную Америку, и я почувствовал, как где-то у меня внутри вспыхнуло ненужное возбуждение. Даже Сала вдохновился.

— Черт, хотелось бы мне туда отправиться, — то и дело повторял он. — Почему бы мне туда не отправиться? Черт возьми, да я где угодно смогу выжить.

Я говорил мало и в основном слушал, помня свои чувства этим утром. А кроме того, у меня была машина на улице, квартира в Кондадо и золотой краник от Зимбургера. Я все время об этом думал. Машина и квартира особенно меня не раздражали, но от того факта, что я работаю на Зимбургера, по спине бегали мурашки. Рассказы Йемона только всё бередили. Они с Шено отправлялись в Южную Америку, а я отправлялся к Зимбургеру. От таких мыслей у меня возникло странное чувство, и оставшуюся часть вечера я почти ничего не говорил, а только сидел и пил, пытаюсь распознать, становлюсь я старше и мудрее или просто старше.

Больше всего меня доставало то, что на самом деле я не хотел отправляться в Южную Америку. Я вообще не хотел никуда отправляться. И все же, стоило Йемону заговорить об отъезде, я все равно почувствовал возбуждение. Я уже видел, как слезаю с корабля на Мартинике и шляюсь по городу в поисках дешевого отеля. Я представлял себя в Каракасе, Боготе и Рио — как я заправляю миром, которого никогда не видел, но с которым способен совладать, потому что я чемпион.

Впрочем, это была чистой воды мастурбация, ибо в глубине души мне не хотелось ничего, кроме чистой постели, светлой комнаты и чего-то устойчивого, что можно называть своим хотя бы до тех пор, пока я сам от этого не устану. У меня росло жуткое подозрение, что я наконец перевалил через гребень, и самым худшим во всем этом деле было то, что я не чувствовал совсем никакой трагедии, а лишь усталость и что-то вроде комфортной обособленности.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На следующее утро я на полной скорости помчался в Фахардо. Я нацеливался на одну операцию с недвижимостью, но дело приняло скверный оборот, и мне пришлось его бросить. На обратном пути я остановился у придорожного киоска и купил ананас. По моей просьбе продавец разрезал его на маленькие кусочки, и я ел их, пробиваясь вперед в плотном потоке машин. Спокойно крутя баранку одной рукой, я для разнообразия наслаждался роскошью полного контроля над собственным передвижением. На следующий уикенд, решил я, непременно поеду в Понсе, на южное побережье.

Когда я тормознул у редакции, Моберг как раз выбирался из своей машины.

— Надеюсь, ты вооружен, — сказал я. — А то при твоём появлении у папаши Лоттермана совсем крышу снесет.

Моберг рассмеялся.

— Мы пришли к компромиссу. Он заставил меня подписать бумажку, где говорится, что я отдам ему машину, если из вас троих кто-то свалит.

— Черт побери, — вырвалось у меня. — Йемон уже говорит об отъезде.

Он снова рассмеялся.

— А меня не колышет. Хрен с ним, с Йемоном. Я все что угодно подпишу. Подумаешь, большое дело.

— Эх, Моберг, — сказал я, — псих ты ненормальный.

— Ага, — согласился он. — Ненормальней некуда.

Лоттерман весь день не показывался. Сала заявил, что он кружит по банкам, пытаюсь получить ссуду и продолжить выпуск газеты. Это был всего лишь слух, но все в редакции говорили так, словно конец уже наступил.

Около трех позвонил Йемон и сообщил, что побывал у Сандерсона.

— Попросил меня несколько дерьмовых статей сбавать, — сказал он. — И пообещал, что даст баксов по тридцать за каждую. Вперед он, впрочем, ничего не дал.

— Уже неплохо, — отозвался я. — Поработай с ним хорошенько и потребуй чего-нибудь покрупнее — денег у него больше, чем у Господа Бога.

— Угу, — пробормотал Йемон. — Пожалуй. Мне бы получить одну штуковину сотен на пять — тогда бы точно хватило, чтобы отчалить.

Примерно через час позвонил Сандерсон.

— Сможешь к семи утра в четверг подъехать в аэропорт? — спросил он.

— О Господи, — выдохнул я. — Наверное.

— Придется подъехать, — сказал он. — Рассчитывай, что будешь занят почти весь день. Зимбургер хочет вернуться дотемна.

— Я не вернусь, — сказал я. — Поеду на Сент-Томас — на карнавал.

Сандерсон рассмеялся.

— Я должен был догадаться, что тебя что-то подобное привлечет. На твоём месте я бы держался подальше от города. Местная публика совсем звереет. Лучшие вечеринки проходят на кораблях — на всех яхтах там тоже свой карнавал.

— Я никаких планов не строю, — ответил я. — Просто отправлюсь туда и окунусь в славное расслабляющее пьянство.

После работы я заехал к Сале и забрал свою одежду, а потом отправился на новую квартиру. Разговаривать с хозяйкой настроения не было, так что оставалось только положить кое-какие вещи в шкаф и поставить немного пива в холодильник. Все остальное было уже в наличии: простыни, полотенца, кухонные принадлежности — всё, кроме еды.

Теперь это был мой дом, и он мне нравился. Я хорошенько поспал, затем доехал до небольшого кольямадо и купил немного яиц и бекона на завтрак.

На следующее утро я уже готовил бекон, когда вдруг вспомнил, что забыл купить кофе. Тогда я поехал к отелю «Кондадо-Бич» и позавтракал там. Купив номер «Таймс», я поел в одиночестве за небольшим столиком на лужайке. Заведение отличалось дороговизной, и шансы встретить там кого-то из редакции были ничтожны. Те из газетчиков, которые не заявлялись к Элу, обычно торчали в ресторане «Прибой», многолюдном заведении прямо на пляже у самой окраины городка.

Весь день я провел на берегу, пытаюсь выяснить, закроется в связи с забастовкой газета или нет. Перед тем как отбыть, я сказал Шварцу, что весь следующий день меня не будет; якобы я чувствовал, что заболеваю.

— О Господи, — пробормотал Шварц. — Вы, парни, совсем как крысы на тонущем корабле. Сала весь день занимался в темной комнате своей халтурой, а Вакдервица я застукал, когда он по международной в Вашингтон звонил. — Он покачал головой. — Ни в коем случае нельзя устраивать панику; почему бы вам, парни, не успокоиться?

— Я спокоен как индейский вождь, — отозвался я. — Просто мне нужен день, чтобы поправить делишки.

— Ладно, — устало выговорил Шварц. — В конце концов, это не мое дело. Поступайте как знаете.

Я подъехал к Элу и в одиночестве пообедал, а затем отправился домой и написал статью, которую Сандерсон хотел послать в «Таймс». Работа была несложная, и я в основном использовал тот материал, который он мне подбросил, — летнее снижение цен, больше молодых людей в отпусках, различные отдаленные места, которые неплохо бы навестить. Статья отняла у меня около двух часов, и когда я закончил, то решил сразу же отвезти ее к Сандерсону и немного выпить, прежде чем лечь в постель. На следующее утро мне требовалось встать в шесть, но было еще слишком рано, и спать мне не хотелось.

Когда я прибыл к Сандерсону, там никого не оказалось, так что я забрел на кухню и сделал себе выпивку, а потом вышел на веранду и уселся в одно из кресел. Включив вентилятор, я положил на фонограф пластинку с популярными мелодиями.

Я решил, что, когда обзаведусь деньгами, непременно подыщу себе подобное местечко. Квартира, которую я снял только что, была хороша лишь для начала. Там не было ни веранды, ни сада, ни пляжа, а я не видел причины, почему бы мне все это не заиметь.

Сандерсон прибыл, когда я провел там уже добрый час. С ним был мужчина, который заявил, что он брат знаменитого трубача. Мы сделали свежую выпивку, а затем Сандерсон прочел мою статью и нашел ее превосходной.

— Надеюсь, прямо сейчас тебе деньги не нужны, — сказал он. — Может уйти неделя или около того. — Он развел руками. — Да много и так не выйдет — скажем, долларов пятьдесят.

— Годится, — отозвался я, поудобнее устраиваясь в кресле.

— Посмотрю, чем бы еще тебя занять, — продолжил Сандерсон. — Прямо сейчас мы перегружены. Загляни, когда вернешься с Сент-Томаса.

— Славная работенка, — сказал я. — А то в газете дело совсем табак. Возможно, очень скоро

придется от этого материала зависеть.

Сандерсон кивнул.

— Табак — это точно. Впрочем, насколько все плохо, выяснишь в понедельник.

— А что должно случиться в понедельник? — поинтересовался я.

— Пока не могу сказать, — ответил Сандерсон и тут же улыбнулся. — Впрочем, даже если б ты об этом знал, ничего бы не изменилось. Не бери в голову — с голодухи ты не умрешь.

Брат знаменитого брата по имени Тед молча пиялился на берег. Затем он повернулся к Сандерсону и скучающим голосом спросил:

— Как там насчет понырять?

— Не очень, — ответил Сандерсон. — Чертовски много уже выловили.

Мы немного поговорили о погружении с аквалангом. Сандерсон авторитетно рассказывал про кессонную болезнь и погружение на рифе Паланкар. Тед два года прожил на юге Франции и однажды работал с Жаком Кусто.

Вскоре после полуночи я понял, что начинаю напиваться, и встал.

— Все, пойду, — сказал я. — У меня на рассвете встреча с Зимбургером — лучше немного поспать.

На следующее утро я встал поздновато. Времени на завтрак уже не оставалось, так что я торопливо оделся и схватил апельсин, который проглотил по дороге в аэропорт. Зимбургер в компании двух мужчин ждал у небольшого ангара в конце взлетно-посадочной полосы. Увидев, как я выбираюсь из машины, он кивнул. Я поспешил к ним присоединиться.

— Это Кемп, — представил меня Зимбургер своим спутникам. — Он наш писатель — между прочим, в «Нью-Йорк Таймс» работает. — Ухмыляясь, он наблюдал, как мыжимаем друг другу руки.

Один из мужчин оказался ресторатором, а другой архитектором. Предполагалось вернуться в конце дня, как сказал мне Зимбургер, потому что мистеру Роббису, ресторатору, нужно было отправиться на вечеринку с коктейлями.

Мы полетели в небольшом «апаچه», пилот которого походил на беглеца из «Летучих тигров».

Он всю дорогу молчал как рыба и словно бы не осознавал нашего присутствия. После невыразительного тридцатиминутного полета над облаками мы наконец устремились носом вниз к Вьекесу и с шумом пронеслись по небольшому коровьему выгону, который служил там аэропортом. Уверенный в том, что самолетик вот-вот треснет по швам, я ухватился за сиденье, но после нескольких бешеных скачков мы благополучно остановились.

Затем мы выбрались наружу, и Зимбургер представил нас дюжему мужчине по имени Мартин, который напоминал профессионального охотника на акул. На нем была аккуратно выглаженная униформа цвета хаки и мотоциклетные очки, а волосы его почти до белизны выгорели на солнце.

Общий план заключался в том, чтобы взять в баре у Мартина немного пива и сандвичей, а затем отправиться на другую сторону острова, чтобы взглянуть на земельный участок. Мартин отвез нас в городок на своем микроавтобусе марки «фольксваген», однако аборигены, которые должны были приготовить нам сандвичи, куда-то испарились. Мартину пришлось делать сандвичи самому; оставив нас в пустом баре, он в ярости отправился на кухню.

Все дело заняло около часа. У Зимбургера завязался серьезный разговор с ресторатором, так что я решил выйти на улицу и поискать кофе. Архитектор сказал, что знает неподалеку аптеку-закусочную.

Он пил непрерывно аж с пяти утра, когда Зимбургер неожиданно вытащил его из постели. Фамилия архитектора была Лазард, и тон его был неизменно горестным.

— Этот Зимбургер просто чокнутый, — признался он мне. — Из-за него я уже шесть месяцев волчком кручусь.

— И хрен с ним, — заметил я. — Пока он платит.

Лазард как-то странно на меня посмотрел.

— А вы первый раз с ним работаете?

— Угу, — отозвался я. — А что? Он не платит?

Вид у архитектора был явно недовольный.

— Не уверен. С ним хорошо выпить на халяву и все такое, но порой меня терзают сомнения.

Я пожал плечами.

— Ну, мне платит «Аделанте». Так что с Зимбургером мне дела иметь не надо — и это, наверное, к лучшему.

Лазард кивнул, и мы вошли в закусочную. Рекламная полоска кока-колы на стене представляла собой меню. Еще там были красные ледериновые табуреты, прилавок с верхом из «формайки» и массивные бурые кружки для кофе. Женщина за прилавком была белой, но с какой-то примесью и тяжелым южным акцентом.

— Валийте, заходите, — бросила она, — Чего вам, кореша?

«Мать Божья, — подумал я, — „кореша“. В какой это городок мы попали?»

Лазард купил за двадцать центов номер «Ньюс» и тут же увидел на первой странице мою колонку.

— А я думал, вы в «Нью-Йорк Таймс» работаете, — сказал он, указывая на мою фамилию под статьей о забастовке на берегу.

— Просто им помогаю, — объяснил я. — Сейчас у них очень туго с персоналом — вот они и попросили меня посодетствовать, пока не наберут побольше народу.

Лазард кивнул и улыбнулся.

— Это жизнь, приятель, вы же понимаете. Что у вас там, разъездная работа?

— Более или менее, — уклонился я от ответа.

— Отличная сделка, — заметил архитектор. — Иди куда хочешь... постоянное жалование... никаких забот...

— Черт возьми, — перебил я его, — вы тоже неплохо устроились! — Я улыбнулся. — Вот сидим мы на этом богом забытом острове как два мудака, и нам за это платят.

— Мне не платят, — возразил Лазард. — Да, я получаю на расходы, но если вся эта ерундовина не выгорит, это отбросит меня на два года назад. — Он с серьезным видом кивнул. — Я не настолько признан и не могу позволить себе связать свое имя с любой халтурой — даже если там не моя вина. — Он допил кофе и поставил кружку на прилавок. — Вот вы тут вне подозрений, — сказал он. — Все, что от вас требуется, это писать рассказ. А я на каждом задании либо тону, либо выплываю.

Я испытал жалость к Лазарду. Ему явно не нравился запах того, во что он вляпался, но он не мог позволить себе слишком уж осторожничать. Он был немногим старше меня, и подобное дельце могло стать для него славным прорывом — если оно выгорало. Если же оно не выгорало, то становилось скверным прорывом; впрочем, даже тогда ему было бы не хуже, чем на протяжении последних пяти лет бывало мне. Меня так и подмывало ему об этом сказать, но я знал, что от этого ему лучше не станет. Тогда он тоже начал бы испытывать ко мне жалость, а я в этом не нуждался.

— Ну да, — сказал я. — Каждому хочется натаскать из огня побольше каштанов.

— Верно, — отозвался Лазард вставая. — Именно поэтому я вам и завидую — у вас все колесики крутятся.

Я начинал ему верить. Чем больше он говорил, тем лучше я себя чувствовал. На обратном пути к бару Мартина я оглядел городок. Он был абсолютно безлюден. Широкие улицы, низкие здания; большинство были построены из бетонных блоков и раскрашены в пастельные тона, но все они казались одинаково пустыми.

Мы завернули за угол и пустились вниз по холму к береговой линии. По обе стороны улицы торчали чахлые пальмы, а у подножия холма в бухту выпирал длинный пирс. У самого его конца виднелись четыре рыболовецких судна — они покачивались на прибое, накатывавшем от пролива Вьекес.

Бар назывался «Царь-рыба». У него была жестяная крыша и бамбуковая ограда у входа. Микроавтобус марки «фольксваген» был припаркован у двери. Внутри Зимбургер с Роббисом по-прежнему энергично переговаривались. Мартин паковал пиво и сэндвичи в сумку-холодильник.

Я спросил его, почему городок кажется таким безлюдным.

— В этом месяце — никаких маневров, — ответил он. — Посмотрели бы вы на этот остров, когда здесь пять тысяч морских пехотинцев высаживаются, — просто сумасшедший дом.

Я покачал головой, вспоминая рассказ Сандерсона о том, что две трети острова представляют собой полигон морской пехоты. Странное местечко для постройки роскошных апартаментов — если только строители не собирались заполнить эти апартаменты отставниками из морских пехотинцев в качестве пушечного мяса.

Уже перевалило за десять, когда мы наконец отправились на другую сторону острова. Он был всего четыре мили в ширину, и у нас вышла превосходная поездка по узким дорогам, очерченным раскидистыми деревьями, мимо возвышенных полей сахарного тростника. В конце концов мы одолели подъем и оглядели чуть ли не все Карибы. В ту самую секунду, когда я окинул взглядом роскошную панораму, я понял, что это именно то место, которое я искал. Мы миновали еще одно поле сахарного тростника, а затем небольшую пальмовую рощицу. Мартин остановил микроавтобус, и мы вышли посмотреть на взморье.

Первым моим желанием было немедленно воткнуть в песок шест и сделать заявку на этот участок. Отрезанный от остального мира кольцом крутых холмов, что располагались лицом к морю, пляж был белым как соль. Мы стояли на самом краю просторной бухты, прозрачная вода которой была кристально бирюзового цвета, какой получается, если песок на дне белый. Никогда мне не доводилось видеть такой красоты. Хотелось сорвать с себя всю одежду и больше никогда ее не надевать.

Тут я услышал голос Зимбургера — гнусную трескотню, вернувшую меня к реальности. Я вспомнил, что явился сюда не наслаждаться этим местом, а написать нечто такое, что позволит выгоднее его продать, Зимбургер подозвал меня и ткнул пальцем в холм, где он планировал поставить отель.

Затем он указал на другие холмы, где предполагалось строить дома. И так почти час — мы гуляли взад-вперед по берегу, глазели на болота, что должны были расцвести торговыми центрами, на одинокие зеленые холмы, которые очень скоро предполагалось исчертить канализационными трубами, чистейший белый берег, где уже были размечены пляжные участки. Я делал заметки, пока не почувствовал, что с меня хватит, а тогда вернулся к автобусу, где Мартин неспешно потягивал пиво.

— Прогресс идет полным ходом, — пробормотал я, засовывая руку в сумку.

Мартин улыбнулся.

— Ага, местечко здесь будет что надо.

Я открыл бутылку пива и быстро ее опорожнил, после чего потянулся за следующей. Мы немного поговорили, и Мартин рассказал, что впервые попал на Вьекес в качестве морского пехотинца. Славное местечко узнать нетрудно, сказал он, так что чем служить все двадцать лет, он уволился после десяти и вернулся на Вьекес, чтобы обустроить здесь бар. Теперь, кроме «Царь-рыбы», он владел еще и прачечной, пятью домами в Изабель-Сегунда, концессией на единственную газету и в настоящее время налаживал агентство по прокату машин, чтобы обслужить ожидающийся поток туристов. Помимо всего прочего он был и «главным надзирателем» за собственностью Зимбургера, что ставило его в весьма выгодное положение. Сказав об этом, Мартин улыбнулся и потянул еще пива.

— Можно сказать, это местечко подвернулось мне очень кстати. Остаюсь я в Штатах, стал бы еще одним бывшим дубинноголовым.

— А вы откуда? — спросил я.

— Из Норфолка, — ответил он. — Но по дому я не слишком скупаю. Последние шесть месяцев дальше Сан-Хуана я нигде не бывал. — Он помолчал, оглядывая маленький зеленый остров, который оказался к нему так добр. — Да, вырос я в Норфолке, но почти его не помню — слишком давно все было.

Мы выпили еще пива, и тут Зимбургер, Роббис и Лазард вернулись с пляжа. Лазард весь вспотел, а Роббис явно очень торопился.

Зимбургер дружески похлопал меня по плечу.

— Ну что, — произнес он с ухмылкой, — готов ты писать статью? Разве я не говорил тебе, что это место — настоящая роскошь?

— Конечно, — отозвался я. — Все, что нужно, у меня уже есть.

Изображая разочарование, Зимбургер покачал головой.

— Эх вы, писатели. Ни для чего у вас доброго слова не найдется. — Он нервно рассмеялся. — Писаки чертовы — никогда не расскажут, что делают.

Всю обратную дорогу в городок Зимбургер распространялся о своих планах относительно Вьекеса. В конце концов Мартин вмешался и сказал, что всех нас ждет ленч в его клубе и что он непременно пошлет парней за свежими омарами.

— Ты хотел сказать — за лангустами, — поправил Зимбургер.

Мартин пожал плечами.

— Черт возьми, всякий раз, как я буду так говорить, придется пускаться в длинные объяснения

— поэтому я просто зову их омарами.

— Это карибский омар, — объяснил Зимбургер Роббису. — Крупней и лучше любого другого вида, и клешней у него нет. — Он ухмыльнулся. — Старина Господь Бог наверняка был в неплохом настроении, когда это место делал.

Роббис выглянул в окно, затем повернулся и заговорил с Мартином.

— Ленч как-нибудь в другой раз, — холодно произнес он. — У меня дело в Сан-Хуане, уже поздно.

— Будь я проклят, — вмешался Зимбургер. — У нас куча времени, чтобы убить. Еще только час.

— Не имею привычки убивать время, — сказал Роббис, снова отворачиваясь к окну.

По его тону я заключил, что там, на берегу, что-то пошло не так. Из утреннего разговора я понял, что Роббис представляет целую сеть ресторанов, название которой мне полагалось знать. Очевидно, Зимбургер рассчитывал на прибавление к этой сети филиала на Вьекесе.

Уголкем глаза я взглянул на Лазарда. Похоже, он пребывал в еще худшем настроении, нежели Роббис. Это доставило мне определенное удовольствие, которое стало граничить с эйфорией, когда Зимбургер мрачным тоном объявил, что мы немедленно полетим назад в Сан-Хуан.

— Пожалуй, я останусь здесь на ночь, — сказал я. — Завтра я должен быть на Сент-Томасе. Хочу попасть на тот карнавал. — Я взглянул на Мартина. — Когда отходит паром?

Мы уже въезжали в городок, и Мартин быстро переключился на вторую передачу, одолевая крутой подъем.

— Паром был вчера, — отозвался он. — Но у нас тут ходит катер. Черт возьми, я сам могу вас отвезти.

— Вот и славно, — порадовался я. — Мне нет смысла возвращаться в Сан-Хуан. Можете высаживать меня у отеля.

— Не так сразу, — с ухмылкой произнес Мартин. — Сначала покушаем. Нельзя же, чтобы все эти... гм... лангусты даром пропали.

Мы отвезли Зимбургера, Роббиса и Лазарда в аэропорт, где пилот мирно дремал в тени самолета. Зимбургер тут же на него наорал, и он медленно встал, по-прежнему со скучающей физиономией. Похоже, этому человеку было абсолютно на всё плевать. Мне вдруг захотелось пихнуть локтем Лазарда и сказать ему, что мы оба упустили свою возможность.

Однако Лазард явно погрузился в тяжкие раздумья, и я лишь кратко с ним попрощался. Он кивнул и залез в самолет. Роббис забрался следом, а затем и Зимбургер, который сел рядом с каменноликим пилотом. Все они смотрели прямо перед собой, пока самолет тащился по взлетно-посадочной полосе и скользил по-над деревьями в направлении Пуэрто-Рико.

Следующие несколько часов я провел в баре у Мартина. Вместе с нами за ленчем сидел его друг — еще один бывший морской пехотинец, который владел баром на холме в стороне от города.

— Пейте, — без конца приговаривал Мартин. — Все за счет заведения. — Тут он зловредно улыбался. — Или следует сказать — за счет мистера Зимбургера? Ведь вы его гость, не так ли?

— Так, — соглашался я и принимал на грудь еще порцию рома.

Наконец мы взялись за омара. Я сразу понял, что этот омар оттаивал еще с утра, но Мартин гордо заявил, что парни только-только его изловили. Тогда мне явилась картина того, как Мартин заказывает своих омаров в штате Мэн, дальше отрывает им клешни и запикивает ракообразных в морозилку, где они лежат, пока он не скормит их гостям Зимбургера, после чего аккуратно внесет их в расходный лист. Один журналист — сорок долларов, включая трудовые затраты на увеселение.

После того как я съел двух «лангустов», пропустил несчетное количество бокалов и до предела устал от болтовни, я встал, собираясь уйти.

— В какую сторону отель? — спросил я, нагибаясь за своим кожаным саквояжем.

— Идемте, — сказал Мартин, направляясь к двери. — Я подброшу вас до «Кармен».

Я последовал за ним до микроавтобуса. Мы проехали примерно три квартала вверх по склону холма до низенького розового здания с вывеской «Отель Кармен». Заведение пустовало, и Мартин велел хозяйке предоставить мне лучший номер; это тоже за его счет.

Прежде чем уйти, он сказал, что завтра утром отвезет меня на Сент-Томас на катере.

— Придется сняться около десяти, — добавил он. — Мне там в полдень надо с одним приятелем встретиться.

Я знал, что он лжет, но это не имело никакого значения. Мартин был как тот автомеханик, который только-только обнаружил страховую компанию, или как тот простофиля, что спятил на первом же подсчете расходов. Мне показалось, что недалек тот день, когда они с Зимбургером друг друга разоблачат.

Лучший номер в «Кармен» стоил три доллара и имел балкон с видом на городок и бухту. Я напился и наелся до отвала, а посему, едва войдя в комнату, немедленно бросился на кровать и заснул.

Через пару часов меня разбудил стук в дверь.

— Сеньор, — послышался голос. — Вы обедаете с сеньором Царь-рыбой, нет?

— Я не голоден, — сказал я. — Я только-только ленч съел.

— Си, — отозвался голос, и я услышал быстрые шаги вниз по лестнице. Было еще светло, и я никак не мог снова заснуть, так что вышел из номера в надежде раздобыть бутылку рома и немного льда. В одном здании с отелем располагалось что-то вроде продуктового склада, полного алкоголя. Ухмыляющийся пуэрториканец продал мне бутылку рома за доллар и упаковку льда за два доллара. Я заплатил и поднялся обратно в номер.

Смешав себе выпивку, я вышел посидеть на балконе. Городок по-прежнему казался заброшенным. Далеко на горизонте виднелся соседний остров Кулебра, и откуда-то с той стороны доносились гулкие раскаты взрывов. Я вспомнил слова Сандерсона о том, что Кулебра — полигон для бомбометания флота Соединенных Штатов. В свое время это было волшебное местечко — но не теперь.

Я уже минут двадцать просидел на балконе, когда внизу по улице прошел негр с маленькой серой лошадкой. Цокот копыт разносился по городку будто пистолетные выстрелы. Я наблюдал, как парочка гремит себе дальше по улице и исчезает за гребнем небольшого холма. Цокот доносился еще долгое время после того, как они скрылись из вида.

Затем я услышал другой звук — приглушенный ритм шумового оркестра. Уже темнело, и я не мог понять, с какой стороны доносится музыка. Звук был негромкий, притягательный, и я сидел полупьяный на балконе и слушал его, чувствуя себя в ладу с миром и с самим собой, пока холмы у меня за спиной переливались алым и золотым в последних, косых лучах солнца.

Затем наступила ночь. В городке зажглись немногие огни. Музыка доносилась с длинными перерывами, словно между припевами кто-то что-то объяснял музыкантам, а затем они начинали снова. Внизу на улице раздавались голоса, и время от времени я слышал цокот копыт еще одной лошади. Изабель-Сегунда казался активнее ночью, нежели на протяжении долгого, жаркого дня.

Пребывание в таком городке заставляет человека чувствовать себя Хамфри Богартом: ты прибываешь на прыгучем самолете и неведь почему получаешь отдельный номер с балконом, выходящим на городок и бухту; дальше ты сидишь там и пьешь, пока что-нибудь не случается. Я чувствовал чудовищную дистанцию между собой и всем, что реально. Вот он я на острове Вьекес, местечке столь ничтожном, что я даже не подозревал о его существовании, пока мне не сказали сюда явиться, — сижу, доставленный сюда одним психом, и ожидаю, чтобы другой псих меня отсюда увез.

Был самый конец апреля. Я знал, что в Нью-Йорке сейчас теплеет, что в Лондоне влажно, что в Риме жарко, — а я торчал на Вьекесе, где всегда было жарко и где Нью-Йорк, Лондон и Рим оставались всего лишь названиями на карте.

Тут я подумал про морских пехотинцев — «в этом месяце — никаких маневров» — и вспомнил, зачем я здесь. Зимбургеру нужна брошюра... ориентирована на инвесторов... твоя задача — продать это место... не опоздай, иначе он...

Мне платили двадцать пять долларов в день за то, чтобы я разрушил то самое место, где я впервые за десять лет почувствовал себя дома. Платили за то, чтобы я, так сказать, нагадил в собственную постель. И я оказался здесь только потому, что напился, был арестован и таким образом сделался пешкой в какой-то ответственной дребедени по спасению престижа.

Я долго сидел на балконе и думал про множество всякой всячины. И прежде всего в эту всячину затесалось подозрение, что мои странные и неуправляемые инстинкты могут со мной сотворить, прежде чем я получу шанс стать богатым. Независимо от того, как мне хотелось всех тех вещей, на покупку которых требовались деньги, какой-то дьявольский поток нес меня в противоположном направлении — к анархии, бедности и безумию. Таким образом рассеивалась дурманящая иллюзия, что человек может прожить достойную жизнь, не сдавая себя в наем в качестве Иуды.

Наконец я окончательно напился и отправился в постель. Утром Мартин меня разбудил, и мы

позавтракали в аптеке-закусочной, прежде чем отбыть к Сент-Томасу. Денек был яркий и голубой — переправа получилась знатная. К тому времени, как мы вошли в бухту Шарлотты-Амалии, я забыл и про Вьекес, и про Зимбургера, и про все остальное.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мы все еще были в открытых водах, когда я услышал шум. Остров нависал над нами как огромный травянистый холм посреди океана и оттуда доносился мелодичный перестук стальных барабанов, непрерывный рев моторов и множество выкриков. Шум сделался громче, когда мы вошли в бухту, и между нами и городком оставалось еще полмили голубой воды, когда я услышал первый взрыв. Затем еще несколько — один за другим, быстро-быстро. Я слышал крики людей, вой труб и постоянный ритм барабанов. В бухте стояло тридцать-сорок яхт; аккуратно проведя между ними катер, Мартин нашел свободное место у пирса. Я схватил саквояж и выпрыгнул на твердую землю, крикнув Мартину, что тороплюсь кое с кем встретиться. Он кивнул и сказал, что тоже спешит; ему якобы требовалось подойти к Сент-Джону и повидаться с одним человеком по поводу катера.

Я был рад от него отделаться. Такие люди, как Мартин, могут отправиться в Нью-Йорк и быть там «обаяшками», но здесь, в своем собственном мире, он был всего лишь дешевым функционером, причем далеко не самым ярким.

Пока я шел к центру городка, шум постепенно делался оглушительным. Улица буквально содрогалась от рева моторов, и я пробивался вперед, желая увидеть, что все это значит. Когда я добрался до угла, толпа стала такой плотной, что я еле-еле сквозь нее проталкивался. Дальше прямо по центру улицы располагался бар в три с лишним квартала длиной — ряд деревянных киосков, полных рома и виски. В каждом из них лихорадочно трудились несколько барменов, обеспечивая толпу выпивкой. Я остановился у одного из киосков, где висела табличка «Ром — 25 центов». Ром разливали в бумажные стаканчики — кусок льда и отчаянная доза алкоголя в каждом.

Пройдя дальше по улице, я оказался в средоточии толпы. Я продолжал протискиваться, пока не очутился на открытом месте, окруженном тысячами людей. Оказалось, там проходили гонки картов — маленькие моторчики были водружены на деревянные шасси, а управляли нелепыми машинками пьяницы с дикими глазами, которые, бешено вереща, скользили по трассе, проложенной, как мне показалось, по главной площади городка.

Вблизи шум был просто невыносим. Люди толкали меня из стороны в сторону, выпивка лилась на рубашку, но тут я ничего поделать не мог. Толпа в основном состояла из негров, но то и дело попадались потные белые физиономии американских туристов. Почти все они были в карнавальных шляпах.

По ту сторону площади располагалось большое здание с балконом, откуда отлично видна была гонка. Я решил туда пойти. Хотя здание было всего в сотне ярдов, мне потребовалось тридцать минут, чтобы пробиться к нему сквозь толпу, — к тому времени, как я сел на балконе, я совсем выдохся и вымок от пота.

Бумажный стаканчик выбили у меня из рук где-то внизу, так что я зашел в бар. За пятьдесят центов я получил порцию изрядно разбавленного рома, зато он был в бокале, с нормальными кубиками льда, и я приобрел уверенность, что смогу спокойно его выпить. Так я оказался в «Гранд-Отеле», древнем сероватом строении с белыми колоннами, вентиляторами под потолками и балконом по всему фасаду.

Я понятия не имел, как мне найти Йемона. Мы договорились встретиться в полдень у полицейского участка, однако я уже опоздал на час с лишним, а полицейский участок был закрыт. По идее я мог увидеть его с балкона, и посему решил оставаться здесь, пока его не засеку, а уж тогда попытаться как-то привлечь его внимание. Тем временем я мог пить, отдыхать и размышлять над смыслом этого столпотворения.

Гонки картов уже закончились, и толпа обратилась за увеселением к оркестру. Появился еще оркестр, а затем еще и еще в разных углах площади — за каждым тянулась цепочка танцоров. Четыре шумовых оркестра, играющие один и тот же дикий мотив, сошлись в центре площади. Гам стоял просто невероятный — люди пели, топали и вопили. Я видел тщетно пытавшихся выбраться оттуда тури-

стов — толпа несла их с собой. Соединившись, оркестры направились по главной улице. Позади них шла толпа по тридцать человек в ряд. Толпа эта перегораживала мостовую и оба тротуара, пока все, кто туда попал, распевали, ритмично дергались и продвигались вперед.

Я уже довольно долго сидел на балконе, когда у перил передо мной встал какой-то мужчина. Я кивнул в знак приветствия, и он улыбнулся.

— Моя фамилия Форд, — представился мужчина, подавая мне руку. — Я здесь живу. А вы на карнавал приехали?

— Надо полагать, — отозвался я.

Мужчина снова глянул за перила и покачал головой.

— Отчаянная заваруха, — с серьезным видом заметил он. — Будьте осторожны — здесь никогда не знаешь, что может случиться.

Я кивнул.

— А вы мне случайно про другие отели не скажете? А то бармен говорит, этот уже битком.

Форд рассмеялся.

— Не-а, не выйдет. Ни одной пустой комнаты на острове.

— Вот черт, — подсадовал я.

— Зачем так беспокоиться? — сказал он. — Спите на пляже. Многие так поступают — там куда лучше большинства отелей.

— А где? — спросил я. — Разве рядом с городом есть пляжи?

— Конечно, — ответил Форд. — Но все они будут переполнены. Вам лучше расположиться на Линдберг-Бич, у аэропорта. Там чудесно.

Я пожал плечами.

— Что ж, придется так и сделать.

Он рассмеялся.

— Удачи. — Тут Форд сунул руку в карман рубашки. — Если будет время, заходите пообедать. На самом деле, совсем не дорого. — Он снова рассмеялся и помахал на прощание. Я посмотрел на карточку; это оказалась реклама отеля под названием «Замок пирата» — Оуэн Форд, собственник.

— Спасибо, — пробормотал я, швыряя карточку за перила. Меня так и подмывало отправиться в «Замок пирата» и на славу там подкрепиться, а потом вручить хозяину карточку, где будет написано: «Всемирный конгресс журналистов-неплательщиков — Пол Кемп, собственник».

Кто-то похлопал меня по плечу. Это оказался Йемон — с дикими глазами и двумя бутылками рома в руках.

— Я так и думал, что ты тут будешь, — сказал он с ухмылкой. — Мы весь день проверяли полицейский участок — а потом я понял, что любой профессиональный журналист станет искать самую высокую и безопасную точку в городе. — Он плюхнулся в плетеное кресло, — Ну, что в этом «Гранд-Отеле» хорошего, кроме балкона?

Я развел руками.

— Тут мило, но особенно не устраивайся. Все места проданы — как и в остальных отелях. — Тут я огляделся. — А где Шено?

— Я оставил ее внизу, в сувенирном магазине, — ответил Йемон. — Она скоро поднимется. Здесь лед можно найти?

— Наверное, — отозвался я. — Я тут уже пропустил бокал.

— Боже упаси, — сказал Йемон. — Не бери здесь ром. Я нашел место, где он идет по семьдесят пять центов за галлон. На самом деле все, что нам нужно, это лед.

— Отлично, — сказал я. — Иди попроси.

Только он собрался в бар, появилась Шено.

— Сюда, — позвал он, и она подошла к перилам. Йемон ушел в бар, а Шено уселась.

Откинувшись на спинку кресла, она застонала.

— О Господи! — воскликнула она. — Мы весь день танцевали. Я чуть не умерла.

Шено была просто счастлива. И выглядела прелестней, чем когда-либо раньше. На ней были сандалии, юбка и белая блузка без рукавов, однако перемена заключалась в лице — цветущем, румянном и влажном от пота. Распущенные волосы свободно лежали на ее плечах и спине, а глаза блестели от возбуждения. Сейчас в Шено было что-то особенно сексуальное. Ее маленькое ладное тело, все

еще со вкусом завернутое в шотландку и белый шелк, казалось, вот-вот взорвется энергией.

Йемон вернулся с тремя бокалами льда, проклиная бармена, который запросил с него по тридцать центов за каждый. Затем он поставил их на пол и наполнил ромом.

— Вот ублюдки, — пробормотал он. — Они на этом льду целое состояние сколотят — смотрите, как эта дрянь тает.

Шено рассмеялась и шутливо пнула его под зад.

— Брось ты эти дурацкие жалобы, — сказала она. — Все веселье испортишь.

— Отстань, — отозвался он.

Шено улыбнулась и потянула еще рома.

— Если отпустишь себя с поводка, тебе понравится.

Йемон закончил разливать выпивку и встал.

— Кончай кормить меня этой бредятиной, — проворчал он. — Мне не нужна толпа, чтобы развлекаться.

Шено, казалось, его не слышала.

— Совсем скверно, — сказала она. — Фриц не может развлекаться, потому что никак себя с поводка не отпустит. — Она взглянула на меня. — Согласен?

— Отвяжись, бога ради, — отмахнулся я. — Я пришел сюда выпить.

Шено захихикала и подняла бокал.

— Точно! — воскликнула она. — Мы пришли сюда выпить! Просто сорваться с поводка и славно провести время!

Йемон нахмурился и повернулся к нам спиной, опираясь о перила и глядя на площадь. А площадь теперь уже почти опустела, хотя откуда-то дальше по улице слышались барабаны и рев толпы.

Шено допила ром и встала.

— Идем, — сказал она. — Мне хочется танцевать.

Йемон устало покачал головой.

— Не знаю, смогу ли еще это выдерживать.

Она потянула его за рукав.

— Идем, тебе обязательно полегчает. И ты тоже, Пол. — Другой рукой она ухватила меня за рубашку.

— Почему бы и нет? — сказал я. — Можно попробовать.

Йемон выпрямился и протянул руку к бокалам.

— Погодите минутку, — сказал он. — Без рома ничего не получится — добуду еще немного льда.

Мы подождали его на верхней площадке лестницы, что спускалась на улицу. Шено повернулась ко мне с улыбкой до ушей.

— Придется поспать на пляже, — сообщила она. — Фриц тебе уже сказал?

— Нет, — ответил я. — Но я сам все выяснил. И узнал про один пляж, который очень рекомендуют.

Шено схватила мою ладонь и крепко ее сжала.

— Вот и славно. Ужасно хочется на пляже поспать.

Я кивнул, видя, как Йемон подходит с бокалами. Видеть Шено в таком диком состоянии было одно удовольствие — но из-за этого же я и нервничал. Я вспоминал тот последний раз, когда видел ее пьяной, и перспектива, что опять может случиться нечто подобное, особенно в таком месте, казалась не очень радостной.

Потягивая ром, мы спустились по лестнице. Затем догнали толпу. Шено ухватила кого-то за пояс в длинной цепочке танцоров, а Йемон пристроился за ней. Я сунул бутылку рома в карман брюк и пристроился за Йемоном. Считанные мгновения спустя мы уже оказались запечатаны в цепочку теми, кто пристроился позади. Я почувствовал руки у себя на поясе и услышал визгливые вопли:

— Стойте! Прекратите!

Оглянувшись через плечо, я увидел белого мужчину, который порядком смахивал на торговца подержанными автомобилями. Затем толпа заструилась влево, и я увидел, как мужчина спотыкается и падает. Танцоры начали его топтать, ни на секунду не сбиваясь с ритма.

Оркестры продолжали кружить по городу, а толпа все росла. Я совсем взмок от пота и вот-вот готов был рухнуть от непрерывного танца, но просто не видел оттуда выхода. Взглянув влево, я заме-

тил Йемона. Хмуро улыбаясь, он выделял дерганный танец с шарканьем и притопами, который увлекал нас все дальше и дальше. Шено заливалась радостным смехом и крутила бедрами под непрерывный барабанный бой.

Наконец мои ноги начали угрожающе подгибаться. Я попытался привлечь внимание Йемона, но шум был просто оглушающим. В отчаянии я бросился прямо через цепочку, грубо расталкивая танцоров, и схватил Йемона за руку.

— Абзац! — заорал я. — Мне больше не выдержать.

Йемон кивнул и указал на боковую улочку в нескольких сотнях ярдов впереди. Затем он схватил за руку Шено и начал проталкиваться к боковой линии. Я рассеянно улюлюкал, пока мы пробивались сквозь толпу.

Отделавшись от толпы, мы просто постояли на тротуаре, пропуская ее мимо, а затем двинулись в сторону ресторана, который утром видел Йемон.

— На вид он, по крайней мере, ничего, — сказал он. — Надеюсь, еще и дешевый.

Заведение называлось «У Оливера» — временная пристройка с тростниковой крышей на верху бетонного здания с деревянными щитами на окнах. Мы с трудом поднялись по лестнице и нашли пустой столик. Заведение было переполнено, и я еле-еле протиснулся к бару. Сингапурские слинги шли по пятьдесят центов, но ровно столько же стоило просто там посидеть.

От нашего столика открывался славный вид на береговую линию. Она была забита всевозможными судами — элегантными катерами и жалкими аборигенскими шлюпами, полными бананов, пришвартованными бок о бок с изящными восьмиметровыми корпусами гоночных яхт, что прибыли из Ньюпорта и с Бермуд. За бакенами в канале стояло еще несколько больших моторных яхт, которые, как утверждалось, были игорными. Солнце медленно опускалось за холм по ту сторону бухты, и в зданиях у пристани начали загораться огни. Откуда-то из другой части городка по-прежнему слышалось, как по улицам ползет бешеный ритм танца.

Появился официант в яхтенной кепочке с рекламой «Олд Спайс». Мы все заказали себе по тарелке с морепродуктами.

— И три бокала льда, — добавил Йемон. — Прямо сейчас, если не трудно.

Официант кивнул и исчез. После десятиминутного ожидания Йемон прошел к бару и взял там три бокала льда. Мы разлили ром под столиком и поставили бутылку на пол.

— На самом деле нам нужна галлонная кружка, — сказал Йемон.

— И какой-нибудь мешочек для льда.

— Зачем нам кружка? — поинтересовался я.

— Для того семидесятипятицентового рома, — ответил он.

— Черт с ним, — махнул я рукой. — От него наверняка никакого толку. — Я кивнул в сторону бутылки под столиком. — Этот достаточно дешевый. Хорошего рома дешевле доллара за бутылку все равно не купить.

Йемон покачал головой.

— Паршиво с богатыми журналистами путешествовать — сорят долларами направо и налево.

Я рассмеялся.

— Между прочим, теперь не я один на Сандерсона работаю, — заметил я. — Большие деньги лежат за углом — просто никогда не теряй веры.

— Лежат, да не для меня, — отозвался Йемон. — Предполагается, я пишу статью про этот карнавал — контакты с туристическим бюро и все такое, — Он развел руками. — И ни черта не выходит. Не могу я шастать по округе и откапывать всякие факты, пока все остальные пьяны.

— Никто не пьян, — возразила Шено. — Мы просто отрываемся.

Йемон нехотя рассмеялся.

— Это верно — мы пускаемся во все тяжкие, поднимаем настоящую бучу. Почему бы тебе не отписать славное письмо выпускникам Смитсовского колледжа и не объяснить им, где они упустили свой шанс?

Шено рассмеялась.

— Фриц ревнует меня к моему происхождению. У меня столько всего, против чего восставать.

— Ерунда, — возразил Йемон. — Тебе просто не с чем против чего-то восставать.

Тут подошел официант с едой, и мы прекратили разговоры. Когда мы наелись, уже стемнело, и Шено не терпелось вернуться обратно на улицы. Я же не спешил. Теперь, когда толпа поредела, это

местечко казалось довольно мирным, однако хаос был так близко, что мы в любое время могли к нему присоединиться.

Наконец Шено вытащила нас на улицу, но танец уже сошел на нет. Мы побродили по городку, остановились у винного магазина, чтобы купить еще две бутылки рома, а затем вернулись к «Гранд-Отелю» посмотреть, что там происходит.

На другом конце балкона шла вечеринка. Большинство ее участников, похоже, были не туристами, а экспатриантами — по крайней мере, выглядели они так, будто постоянно жили на Сент-Томасе или еще где-нибудь на Карибах. Все они были очень загорелые. Некоторые носили бороды, однако большинство были аккуратно выбриты. Бородатые щеголяли в шортах и спортивных рубашках с короткими рукавами. Остальные облачились в полотняные костюмы и кожаные ботинки, сверкавшие в слабом свете балконных канделябров.

Мы присоединились к вечеринке и сели за столик. Я уже опьянел настолько, что меня ничуть не заботило, примут нас или выбросят. Однако компания разошлась через считанные минуты после нашего прибытия. Никто нам ничего не сказал, и я почувствовал себя немного по-дурачки, когда мы остались на балконе в одиночестве. Мы немного посидели, потом опять побрели на улицу. За несколько кварталов было слышно, как разогревается оркестр. Скоро улицы вновь оказались битком набиты людьми — все липли друг к другу и выплясывали странный танец, которому мы не так давно научились.

Несколько часов мы потакали прихотям Шено, надеясь, что она устанет от танца, но в конце концов Йемону пришлось силой вытащить ее из толпы. Она дулась, пока мы не оказались в клубе, полном пьяных американцев. Оркестр в стиле калипсо всюду барабанил, а зал был полон танцоров. К этому времени я уже совсем опьянел. Рухнув на стул, я беспомощно наблюдал, как Йемон и Шено пытаются танцевать. Затем ко мне подошел вышибала и сказал, что я должен заведение пятнадцать долларов за вход, и я, чем спорить, дал ему деньги.

Йемон вернулся к столику один. Он оставил Шено танцевать с американцем, который сильно смахивал на нациста.

— Ты, мясник вонючий! — заорал я партнеру Шено, грозя ему кулаком. Но он меня не видел, а поскольку музыка страшно грохотала, то и не слышал. Наконец Шено отделалась от него и вернулась к столику.

Йемон повел меня сквозь толпу. Люди визжали и хватали меня, и я понятия не имел, куда меня ведут. Моим единственным желанием было прилечь где-нибудь и заснуть. Когда мы выбрались наружу, я осел в дверном проходе, пока Йемон и Шено спорили о том, что делать дальше.

Йемон хотел отправиться на пляж, но Шено желала еще танцевать.

— Не смей мной помыкать, ты, пуританин чертов! — визжала она. — Я классно отрываюсь, а ты только дуешься!

Быстрым ударом в голову Йемон сшиб ее на землю, и я слышал, как она стонет где-то у моих ног, пока он громогласно подзывал такси. Я помог ему запихнуть Шено на заднее сиденье, и мы объяснили шоферу, что нам нужно на Линдберг-Бич. Водила ухмыльнулся и поехал. Меня подмывало потянуться к переднему сиденью и дать ему хороший подзатыльник. Этот гад думает, мы ее изнасиловать решили, размышлял я. Думает, мы выбрали ее на улице, а теперь везем на пляж, чтобы оттрахать по-собачьи. И по этому поводу ублюдок ухмыляется — криминальный дегенерат без всяких моральных принципов.

Линдберг-Бич находился через дорогу от аэропорта. Его окружала высокая циклоническая ограда, но водила подвез нас к тому месту, где через нее можно было перебраться при помощи дерева. Шено отказалась прикладывать какие-либо усилия, так что мы просто затолкали ее наверх и сбросили на песок. Затем мы нашли на пляже славное местечко, окруженное деревьями. Луны не было, но в нескольких ярдах впереди я слышал плеск прибоя. Свернув из своей вельветовой куртки подобие подушки, я упал на песок и мгновенно заснул.

На следующее утро меня разбудило солнце. Со стоном я сел. Одежда была полна песка. В десяти футах слева от меня на своих шмотках спали Йемон и Шено. Оба были совершенно голые, и Шено одной рукой обнимала Йемона за шею. Я уставился на девушку, думая, что никто не сможет меня обвинить, если я потеряю рассудок и наброшусь на нее, сперва вырубив Йемона ударом по затылку.

Поначалу я решил было прикрыть их плащом, но затем испугался, что они проснутся, когда я над ними нависну. Этого мне совершенно не хотелось, а посему я решил пойти искупаться и разбу-

дить их криком из воды.

Разоблачившись, я попытался вытрясти из одежды песок, а затем голый забрел в воду. Вода была прохладной, и я перекачивался в ней как дельфин, стараясь получше очиститься. Затем я поплыл к деревянному плоту примерно в сотне ярдов отсюда. Йемон и Шено все еще спали. На другом конце пляжа располагалось длинное белое строение, смахивавшее на танцевальный зал. На песок перед ним было вытащено каноэ с выносными уключинами, а под ближайшими деревьями виднелись столы и стулья под тростниковыми зонтиками. Было уже около девяти, но в округе никого не наблюдалось. Я лежал там долго, мучительно стараясь ни о чем не думать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Шено проснулась и с воплем сразу же схватила плащ, чтобы прикрыться. Затем она принялась лихорадочно оглядывать весь пляж.

— Эй, сюда! — крикнул я. — Присоединяйтесь.

Она посмотрела на меня и улыбнулась, держа плащ между нами, как ширму. Тут проснулся Йемон — он явно был раздосадован тем, что его разбудили.

— Подъем! — воскликнул я. — Переходим к водным процедурам!

Йемон встал и потащился к воде. Шено, размахивая его шортами, позвала его назад.

— Вот! — твердо сказала она. — Надень.

Я ждал их на плоту. Йемон приплыл первым, разрезая водную гладь точно крокодил. Затем я заметил, как к нам в трусиках и лифчике подплывает Шено. Тут мне стало совсем неловко. Я подождал, пока она заберется на плот, и соскользнул в воду.

— Я голоден как черт, — сказал я, пускаясь обратно к берегу. — Схожу в аэропорт позавтракать.

Добравшись до пляжа, я принялся искать свой саквояж. Я помнил, как прошедшей ночью ставил его на дерево, но не мог вспомнить, на какое. Наконец я нашел его в развилке двух ветвей аккурат над тем местом, где я спал. Затем я надел чистые трусы и мятую шелковую рубашку.

Перед самым уходом я бросил взгляд в сторону плота и увидел, как Йемон голым ныряет в воду. Шено со смехом сорвала с себя лифчик и трусики и прыгнула прямо на него. Я немного подождал, затем перебросил саквояж через ограду и перебрался вслед за ним.

Я пошел по дороге, параллельной взлетно-посадочной полосе, и примерно через полмили добрался до главного ангара — массивного сборного барака, который буквально кишел активностью. Самолеты приземлялись каждые несколько минут. В основном это были небольшие «сесснасы» и «пайперсы», но каждые минут десять со свежей компанией гуляк из Сан-Хуана садился крупный ДС-3.

Побрившись в туалете, я протолкнулся через толпу к бару. Народ, только-только выбравшийся из самолетов, получал бесплатную выпивку, а в одном углу ангара расположилась группа пьяных пуэрториканцев — все они барабанили по своему багажу в ритме какого-то незнакомого для меня распева. Звучало все это совсем как футбольная кричалка: «Буша-бумба, балла-ва! Буша-бумба, балла-ва!» Я заподозрил, что до городка они уже никогда не доберутся.

Я купил «Майами Геральд» и плотно позавтракал блинами с беконом. Примерно через час подошел Йемон.

— Черт, я зверски проголодался, — сказал он. — Надо бы хорошенько позавтракать.

— Шено еще с нами? — спросил я. Йемон кивнул.

— Она внизу. Ноги бреет.

Был почти полдень, когда мы сели на автобус до городка. Выйдя у рынка, мы направились в сторону «Гранд-Отеля», то и дело останавливаясь, чтобы заглянуть в немногие витрины магазинов, которые не были забраны деревянными щитами.

По мере приближения к центру городка шум все усиливался. Но это был уже другой звук — во все не рев счастливых голосов или музыкальный перестук барабанов, а дикие выкрики небольшой группки людей. Похоже было на войну бандитских группировок, слышались утробные вопли и звон бьющегося стекла.

Мы поспешили на шум, срезая дорогу по узкой улочке, которая вела в торговую зону. Когда мы завернули за угол, я увидел осатаневшую толпу, которая заправила мостовую и заблокировала оба

тротуара. Сбавив ход, мы осторожно приблизились.

Примерно две сотни людей только-только грабанили один из крупных винных магазинов. В большинстве своем это были пуэрториканцы. На мостовой валялись смятые коробки из-под шотландского виски и шампанского, и буквально у всех, кого я видел, в руке была бутылка. Люди вопили и плясали, а в самом центре толпы гигантский швед в синем комбинезоне выдувал на трубе длинные ноты.

Прямо у нас на глазах жирная американка подняла над головой два фугаса с шампанским и разбила их друг о друга, дико хохоча, пока вино вперемешку с осколками струилось по ее голым плечам. Компания пьяных ударников колошматила двумя банками пива по пустым коробкам из-под виски. Распев был тот же самый, что и в аэропорту: «Буша-бумба, балла-ва! Буша-бумба, балла-ва!» По всей улице люди лихорадочно плясали, дергаясь под ритм распева и дико крича.

Винный магазин сделался теперь всего лишь оболочкой — голые стены с разбитыми окнами. Люди продолжали вбегать туда и выбегать, хватая бутылки и стараясь как можно скорее выпить, прежде чем кто-то их отберет. Пустые бутылки они просто бросали, отчего улица постепенно стала походить на реку битого стекла, усеянную тысячами пивных банок.

Мы старались держаться с краю. Я очень хотел поймать хотя бы малую часть ворованного спиртного, но боялся полиции. Йемон забрел в магазин и считанные мгновения спустя появился с фугасом шампанского. Смущенно улыбаясь, он молча сунул бутылку к себе в сумку. Тут моя жажда выпивки пересилила страх тюрьмы, и я бросился к коробке из-под виски, что валялась в канаве у самого магазина. Коробка оказалась пуста, и я огляделся в поисках другой. В лесу танцующих ног я разглядел несколько нетронутых бутылок виски. Я бросился туда, расталкивая всех на своем пути. Грохот был оглушающим, и я все время ожидал, что мне на голову вот-вот опустится бутылка. Мне удалось прибрать к рукам три кварты «Старой вороны» — все, что осталось в коробке. Другие бутылки были разбиты, и теплый виски растекался по улице. Крепко прижимая к груди добычу, я протиснулся сквозь толпу к тому месту, где оставил Йемона и Шено.

Мы поспешили прочь по боковой улочке, минуя синий джип с надписью «Полиция». Внутри, лениво почесывая у себя в паху, дремал жандарм в пробковом шлеме.

Мы остановились в том же заведении, где прошедшей ночью закусывали. Сунув виски в саквояж, я заказал три порции рома, а затем мы стали размышлять, что делать дальше. В программке говорилось, что через несколько часов на стадионе должен начаться какой-то маскарад. Звучало это достаточно безвредно, хотя на тот час, когда толпа потрошила винный магазин, в программке никакого мероприятия предусмотрено не было. Предполагалось, что это был «Перерыв на отдых». Еще один «Перерыв на отдых» располагался между празднествами на стадионе и «Притопом на всю катушку», который должен был начаться ровно в восемь.

Вот это уже звучало зловеще. У всех прочих «Притопов» имелись официальные начала и концы. Так, «Притоп пчелок и пташек», в четверг, начинался в восемь и кончался в десять. «Горючий притоп» — похоже, тот самый, в который мы вчера оказались втянуты, — длился от восьми до полуночи. Однако касательно «Притопа на всю катушку» в программке говорилось лишь, что он начнется в восемь, а дальше в скобках на той же строчке стояло: «Кульминация карнавала».

— Сегодня это дело может выйти из-под контроля, — заметил я, швыряя программку на столик. — По крайней мере, очень на это надеюсь.

Шено со смехом мне подмигнула.

— Надо напоить Фрица — тогда он сможет оторваться.

— Не свисти, — пробормотал Йемон, не отрывая взгляда от программки. — Вот только нажрись сегодня — и я тебя здесь на хрен брошу.

Шено снова рассмеялась.

— Не так уж я была и пьяна — я отлично помню, кто меня ударил.

Йемон пожал плечами.

— Тебе полезно — мозги прочищает.

— Бросьте вы спорить, — вмешался я. — Мы просто обречены напиться — видите, сколько виски? — Я похлопал по своему саквояжу.

— И еще вот это, — добавила Шено, указывая на фугас шампанского под стулом Йемона.

— Господи прости и помилуй, — пробормотал Йемон.

Мы покончили с выпивкой и побрели к «Гранд-Отелю». С балкона было видно, как люди на-

правляются к стадиону.

Йемон хотел пойти в Яхтенную гавань и найти там корабль, в скором времени отплывающий в Южную Америку. Я тоже не спешил присоединиться к толпе на стадионе и помнил слова Сандерсона о том, что большинство славных вечеринок проходит на судах, — вот мы и решили туда отправиться.

Получилась долгая прогулка по солнцу, и к тому времени, как мы туда добрались, я уже несколько раз пожалел, что сразу не предложил заплатить за такси. Я жутко вспотел, а мой саквояж, казалось, потяжелел фунтов на сорок. К гавани шла подъездная аллея, которая вела к плавательному бассейну, а уж за бассейном находился холм, с которого можно было спуститься прямо к пирсам. Там теснилось больше сотни судов — от крошечных прибрежных шлюпов до массивных шхун, чей нехитрый рангоут покачивался на фоне зеленых холмов и голубого карибского неба. Я остановился на пирсе и оглядел сорокафутовый гоночный шлюп. Первой моей мыслью было непременно таким обзавестись. У шлюпа был темно-синий корпус и сияющая палуба из тикового дерева, и я ничуть не удивился бы увидеть на носу табличку, гласящую: «Продается — меньше одной души не предлагать».

Я задумчиво кивнул. Черт побери, размышлял я, каждая собака может иметь машину и квартиру, но подобное судно остается чистым безумием. Мне страшно его хотелось, и, учитывая сумму, в которую я тогда оценивал свою душу, я вполне мог бы пойти на сделку — если бы, понятное дело, на носу и впрямь висела такая табличка.

Весь день мы провели в Яхтенной гавани, отчаянно прочесывая пристани в поисках судна, куда Йемон и Шено могли бы без лишних вопросов вписаться. Один человек предложил примерно через неделю взять их на Антигуа, другой шел на Бермуды, и наконец мы нашли большой ял, который направлялся в Лос-Анджелес через Панамский канал.

— Классно, — порадовался Йемон. — И сколько вы с нас за эту поездку возьмете?

— Нисколько, — ответил владелец яхты, каменноликий коротышка в белых трусах и мешковатой рубашке. — Я вас не возьму.

Йемон явно был потрясен.

— У меня команда, — объяснил мужчина. — А кроме того, жена и трое детишек. Для вас места нет. — Он пожал плечами и отвернулся.

Большинство корабельщиков были любезны, однако некоторые откровенно грубы. Один капитан — или, быть может, помощник — просто посмеялся над Йемоном и сказал:

— Извини, корешок. Я на своем корабле дерьмо не вожу.

В самом конце пирса мы заметили сияющий белый корпус под французским флагом, медленно покачивавшийся на глубокой воде.

— Лучший корабль во всей бухте, — заметил оказавшийся рядом мужчина. — Кругосветный крейсер, семьдесят пять футов в длину, восемнадцать узлов, радарный купол, электрические лебедки и складные койки.

Мы пошли дальше по пирсу к кораблю под названием «Голубой Питер», где мужчина, который позже представился как Уиллис, предложил нам подняться на борт и немного выпить. На борту оказалось еще несколько человек, и мы там на несколько часов задержались. Йемон вскоре вышел на пирс проверить остальные суда, а мы с Шено остались пить дальше. Несколько раз я замечал, как Уиллис пялится на Шено, и когда я обмолвился о том, что мы спим на пляже, он предложил нам остаться на корабле наши сумки, чтобы повсюду с ними не таскаться.

— Жаль, не могу предложить вам койки, — добавил он. — У меня их только две. — Он ухмыльнулся. — Одна, конечно, двойная, но там тоже места нет.

— Угу, — отозвался я.

Мы оставили на «Голубом Питере» наши сумки, и к тому времени, как мы пустились обратно в городок, все уже были изрядно пьяны. Уиллис доехал с нами на такси до «Гранд-Отеля» и сказал, что наверняка увидимся в одном из баров.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Вскоре после полуночи мы оказались перед заведением под названием «Голубой грот» — людном прибрежном танцзале с входной платой два доллара. Я попытался заплатить, но все вокруг засмеялись, а какая-то коренастая дамочка схватила меня за руку.

— Нет-нет, — затараторила она. — Давайте с нами. Мы на настоящую вечеринку едем.

Я узнал наших друзей по уличному танцу. Один задира хлопал Йемона по спине, что-то болтая про «драку на хлыстах» и про каких-то латиносов с коробкой джина.

— Я их знаю, — сказала Шено. — Давайте с ними поедем.

И мы побежали по улице туда, где у них стояла машина. За нами пристроилось еще человек шесть. Мы повернули к возвышавшимся над городом холмам, виляя по темной дорожке среди того, что казалось жилым сектором. Дома внизу были сплошь деревянные, однако по мере подъема попадались все больше современных строений из бетонных блоков. Наконец жилища сделались почти изысканными, с верандами и ухоженными газонами.

Мы остановились у дома, полного огней и музыки. Улица перед ним была забита машинами, и места для парковки не наблюдалось. Водитель высадил нас и сказал, что присоединится, когда найдет место для машины. Коренастая дамочка испустила радостный вопль и побежала вверх по лестнице к входной двери. Я с неохотой за ней последовал и увидел, как она разговаривает с какой-то толстухой в ярко-зеленом платье. Затем она указала на меня. Йемон, Шено и все остальные поднялись следом.

— Шесть долларов, пожалуйста, — сказала толстуха, протягивая руку.

— Черт побери! — воскликнул я. — Это за скольких?

— За двоих, — объяснила толстуха. — За вас и юную леди. — Она кивком указала на дамочку, которая всю дорогу ехала у меня на коленях.

Я молча выругался и отдал шесть долларов. Моя партнерша вознаградила меня жеманной улыбкой и ухватила за руку, пока мы входили в дом. «Проклятье, — подумал я, — эта шмара взяла меня в оборот».

Йемон держался сразу за нами, возмущенно бормоча про входную плату в шесть долларов.

— Тут просто должно быть славно, — пробурчал он. — А то, когда вернемся в Сан-Хуан, придется тебе на работу устраиваться.

Шено радостно рассмеялась, причем смех этот не имел никакого отношения к замечанию Йемона. Взглянув на Шено, я увидел в ее глазах дикое возбуждение. Купание в бухте немного меня протрезвило, да и Йемон казался вполне уравновешенным, а вот у Шено был вид наркоманки, готовой снова закинуться.

Мы прошли в темный коридор, а оттуда в комнату, полную музыки и шума. Она была битком набита, и в одном углу играл оркестр. Не шумовой оркестр, который я ожидал увидеть, а три горна и барабан. Звук был знакомым, но я никак не мог понять откуда. Затем, взглянув на потолок, где лампы были покрашены голубой краской, я узнал этот звук. Оркестр играл типичную музыку школьной танцульки на Среднем Западе в каком-нибудь клубе. И не только музыка: битком набитая комната с высоким потолком, импровизированный бар, двери, открывающиеся на кирпичную террасу, смеющиеся и кричащие люди, что потягивали спиртное из бумажных стаканчиков, — все было абсолютно таким же, если не считать того, что здесь почти все присутствующие были чернокожими.

От всей этой обстановки мне стало как-то не по себе, и я начал подыскивать темный угол, где можно было бы пить, оставаясь вне поля зрения остальной компании. Приземистая дамочка все еще держала меня за руку, но я стряхнул ее с себя и направился в угол. Никто не обращал на меня никакого внимания, пока я пробирался сквозь толпу, то и дело толкая танцоров. Опустив голову, я осторожно продвигался, как мне казалось, к вакантному месту.

В нескольких футах слева от меня оказалась дверь, и я протиснулся к ней, бесцеремонно всех расталкивая. Когда я наконец выбрался наружу, то почувствовал себя так, будто сбежал из тюрьмы. Воздух был прохладным, а терраса почти пустовала. Я подошел к перилам и взглянул на бухту Шарлотты-Амалии у подножия холма. Слышно было, как из баров по Квин-стрит в небо плывет музыка. Справа и слева видны были битком набитые людьми «лендроверы» и открытые такси — они двигались вдоль береговой линии, направляясь на другие вечеринки, другие яхты и в залитые мутным светом отели, где загадочно перемигивались красные и синие огоньки. Я попытался припомнить места, где нам рекомендовали «славно повеселиться», и задумался, лучше ли там, чем здесь.

Тут я подумал про Вьекес, и на мгновение страшно захотел туда отправиться. Я вспомнил, как сидел на балконе отеля и слушал цокот копыт на улице. Затем я вспомнил Зимбургера, Мартина и морских пехотинцев — имперских строителей, что обустраивали магазины по торговле замороженными продуктами и полигоны для бомбометания, растекаясь по всему свету, как лужа мочи.

Я повернулся посмотреть на танцоров, рассуждая, что раз уж я заплатил шесть долларов за

вход, то вполне могу попробовать получить здесь хоть какое-то удовольствие.

Пляски становились все более дикими. Уже никакой ленивой раскачки под фокстрот. В музыке слышался неистовый ритм — все движения были резкими и полными вождения. Раскачивание и толчки бедрами теперь сопровождались внезапными криками и столами. Я почувствовал искушение присоединиться — пусть даже смеха ради. Но для начала мне требовалось покруче напиться.

В другом конце комнаты я нашел Йемона, подпирающего стену у выхода в коридор.

— Я уже готов плясать, — со смехом сказал я. — Давай малость оторвемся и сбрендим.

Он волком на меня посмотрел и от души глотнул рома. Я пожал плечами и двинулся к чулану в коридоре, где невозмутимый бармен неустанно смешивал выпивку.

— Ром со льдом! — крикнул я, поднимая повыше свой стаканчик. — Льда побольше.

Бармен механически его схватил, кинул туда несколько кусочков льда, плеснул рома и снова отдал мне. Я бросил ему в ладонь четвертак и вернулся к двери. Йемон с мрачным видом глазел на танцоров.

Я остановился рядом с ним, и он кивнул в сторону танцпола.

— Ты только глянь на эту суку, — процедил он. Я поднял глаза и увидел Шено, танцующую с невысоким мужчиной с бородкой клинышком, которого мы уже встречали раньше. Он был классным танцором, и каждый его шаг точно попадал в ритм. Шено расставила руки, будто танцовщица с обручем, на лице у нее читалось предельное сосредоточение. Время от времени она делала полный оборот, крутя своей полосатой юбкой будто вентилятор.

— Ага, — отозвался я. — Она на этих плясках просто свихнулась.

— В ней что-то от нигтера, — резким тоном произнес Йемон.

— Осторожней, — быстро предупредил я. — Здесь лучше следить за языком.

— Херня, — бросил он.

«Боже милостивый! — подумал я. — Вот мы и приплыли».

— Не бери в голову, — посоветовал я Йемону. — Почему бы нам не вернуться в город?

— Я-то с радостью, — ответил он. — Ты с ней попробуй поговорить. — Он кивком указал на Шено, лихорадочно отплясывавшую всего в нескольких футах от нас.

— Черт возьми, — выругался я. — Просто хватай ее и идем.

Йемон покачал головой.

— Уже пробовал. Она так завизжала, будто ее режут.

В голосе его звучало что-то совершенно мне незнакомое — странное колебание, от которого я вдруг занервничал.

— О Господи, — пробормотал я, оглядывая толпу.

Тут я почувствовал, как меня берут за руку. Это оказалась та самая дамочка — моя коренастая партнерша.

— Идем, дорогуша! — выкрикнула она, вытаскивая меня на танцпол. — Давай займемся! — Со свинячьим визгом она принялась топтать ногами.

«Боже милостивый! — подумал я. — И что теперь?» С выпивкой в одной руке и сигаретой в другой я наблюдал, как она выкаблучивается.

— Ну, давай! — закричала дамочка. — Займи же меня! — Подобрав юбку до бедер и покачиваясь вперед-назад, она подалась ко мне. Я тоже принялся притопывать и раскачиваться; поначалу мой танец был слишком судорожным, затем я выровнялся в какой-то неловкой развязности. Тут меня толкнули, и я выронил стаканчик с выпивкой. Осатаневшие парочки, что роились вокруг нас, даже ничего не заметили.

Внезапно я оказался рядом с Шено. Беспомощно разведя руками, я продолжил свои притопы. Шено рассмеялась и толкнула меня бедрами. Затем она протанцевала назад к своему партнеру, оставив меня с коренастой дамочкой.

Наконец я заматал головой и пошел прочь из толпы танцующих, жестами показывая, что уже не в силах плясать. Я вернулся к бару за свежей выпивкой. Йемона нигде не наблюдалось, и я предположил, что его засосала пляска. Тогда я протолкнулся сквозь толпу и вышел на террасу, надеясь найти там сидячее место. Йемон восседал на перилах, разговаривая с молоденькой девушкой. Увидев меня, он широко улыбнулся.

— Это Джинни, — представил он девушку. — Ока думает научить меня танцевать.

Я кивнул и тоже представился. Музыка позади нас становилась все более необузданной, и вре-

менами она почти тонула в диком реве толпы. Я старался не обращать на нее внимания. Оглядывая городок, я видел, какой он мирный, и хотел туда спуститься.

Но музыка в доме становилась все безумнее. В ней появилась какая-то новая назойливость, а крики звучали уже несколько иначе. Йемон и Джинни отправились посмотреть, что происходит. Толпа расходилась во все стороны, освобождая место для чего-то непонятного, и я тоже подошел посмотреть, что там такое.

Толпа очистила большой круг, и в самом центре этого круга лихо отплясывали Шено и тот невысокий мужчина с бородкой клинышком. Шено уже успела избавиться от юбки и теперь танцевала в трусиках и белой блузке без рукавов. Ее партнер сбросил рубашку, обнажив блестящую от пота грудь. Теперь на нем остались только красные лосины. Оба партнера плясали на босу ногу.

Я взглянул на Йемона, Лицо его напрягалось, пока он привставал на цыпочках, чтобы ничего не упустить. Внезапно он позвал Шено по имени. Но толпа производила такой шум, что даже я, стоя от него всего в трех футах, едва расслышал выкрик. А Шено, казалось, забыла обо всем, кроме музыки и того мудака, что вел ее по танцполу. Йемон снова ее позвал, и опять почти никто не услышал.

И тут, словно в трансе, Шено принялась расстегивать блузку. Будто опытная стриптизерша, она медленно продвигалась от пуговицы к пуговице, а затем отшвырнула блузку в сторону и заплясала в одних трусиках и лифчике. Я думал, толпа совсем свихнется. Люди выли как безумные и барабанили кулаками по мебели, толкались и лезли друг на друга для лучшего обзора. Весь дом трясся, и мне казалось — пол вот-вот провалится. Откуда-то с другого конца комнаты донесся звон бьющегося стекла.

Я снова взглянул на Йемона. Теперь, пытаясь привлечь внимание Шено, он махал руками, как ветряная мельница. Но даже при этом он казался всего лишь одним из свидетелей захватывающего спектакля.

Вот танцоры сблизились, и я увидел, как бородатая тварь тянется Шено за спину и расстегивает ей лифчик. Прodelано это было быстро, квалифицированно — а Шено, казалось, не сознавала, что теперь на ней остались одни лишь тонкие шелковые трусики. Соскользнув с плеч, лифчик упал на пол. Полные груди Шено отчаянно подпрыгивали с каждым резким танцевальным движением — упругие шары плоти с крупными розовыми сосками, внезапно высвободившиеся из хлопчатобумажной благопристойности нью-йоркского лифчика.

Напуганный и заворуженный, я наблюдал за происходящим, а потом скорее услышал, чем увидел, как Йемон рванул к танцующей парочке. Вышло жесткое столкновение, и я увидел, как здоровенный бармен подбирается к Йемону сзади и хватает его за руки. Еще несколько мужчин отпихнули его назад. Обращаясь с ним как с безвредным пьяницей, они освобождали побольше места для продолжения танца.

Йемон дико вопил, с трудом держа равновесие.

— Шено! — кричал он. — Что за блядство ты тут устроила? — В голосе его звучало отчаяние, а я слушал его, словно парализованный.

Танцоры снова сошлись в центре круга, медленно покачиваясь влево-вправо. На лице у Шено застыло потрясенное, экзотическое выражение, когда мужчина протянул руки и спустил ей трусики с бедер до колен. Она позволила им упасть на пол, сделала шаг в сторону и снова пустилась в пляс. Придвинувшись к партнеру, Шено на мгновение застыла — даже музыка, казалось, приумолкла, — а потом заплясала назад, тряся волосами из стороны в сторону.

Внезапно Йемон вырвался. Он прыгнул в круг, и на него немедленно бросилось несколько мужчин, но на сей раз удержать его было куда труднее. Я увидел, как он дает бармену по физиономии, вовсю работает локтями и предплечьями, сбрасывая с себя нападающих, кричит с таким бешенством, что у меня от этого крика пошли мурашки по спине, — и наконец падает под целой волной тел.

Свалка остановила танец. На мгновение мой взгляд выхватил стоявшую в одиночестве Шено — вид у нее был изумленный и озадаченный. Светлые волосы рассыпались по плечам, а коричневый кустик так и бросался в глаза на фоне белой кожи. Выглядела она маленькой, голой и беспомощной. Затем я увидел, как тот ублюдок с бородкой клинышком хватается за руку и тащит к двери.

Я поплелся сквозь толпу — толкал всех подряд и матерился, во что бы то ни стало стремясь добраться до коридора, прежде чем они исчезнут. Сзади доносились дикие крики Йемона, но я знал, что его плотно взяли в оборот, и единственной моей мыслью было найти Шено. Несколько мужчин ударили меня по пути к двери, но я не обратил внимания. Однажды мне показалось, будто я расслышал

ее крик, хотя это вполне мог быть кто угодно.

Когда я наконец выбрался из дома, то увидел у подножия лестницы толпу. Спустившись, я обнаружил там Йемона — плюясь кровью, он лежал на земле и стонал. Очевидно, его выволокли через заднюю дверь. Склонившись над ним, бармен носовым платком вытирал ему рот.

Я тут же забыл про Шено и, бормоча извинения, протолкнулся сквозь кольцо людей, что окружало распростертого на земле Йемона. Когда я туда пробился, бармен поднял взгляд и спросил:

— Это ваш друг?

Я кивнул и наклонился посмотреть, сильно ли Йемону досталось.

— С ним все в порядке, — заверил кто-то. — Мы хотели по-хорошему, но он все кулаками махал.

— Угу, — пробурчал я.

Сжимая руками голову, Йемон сел.

— Шено, — бормотал он, — что за блядство ты тут устроила?

Я положил ему руку на плечо.

— Ничего, — вымолвил я. — Не бери в голову.

— Вот ведь гад вонючий, — громко произнес он.

Бармен похлопал меня по руке.

— Лучше бы вам его отсюда забрать, — посоветовал он, — Пока с ним ничего страшного не случилось, но если он здесь останется, я ему не завидую.

— Можем мы взять такси? — спросил я.

Бармен кивнул.

— Я вызову вам машину. — Он отошел от Йемона и что-то крикнул в толпу. Кто-то ему ответил, и он указал на меня.

— Шено! — закричал Йемон, силясь подняться.

Я толкнул его вниз, понимая, что, как только он поднимется, снова начнется драка. Затем я взглянул на бармена.

— Где девушка? — спросил я. — Что с ней?

Он криво улыбнулся.

— Она славно позабавилась.

Тут я понял, что нас отправят без Шено.

— Где она? — спросил я погромче, отчаянно стараясь изгнать из голоса панику.

Тут ко мне подступил какой-то незнакомец.

— Вали отсюда на хрен, — прорычал он.

Я нервно топтался в пыли, глядя на бармена, который, похоже, был здесь за главного. Наконец он зловредно улыбнулся и указал мне за спину. Обернувшись, я увидел подъезжающую машину.

— Вот такси, — сказал он. — Сейчас я вашего друга доставлю. — Он подошел к Йемону и резким рывком поднял его на ноги. — Большой мужчина едет в город, — процедил он с ухмылкой. — А маленькая девушка остается здесь.

Йемон оцепенел и снова принялся кричать.

— Вы, ублюдки! — Тут он свирепо замахнулся на бармена, который легко увернулся, а затем со смехом наблюдал, как четверо мужчин заталкивают Йемона в машину. Меня они затолкали следом, и я высунулся из окна, чтобы проорать бармену:

— Я вернусь с полицией! Так что с девушкой пусть будет порядок! — Внезапно мне досталась жуткая плюха по щеке, и я увернулся в тот самый миг, когда второй кулак просвистел мимо моего носа. С трудом сознавая, что делаю, я поднял стекло и упал на спинку сиденья. Слышно было, как все они дико хохотали, пока мы направлялись вниз по склону холма.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Все, что мне пришло в голову, это обратиться в полицию, однако водила наотрез отказался везти нас в участок или хотя бы сказать, где он находится.

— Лучше забудьте, — тихо промолвил он. — Каждому свое. — Остановившись в центре городка, он сказал, что будет очень неплохо, если мы заплатим ему два доллара за бензин. Я горестно поворчал и дал ему два доллара, но Йемон отказался вылезать из машины. Он все продолжал настаи-

вать, чтобы мы снова поехали вверх по холму и забрали Шено.

— Идем, — сказал я и потянул его за руку. — Мы непременно найдем полицейских. Они отвезут нас наверх. — Наконец я вытащил его, и машина укатила.

Мы нашли полицейский участок, но там не было ни души. Свет горел, и мы вошли туда подождать. Йемон вырубился на скамье, а у меня так кружилась голова, что я с трудом мог открыть глаза. Где-то через полчаса я решил, что нам лучше поискать полицейского на улице. Тогда я разбудил Йемона, и мы пустились по направлению к барам. Карнавал уже рассеивался, и на улицах было полно пьяных — в основном туристов и пуэрториканцев. Небольшие группки людей бродили от бара к бару, перешагивая через тела в проходах, а кое-кто только-только пристраивался на тротуаре. Было почти четыре утра, но в барах по-прежнему толкалась масса народу. Городок же выглядел так, словно подвергся бомбежке.

Нигде не было ни малейших признаков полиции, и к этому времени мы оба готовы были упасть от изнеможения. Наконец мы бросили бесцельное занятие и поймали такси до Линдберг-Бич, где помогли друг другу перелезть через ограду и замертво рухнули на теплый песок.

Ближе к утру пошел дождь, и я проснулся насквозь мокрый. Я подумал, что еще только рассвет, но когда взглянул на часы, оказалось уже девять.

Голова распухла вдвое против первоначального размера, а в правом виске что-то крайне болезненно било и колотило. Я разделся и пошел искупаться, но от этого мне стало не лучше, а еще хуже. Утро было холодное и унылое, и мелкий дождик рябил воду. Я немного посидел на плоту, вспоминая прошедшую ночь. Чем больше я вспоминал, тем больше все это меня угнетало, и я все сильнее страшился мысли о том, чтобы вернуться в город и поискать Шено. В тот момент мне было глубоко плевать, жива она или мертва. Все, чего я хотел, это дотопать по дороге до аэропорта и сесть на самолет до Сан-Хуана. Йемона мне хотелось оставить спящим на берегу и надеяться на то, что ни его, ни Шено я больше никогда в жизни не увижу.

Вскоре я приплыл обратно и разбудил Йемона. Вид у него был совсем никуда. Мы сходили в аэропорт, а затем на автобусе добрались до городка. Забрав наши вещи с корабля в Яхтенной гавани, мы отправились в полицейский участок, где дежурный полицейский играл сам с собой в карты, на которых в страстных позах изображались голые женщины.

Когда Йемон закончил рассказывать, полицейский ухмыльнулся и поднял глаза.

— Слушай, приятель, — медленно проговорил он. — Что я могу поделать с твоей девушкой, если ей кто-то другой по вкусу?

— По вкусу? — воскликнул Йемон. — Черт возьми, ее же силой уволокли.

— Ну да, — отозвался полицейский, по-прежнему улыбаясь. — Я здесь всю жизнь живу и знаю, как на карнавалах девушек уволокают. — Он негромко рассмеялся. — Ты же сказал, она всю одежду с себя скинула, пока для этой публики танцевала. А теперь говоришь, ее изнасиловали.

Он сделал еще несколько замечаний в том же духе, после чего глаза Йемона засверкали, и он принялся гневно и отчаянно орать.

— Ну вот что! — вопил он. — Если ты ничего не сделаешь, я пойду в тот дом во-от с таким тесаком и прикончу всех, кто мне там под руку попадется!

Полицейскому явно стало не по себе.

— Расслабься, Йемон. Если не кончишь этот словесный понос, в настоящую беду вляпаешься.

— Послушайте, — вмешался я. — Мы только хотим, чтобы вы съездили туда с нами и нашли девушку, — разве мы многого просим?

Полицейский еще немного поглазел на свои карты, словно посредством консультации с изображенными там голыми бабами мог разгадать смысл нашего появления, а также что с нами делать. Наконец он грустно покачал головой и поднял глаза.

— Эх, парни, с вами одни проблемы, — тихо промолвил он. — Никогда ничему не научитесь.

Прежде чем мы успели что-то ответить, полицейский встал и надел пробковый шлем.

— Ладно, — сказал он. — Съездим посмотрим.

Мы последовали за ним на улицу. От его реакции я занервничал и стал почти смущаться беспокойства, которое мы ему доставили.

К тому времени, как мы подъехали к дому, мне уже хотелось выпрыгнуть из машины и убежать. Любой результат наших поисков выглядел одинаково скверно. Возможно, Шено утащили на какую-то

другую вечеринку и выставили там напоказ на кровати — белое тело с розовыми сосками, финальный аккорд карнавала. Меня затрясло, когда мы стали подниматься по лестнице. Затем я взглянул на Йемона. Вид у него был как у человека, которого ведут на гильотину.

Полицейский позвонил в дверь, и на звонок отозвалась кроткого вида негритянка, которая нервно топталась на месте и клялась, что не видела никакой белой девушки и ровным счетом ничего про ночную вечеринку не знает.

— Будь я проклят! — рявкнул Йемон. — У вас тут ночью была самая что ни на есть блядская вечеринка, и я отдал шесть долларов, чтобы на нее попасть!

Женщина отрицала все касательно вечеринки. Она лишь признала, что несколько человек действительно спят в доме, но никакой белой девушки среди них нет.

Полицейский спросил, нельзя ли войти и посмотреть. Негритянка пожала плечами ипустила его, однако когда Йемон попытался пройти следом, она возмутилась и захлопнула дверь прямо у него перед носом.

Через несколько минут полицейский вышел.

— Нет там никакой белой девушки, — сказал он, глядя Йемону в глаза.

Мне не хотелось ему верить, потому как не хотелось встречаться лицом к лицу с другими возможными исходами. Все должно было выйти проще простого — найти ее, разбудить и увести. Но теперь проще простого не получалось. Шено могла оказаться где угодно — за любой дверью на острове. Я взглянул на Йемона, ожидая, что он в любой момент взбесится и начнет махать кулаками. Но он тяжело привалился к перилам веранды и, казалось, готов был зарыдать.

— Господи Боже мой, — бормотал он, вперившись взглядом в свои ботинки. Отчаяние его было таким неподдельным, что полицейский положил ему руку на плечо.

— Прости, мон, — сказал он. — Идем отсюда.

Мы съехали вниз по холму к участку, и полицейский пообещал найти девушку, по описанию похожую на Шено.

— Я сообщу остальным, — заверил он. — Она обязательно объявится. — Он по-доброму улыбнулся Йемону. — Ведь тебе там все равно делать нечего, кроме как из-за баб кругами бегать.

— Угу, — отозвался Йемон, Затем он положил на стол плащ и небольшой саквояжик Шено. — Отдайте ей, когда объявится, — попросил он. — Мне неохота с этим по округе таскаться.

Полицейский кивнул и положил вещи на полку в дальнем конце комнаты. Затем он записал мой адрес в Сан-Хуане, чтобы послать весточку, если они ее найдут. Наконец мы распрощались и побрели к «Гранд-Отелю» позавтракать.

Мы заказали ром со льдом и гамбургеры. Ели молча, читая газеты. Наконец Йемон поднял взгляд и непринужденным тоном заметил:

— Она просто шлюха. Не понимаю, почему меня это должно беспокоить.

— Ну и не беспокойся, — сказал я. — Она свихнулась — совсем спятила.

— Ты прав, — кивнул Йемон. — Она шлюха. Я сразу это понял — как только впервые ее увидел. — Он откинулся на спинку сиденья. — Я с ней на Стейтен-Айленд, на вечеринке познакомился. Примерно за неделю до того, как сюда приехал. Только я ее увидел, так сразу себе сказал: «Вот обалденно классная шлюха — типа не из-за денег, а просто чтобы потрахаться». — Он снова кивнул. — Она пришла ко мне домой, и я как бык на нее наел. Она всю неделю у меня торчала — даже на работу не ходила. Я в то время вместе с другом моего брата квартиру делил — пришлось его на кушетку в кухню выселить. Можно сказать, из родного дома его выпер. — Он грустно улыбнулся. — Потом, когда я улетал в Сан-Хуан, она захотела вместе со мной отправиться. Насилу уговорил ее несколько недель подождать.

В тот момент у меня в голове разгуливало сразу несколько разных Шено: маленькая девчушка в Нью-Йорке с тайной страстью и гардеробом от Лорда и Тейлора; загорелая блондинка, бредущая вдоль берега в белом бикини; пьяная, визгливая хулиганка в шумном баре на Сент-Томасе; и наконец девушка, которую я увидел прошедшей ночью, — вот она танцует в тонких трусиках, всю трясет грудями, где буквально светятся крупные розовые соски, покачивает бедрами, пока какой-то безумный головорез спускает ей трусики... а затем тот последний взгляд — как она стоит в центре комнаты, на мгновение оставшись в одиночестве, и тот маленький кустик коричневых волос бросается в глаза как маячок на фоне белой плоти бедер и живота... тот священный кустик, бережно взлелеянный родителями, слишком хорошо осведомленными о его ценности и могуществе, посланный в Смитсов-

ский колледж для культивации и некоторого выставления под ветер и непогоду жизни, в течение двадцати лет объект заботы со стороны легиона родителей, учителей, друзей и советчиков, в итоге пересаженный в Нью-Йорк на волю Всевышнего.

Покончив с завтраком, мы сели на автобус до аэропорта. Вестибюль оказался забит жалкими пьяницами: мужчины волокли друг друга в душевые, женщины блевали на пол прямо у скамей, перепуганные туристы чесали языками. Одного взгляда на эту сцену было достаточно, чтобы понять: мы можем проторчать здесь весь день и всю ночь, прежде чем дождемся места на самолете. Без билетов мы могли прождать здесь трое суток. Положение казалось безвыходным.

И тут нам отчаянно повезло. Мы зашли в буфет и принялись высматривать свободное место, когда я вдруг заприметил того самого пилота, который в четверг отвозил меня на Вьекес. Я подошел поближе, и он, похоже, меня узнал.

— Привет, — сказал я. — Помните меня? Кемп — из «Нью-Йорк Таймс».

Пилот улыбнулся и протянул мне руку.

— Помню, — кивнул он. — Вы были с Зимбургером.

— Чистое совпадение, — отозвался я с ухмылкой. — Скажите, а вы нас обратно в Сан-Хуан не подбросите? Мы просто в отчаянии.

— Конечно, — сказал пилот. — Я лечу туда в четыре. У меня два пассажира и два свободных места. — Он кивнул. — Вам повезло, что вы так рано меня нашли, — я их долго томить не стану.

— О Боже, — выдохнул я. — Вы нас просто спасли. Запрашивайте любую цену — я запишу это на счет Зимбургера.

Пилот широко ухмыльнулся.

— Вот и славно. А то я не знал, кому бы это сгрузить. — Он допил кофе и поставил чашечку на стойку. — Теперь мне надо бежать, — сказал он. — Подтягивайтесь на взлетную полосу к четверем — там будет тот же красный «апач».

— Не беспокойтесь, — заверил я. — Мы не опоздаем.

Толпа все густела. Самолеты отлетали в Сан-Хуан каждые полчаса, но все места были зарезервированы. Народ, ожидавший вакасий, мало-помалу снова начал напиваться, вытаскивая из поклажи бутылки виски и пуская их по кругу.

О чем-то думать было просто невыносимо. Мне хотелось покоя, уединения собственной квартиры, бокала вместо бумажного стаканчика, четырех стен между собой и кошмарной толпой пьяниц, что давила со всех сторон.

В четыре мы вышли на взлетную полосу и нашли там красный «апач». Пилот уже прогрел мотор. Полет занял тридцать минут. С нами летела молодая парочка из Атланты; они прибыли утром из Сан-Хуана и теперь желали как можно скорее отсюда убраться. Их до глубины души потрясли дикие и бесцеремонные ниггеры.

Меня подмывало поведать им про Шено, изложить все подробности и закончить чудовищным предположением на предмет того, где она сейчас и чем занимается. Однако вместо этого я сидел и молча глазел на белые облака. Чувствовал я себя так, будто пережил долгий и опасный загул и теперь возвращался домой.

Моя машина стояла на том же месте, где я ее и оставил, а мотороллер Йемона был прикован к ограде рядом с кабинкой зрителя. Отцепив его, Йемон сказал, что едет к себе домой, хотя я предложил ему остаться у меня и забрать Шено, если в течение ночи она вдруг там объявится.

— Черт побери, — сказал я. — Раз уж на то пошло, она могла уже вернуться. Она вполне могла подумать, что прошлой ночью мы ее бросили, и сразу отправиться в аэропорт.

— Угу, — отозвался Йемон, резко дергая мотороллер. — Именно так, Кемп, все и случилось. Надо полагать, когда я вернусь домой, у нее уже и обед будет готов.

Я проследовал за ним по длинной подъездной аллее и помахал на прощание, сворачивая на шоссе к Сан-Хуану. Вернувшись в квартиру, я немедленно отправился ко сну и не просыпался до следующего полудня.

По пути в редакцию я задумался, не рассказать ли там что-нибудь про Шено, однако стоило мне войти в отдел новостей, как Шено вылетела у меня из головы. Сала подозвал меня к столу, где у него шла возбужденная беседа со Шварцем и Мобергом.

— Все кончено! — заорал он. — Ты вполне мог на Сент-Томасе остаться. — Оказалось, Се-

гарра уволился, а Лоттерман вчера вечером отбыл в Майами — предположительно, в последней попытке найти новый источник финансирования. Сала был убежден, что газета сходит на говно, однако Мoberг считал, что это ложная тревога.

— У Лоттермана куча денег, — заверил он нас. — А в Майами он свою дочь поехал проводить — так он мне перед самым отлетом сказал.

Сала горестно рассмеялся.

— Окстись, Мoberг, — неужели ты думаешь, что Скользкий Ник бросил бы такую синекуру, если бы в стенку не уперся? Встань лицом к фактам — мы безработные.

— Проклятье! — воскликнул Шварц. — Я только-только тут пристроился. За десять лет это первая работа, которую мне хотелось бы сохранить.

Шварцу было около сорока, и хотя я мало виделся с ним вне работы, он мне нравился. В редакции он работал как папа Карло, никогда никого не доставал, а все свободное время пьянствовал в самых дорогих барах, какие только мог отыскать. Эла, по его словам, он ненавидел: там было слишком интимно, да и грязно вдобавок. Ему нравились «Марлин-Клуб», «Карибе-Лонж» и другие бары при отелях, где можно было носить галстук, мирно напиваться и временами наблюдать славное представление среди публики. Шварц много работал, а когда кончал работать, то пил. Дальше он спал, а затем возвращался на работу. Журналистика была для Шварца составной картинкой, простым процессом сложения газеты воедино — так, чтобы все друг к другу подходило. И ничем больше. Такую работу он считал честной и неплохо ею овладел; все дело он свел к шаблону и чертовски славно умел раз за разом этот шаблон реализовывать. Ничто не раздражало его больше сумасбродов и чудачков. Они мешали Шварцу жить, погружая его в бесконечные размышления.

Сала посмеялся над ним.

— Не волнуйся, Шварц, — ты получишь пенсию. А еще, надо думать, сорок акров и мула.

Я вспомнил первое появление Шварца в газете. Он вошел в отдел новостей и попросил работу примерно так же, как попросил бы стрижку в парикмахерской, — при этом у него было не больше сомнений, что ему откажут. Теперь же, будь в городке другая англоязычная газета, крах «Ньюс» означал бы для Шварца не больше чем кончина любимого парикмахера. Его расстраивала вовсе не потеря работы, а тот факт, что возникала угроза нарушения определенного хода вещей. Если газета сворачивалась, Шварц тем самым против воли вовлекался в некое странное и беспорядочное действие. И тут у него возникали проблемы. Шварц с блеском мог вытворить что-нибудь странное и беспорядочное — но только если он сам это запланировал. А все, сделанное экспромтом, представлялось ему не только глупым, но и аморальным. Все равно как поездка на Карибы без галстука. Образ жизни Мoberга он рассматривал как преступное позорище и звал его «дегенеративным летуном». Я знал, что именно Шварц вложил в голову Лоттермана мысль о том, что Мoberг вор. Сала посмотрел на меня.

— Шварц боится, что ему откажут в кредите у Марлина и он потеряет свое специальное сиденье в самом углу бара — то самое, которое там для старейшины белых журналистов приберегают.

Шварц грустно покачал головой.

— Ты циничный дурак, Сала, и не лечишься. Посмотрим, каково тебе будет новую работу искать.

Сала встал и направился в темную комнату.

— В этом месте работы больше нет, — бросил он. — Когда Скользкий Ник бежит с корабля, можно поручиться, что команда уже дана.

Несколько часов спустя мы перешли через улицу, чтобы выпить. Я поведал Сале про Шено, и на всем протяжении рассказа он нервно ерзал на стуле.

— Черт, что за пакость! — воскликнул он, когда я закончил. — Просто блевать тянет! — Он треснул кулаком по столу. — Проклятье, я знал, что что-то такое случится, — разве я тебе не говорил? Я кивнул, уставившись на лед в бокале.

— Какого черта ты ничего не предпринял? — с жаром спросил Сала. — Йемон очень хорош, когда надо кому-то морду набить, — а где он был все это время?

— Слишком быстро все получилось, — ответил я. — Он попытался это блядство остановить, но его просто растоптали.

Сала немного подумал.

— Какого черта вы ее туда притащили?

— Валяй дальше, — отозвался я. — Я пошел туда не за тем, чтобы для какой-то ненормальной дуэньи разыгрывать. — Я взглянул ему в лицо. — А ты почему не остался дома и не почитал книжку на сон грядущий, когда нас полиция отметелила?

Сала покачал головой и откинулся на спинку сиденья. После двух-трех минут молчания он снова поднял взгляд.

— Скажи, Кемп, куда мы, черт нас возьми, катимся? Я и впрямь начинаю думать, что мы обречены. — Он нервно потер щеку и понизил голос. — Я серьезно, — продолжил он. — Мы всё нажираемся и нажираемся, и вся эта жуть то и дело происходит, и каждый следующий раз хуже предыдущего... — Он безнадежно махнул рукой. — Черт побери, это уже совсем не смешно — вся наша удача неуклонно сходит на нет.

Когда мы вернулись в редакцию, я вспомнил эти его слова и начал думать, что Сала вполне может быть прав. Он все время толковал про удачу, судьбу и числа, и в то же время ни разу не рискнул даже центом в каком-нибудь казино, ибо знал, что всю прибыль имеет заведение. И под пессимизмом, печальной убежденностью, что весь механизм настроен против него, в глубине души у него оставалась вера, что он, Роберт Сала, способен этот механизм перехитрить, — путем внимательного наблюдения за различными знаменами он может узнать, когда увернуться и спастись. Такой пессимизм имел определенную лазейку, и все, что нужно было делать, чтобы эта лазейка сработала, это наблюдать за знаменами. Выживание по координации, не иначе. Гонку выигрывает не самый быстрый и битву не самый сильный — а тот, кто способен увидеть приближение момента и отскочить в сторону. Как лягушка уворачивается от цапли в полуденном болоте.

Твердо держа в уме теорию Салы, я тем же вечером отправился повидаться с Сандерсоном, дабы выпрыгнуть из трясины нависшей над головой безработицы на высокую и сухую ветку денежных заданий. Никакой иной ветки в пределах тысячи миль я не наблюдал — и пропусти я ее, это означало бы долгий рейс к новой точке опоры, причем я не имел ни малейшего представления, где эта точка окажется.

Сандерсон встретил меня чеком на пятьдесят долларов, который я принял за благое знамение.

— Это за статью, — объяснил он. — Выходи на веранду, сейчас мы тебе выпивку смешаем.

— Выпивку, черт возьми, — буркнул я. — Я тут страхование по безработице высматриваю.

Сандерсон рассмеялся.

— Я должен был догадаться — особенно после сегодняшних новостей. Мы задержались на кухне, чтобы достать немного льда.

— Ты, конечно, знал, что Сегарра хочет уволиться, — сказал я.

— Конечно, — отозвался он.

— О Господи, — пробормотал я. — Скажи, Хел, — что день грядущий мне готовит? Разбогатею я или разорюсь?

Сандерсон рассмеялся и пошел на веранду, откуда доносились чьи-то голоса.

— Не беспокойся, — бросил он через плечо. — Просто держись где попрохладнее.

Мне не очень хотелось общаться с целой компанией новых людей, но я все же вышел на веранду. Гости были молоды — они только-только прибыли с чего-то страшно захватывающего, и их очень-очень интересовало Пуэрто-Рико и все-все его перспективы. Я почувствовал себя преуспевающим и осведомленным. После того как меня несколько дней подряд рвали и терзали гнилые ветры паскудной жизни, славно было себя так чувствовать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

На следующее утро меня разбудил стук в дверь — негромкий, но настойчивый. «Не открывай, — сказал я себе, — не позволяй этому случиться». Усевшись на кровати, я битую минуту смотрел на дверь. Затем вслух простонал, опуская лицо на ладони и отчаянно желая оказаться где угодно, в любой дыре, но только не здесь — только бы не впутываться в эту историю. Наконец я встал и медленно прошел к двери.

На Шено была та же самая одежда, но выглядела она теперь грязной и измученной. Хрупкие иллюзии, что ведут нас по жизни, в силах выдержать лишь определенный нажим — и теперь, глядя на Шено, мне хотелось захлопнуть дверь и вернуться в постель.

— Доброе утро, — поздоровался я.

Она молчала.

— Входи, — наконец предложил я, отступая в сторону, чтобы освободить проход.

Шено продолжала сверлить меня взглядом, от которого я еще пуще занервничал. Во взгляде этом я различил унижение и шок, но было там и что-то еще — смесь печали и радостного удивления, едва ли не улыбка.

Жутковато было за этим наблюдать, и чем дольше я смотрел, тем тверже убеждался, что Шено не в своем уме. Наконец она прошла к кухонному столу и поставила на него свою соломенную сумочку.

— Тут мило, — тихо произнесла она, оглядывая квартиру.

— Угу, — буркнул я. — Тут нормально.

— Я не знала, где ты живешь, — сказала Шено. — Пришлось в газету позвонить.

— Как ты сюда добралась? — спросил я.

— На такси. — Она кивком указала на дверь. — Таксист ждет снаружи. У меня совсем нет денег.

— Господи, — выдохнул я. — Ладно, я сейчас выйду и расплачусь. Сколько там набежало?

Шено покачала головой.

— Не знаю.

Отыскав бумажник, я направился к двери. Тут до меня дошло, что на мне одни трусы. Тогда я вернулся к шкафу и натянул брюки, отчаянно желая выйти отсюда и собраться с мыслями.

— Не беспокойся, — сказал я. — Я все улажу.

— Я знаю, — устало отозвалась она. — Можно мне прилечь?

— Конечно, — торопливо закивал я, подсакивая к кровати. — Вот, я тут все для тебя поправлю. Эта кровать запросто в диван превращается. — Я подтянул простыни и засунул между ними одеяло, разглаживая морщины, словно хорошая домработница.

Шено села на кровать, наблюдая, как я натягиваю рубашку.

— Чудная квартирка, — промолвила она. — Столько солнца.

— Ага, — отозвался я, продвигаясь к двери. — Ну вот, сейчас я заплачу за такси — через минуту вернусь. — И я сбежал по ступенькам на улицу. Таксист радостно улыбался, пока я к нему подходил. — Сколько там? — спросил я, раскрывая бумажник.

Он с готовностью кивнул.

— Си, буэно. Сеньорита сказала, вы платите. Буэно, грасиас. Сеньорита тут не очень. — Он со значением указал на голову.

— Да-да, — сказал я. — Куанто эс?

— А, си, — отозвался он, поднимая семь пальцев. — Семь доларес, си.

— Вы спятили! — воскликнул я.

— Си, — быстро сказал он. — Мы все ездим, туда, сюда, туда, сюда, стоп тут, стоп там... — Он снова покачал головой. — Си, два часа, локо, сеньорита сказала, вы платите.

Я отстегнул ему семь долларов, ни секунды не сомневаясь, что он врет, но в то же время охотно веря, что утро вышло «локо». Несомненно, для него оно оказалось достаточно безумным, а теперь наступила моя очередь. Я понаблюдал, как он отъезжает, затем отошел в тень раскидистого дерева — так, чтобы не было видно из окон. «Проклятье, что мне теперь с ней делать?» — подумалось мне. Я был на босу ногу, и песок приятно охлаждал ступни. Я взглянул на дерево, затем на окно квартиры. Она была там, уже в постели. Итак, газета вот-вот готова была накрыться, а у меня на руках вдруг оказалась девушка без гроша в кармане, да вдобавок еще и психованная. Что я мог сказать Йемону или даже Сале? Все это было уже слишком. Я решил, что должен сбыть ее с рук, — даже если для этого придется оплатить ей самолет до Нью-Йорка.

Я поднялся к квартире и открыл дверь, чувствуя себя немного спокойнее теперь, когда я собрался с мыслями. Шено валялась на кровати, уставившись в потолок.

— Ты завтракала? — спросил я, тщетно стараясь придать голосу радостный тон.

— Нет, — ответила она так тихо, что я едва расслышал.

— Ну что ж, у меня тут всё есть, — сказал я. — Яйца, бекон, кофе, все дела. — Я подошел к раковине. — Как насчет апельсинового сока?

— Хорошо бы апельсиновый сок, — отозвалась Шено, по-прежнему глядя в потолок.

Счастливый, что могу хоть чем-то себя занять, я приготовил целую сковородку яичницы с беко-

ном. Время от времени я оглядывался на кровать. Шено лежала на спине, сложив руки на животе.

— Шено, — наконец позвал я. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Хорошо, — отозвалась она тем же безразличным голосом.

Я повернулся к ней.

— Может, врача вызвать?

— Нет, — ответила Шено. — Мне хорошо. Просто хочу отдохнуть.

Я пожал плечами и вернулся к плите. Разложив яичницу с беконом на две тарелки, я налил два стакана молока.

— Вот, — сказал я, поднося одну из тарелок к кровати. — Поешь — может, полегчает.

Она даже не пошевелилась, и я поставил тарелку на столик рядом с кроватью.

— Лучше поешь, — посоветовал я. — Выглядишь ты чертовски скверно.

Шено продолжала таращиться в потолок.

— Знаю, — прошептала она. — Дай мне только немного отдохнуть.

— Ладно, — согласился я. — Мне все равно на работу пора. — Я прошел на кухню и выпил два глотка теплого рома, затем принял душ и оделся. Когда я уходил, еда на столике по-прежнему была не тронута. — Увидимся около восьми, — сказал я. — Если что-то понадобится, звони в газету.

— Хорошо, — отозвалась Шено. — До свидания.

Большую часть дня я провел в библиотеке, делая выписки по предыдущим антикоммунистическим расследованиям и высматривая биографический материал на участников слушаний, начало которых было назначено на четверг. Салы я избегал, надеясь, что сам он не станет меня разыскивать, чтобы спросить новости о Шено. В шесть часов Лоттерман позвонил из Майами, велел Шварцу управляться с газетой и сказал, что вернется в пятницу с «хорошими новостями». Это могло означать только то, что он нашел какой-то новый источник финансирования — а стало быть, газета могла еще немного протянуть, и у меня по-прежнему оставалась работа.

Я ушел около семи. Делать больше было нечего, и я не хотел, чтобы общий поток затянул меня к Элу. Спустившись по черной лестнице, я, точно беглый каторжник, проскользнул в машину. Где-то в Сантурсе я сбил собаку, но даже не остановился. Когда я добрался до квартиры, Шено все еще спала.

Я приготовил несколько сандвичей и сварил кофе. Пока я гремел на кухне, Шено проснулась.

— Привет, — тихо сказала она.

— Привет, — не поворачиваясь, отозвался я. Откупорив банку томатного супа, я поставил его на конфорку. — Есть хочешь? — спросил я.

— Да, пожалуй, — пробормотала Шено, садясь на кровати. — Я бы сама приготовила.

— Уже готово, — сказал я. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — ответила она. — Гораздо лучше.

Я отнес сандвич с ветчиной и тарелку супа к кровати. Утренняя яичница с беконом по-прежнему там стояла, холодная и засохшая. Я убрал тарелку со столика и поставил туда свежую еду.

Шено подняла глаза и улыбнулась.

— Ты такой хороший, Пол.

— Я не хороший, — бросил я по дороге на кухню. — Просто я немного смущен.

— Почему? — спросила она. — Из-за того, что случилось?

Я отнес свой обед на стол у окна и сел.

— Угу, — после короткой паузы буркнул я. — Ты... гм... твои поступки в эти несколько дней были... гм... мягко говоря, малопонятными.

Шено вдруг стала усердно разглядывать свои ладони.

— Почему ты меня впустил? — наконец спросила она.

Я пожал плечами.

— Не знаю. А что, ты думала, я тебя не впущу?

— Я не знала, — ответила она. — Я не знала, как у тебя настроение.

— Я и сам не знал, — пробормотал я.

Внезапно Шено перевела глаза на меня.

— Я не знала, что мне делать! — выпалила она. — Когда я села на тот самолет, мне хотелось, чтобы он разбился! Мне хотелось, чтобы он взорвался и утонул в океане!

— А где ты взяла билет на самолет? — поинтересовался я. — Мне казалось, денег у тебя не было. — Я спросил не подумав и почти тут же об этом пожалел.

Шено явно была потрясена — и заплакала.

— Кто-то мне его купил, — прорыдала она. — У меня совсем не было денег, и я...

— Не бери в голову, — быстро вставил я. — Вообще-то я не хотел спрашивать. Просто играл в журналиста.

Опустив лицо на ладони, она продолжала плакать. Я приналег на еду, пока Шено не успокоилась, а тогда снова на нее посмотрел.

— Послушай, — начал я. — Давай начнем все сначала. Я так прикидываю, у тебя были скверные переживания, и вопросов больше задавать не буду. Идет?

Не поднимая глаз, она кивнула.

— Я только хочу знать, — продолжил я, — что ты теперь намерена делать. — Шено, похоже, снова собралась зарыдать, и я быстро добавил: — Просто чтобы я смог тебе помочь.

— А Фриц что думает? — всхлипнула она.

Я хмыкнул.

— Когда я его последний раз видел, особенно счастливым он не выглядел. Хотя это был воскресный вечер, и чувствовали мы себя погано. Быть может, сейчас он по-другому себя чувствует.

Шено подняла глаза.

— А что случилось — он в драку ввязался?

Я молча на нее воззрился.

— Не смотри на меня так! — завизжала она. — Я не помню!

Я развел руками.

— Ну...

— Последнее, что я помню, это как мы в этот дом вошли, — выговорила Шено. — И больше я до следующего дня ничего не помню!

Она упала на кровать и долго плакала. Я прошел на кухню и налил себе чашку кофе. Меня подмывало отвезти ее к Йемону и оставить на дороге перед домом. Я немного над этим поразмыслил и решил, что лучше я для начала с ним поговорю и выясню его настроение. На мой взгляд, Йемон запросто мог переломать ей руки-ноги, объявись Шено глухой ночью у него дома со своим жутким рассказом. Того немногого, что она мне поведала, вполне хватило, чтобы убить все мои надежды на то, что случившееся было какой-то нелепой ошибкой, и теперь я больше ничего не хотел слушать. «Чем раньше я ее отсюда выставлю, — подумал я, — тем лучше. Если я на следующий день не увижусь с Йемоном в городке, то поеду к нему домой после работы».

Наконец Шено перестала плакать и заснула. Несколько часов я сидел у окна и читал, потягивая ром, пока сонливость не одолела. Тогда я оттолкнул Шено к одному краю кровати и очень аккуратно растянулся на другом.

Когда я на следующее утро проснулся, Шено уже возилась на кухне.

— Моя очередь готовить, — с радостной улыбкой пояснила она. — Просто посиди там, и тебя обслужат.

Она принесла мне бокал апельсинового сока и солидный омлет. Затем мы оба сидели на кровати и ели. Шено казалась спокойной и болтала о том, что к тому времени, как я вернусь с работы, она непременно приберется в квартире. Вчера я хотел ей сказать, что увижусь с Йемоном и сбдую ее с рук, но сегодня одна мысль о таком сообщении заставляла меня чувствовать себя людоедом. «Да что, в самом деле, за черт, — подумал я. — Нет смысла говорить — надо просто сделать».

Тут Шено принесла кофе на маленьком подносике.

— После кофе я бы хотела принять душ, — сообщила она. — Ты не против?

Я рассмеялся.

— Да, Шено, я категорически запрещаю тебе пользоваться душем.

Она улыбнулась, а когда закончила с кофе, то зашла в ванную, и я услышал, как льется вода. Я прошел на кухню налить себе еще чашку кофе. Тут мне стало неловко в одних трусах, и я решил одеться, прежде чем Шено выйдет из душа. Но для начала я спустился по лестнице за газетой. Войдя обратно в квартиру, я услышал, как она зовет из ванной:

— Пол, не зайдешь на минутку?

Я подошел и распахнул дверь, полагая, что Шено задернула занавеску. Но она этого не сделала — и поприветствовала меня широкой улыбкой.

— Снова человеком себя чувствую! — воскликнула она. — Разве я не красива? — Шено вышла из-под душа и повернулась ко мне, грациозно поднимая руки, точно фотомодель, рекламирующая какое-то новое и необычное мыло. Поза была полна такой волшебной, нимфетической самовлюбленности, что я волей-неволей рассмеялся.

— Присоединяйся, — радостно предложила она. — Тут так чудесно!

Я перестал смеяться, и в ванной повисла странная тишина. Где-то у меня в затылке прозвенел гонг, а затем мелодраматический голос произнес: «Сим завершаются „Приключения Пола Кемпа, Пьяного Журналиста“. Он узрел знамения и понял, что момент близится, но был слишком большим развратником, чтобы убраться с дороги». Дальше орган заиграл какую-то лихорадочную панихиду, а затем я переступил через упавшие на пол трусы и оказался под душем вместе с Шено. Помню, как ее мыльные ручонки терли мне спину, а я отчаянно закрывал глаза, пока моя несчастная душа вела неравную битву с моим пахом. Наконец я сдался, как утопающий, не нашедший даже соломинки, — и мы обильно увлажнили постель нашими телами.

Шено привольно валялась на кровати с мирной улыбкой на лице, все еще влажная от душа, когда я наконец ушел на работу. Всю дорогу до Сан-Хуана я машинально рулил, бормоча всякую ерунду и мотая головой словно беглый преступник, которого в конце концов выследили.

Когда я добрался до редакции, на столе у меня оказались две вещи: книжонка, озаглавленная «72 верных способа позабавиться», и записка, где говорилось, что Сандерсон просил меня ему позвонить.

Я спросил у Шварца, нет ли каких-то срочных заданий. Их не оказалось, и я пошел выпить кофе. Я намеренно прошел несколько кварталов вдоль набережной, чтобы максимально обезопасить себя от встречи с Салой. Я также ожидал, что в редакцию в любую минуту может заглянуть Йемон. Мне требовалось время, чтобы собраться с мыслями, но в конце концов я решил, что ничего такого утром не случилось. А если и случилось, это ничего не меняло. Я все равно увижусь с Йемоном и сбуду Шено с рук. Если он не приедет в городок, я отправлюсь к нему после работы.

Когда я понял, что способен держать себя в руках, то вернулся в редакцию. К двум тридцати мне надо было явиться в «Карибе» для разговора с одним конгрессменом, который прилетел на Пуэрто-Рико в связи с антикоммунистическим расследованием. Я подъехал туда и битых два часа общался с этим человеком. Мы сидели на террасе и пили пунш с ромом. Когда я собрался уходить, он поблагодарил меня за «ценную информацию», которую я ему предоставил.

— Вам спасибо, сенатор, — отозвался я. — Рассказ что надо получится. — Вернувшись в редакцию, я оказался в затруднении, когда из целого разговора потребовалось сделать четыре абзаца. Затем я позвонил Сандерсону.

— Как идет брошюра? — поинтересовался он.

— О Господи, — пробормотал я вместо ответа.

— Черт возьми, Пол, ты же на этой неделе черновик обещал. Выходит, ты этого разгильдяя Йемона почище.

— Ладно, — устало выговорил я. — Прямо сейчас, Хел, у меня мозги не на месте. Подброшу тебе черновик в воскресенье. Или в понедельник.

— А что такое? — спросил он.

— Да ничего, — ответил я. — Сегодня вечером я с этими делами развяжусь, а потом за брошюру сяду, ага?

Не успел я повесить трубку, как Шварц поманил меня к своему столу.

— На Байамон-роуд большая авария, — сообщил он, вручая мне листок с каракулями. — Салы нигде нет. Ты с фотоаппаратом обращаться умеешь?

— Ясное дело, — ответил я. — Только несколько «никонов» в темной комнате возьму.

— Верно мыслишь, — одобрил он. — Возьми их все.

Я мчал во весь дух по Байамон-роуд, пока не увидел красную мигалку «скорой помощи». Приехал я как раз вовремя, чтобы заснять один из трупов, лежавший в пыли рядом с перевернутым фермерским грузовиком. По какой-то никому не ведомой причине грузовик резко свернул со своей полосы и столкнулся лоб в лоб с автобусом. Я задал несколько вопросов, немного потолковал с полицей-

скими, затем поспешил обратно в редакцию, чтобы написать заметку. Я лихорадочно стучал по клавишам, отчаянно торопясь закончить чертову ерундовину и выбраться к...

Внезапно я понял, что не поеду к Йемону. Я торопился потому, что хотел как можно скорее вернуться в квартиру. Именно этим я и был все время озабочен, и теперь, когда день подошел к концу, я мысленно простонал, когда правда просочилась наружу и стала колоть глаза.

Я сдал заметку и спустился по лестнице к машине, прикидывая, что неплохо бы посмотреть у Эла — там Йемон или нет. Однако то, что тянуло меня в направлении квартиры, было слишком громким и могущественным. Я направился было к Элу, но затем резко повернул в сторону Кондадо и весь остальной путь до квартиры мучительно старался ни о чем не думать.

Шено напялила одну из моих рубашек, и она висела на ней как короткая ночная сорочка. Когда я вошел, она радостно улыбнулась и встала с кровати, чтобы смешать мне выпивку. Рубашка бесстыдно хлопала ее по бедрам, пока она легкой походкой удалялась на кухню.

Я чувствовал полное поражение. Какое-то время я бродил по квартире, едва слыша счастливую болтовню Шено, затем окончательно сдался, подошел к постели и разделся. Я навалился на Шено с таким неистовством, что ее улыбка мигом исчезла и сменилась отчаянным сосредоточением. Она дрыгала ногами, вопила, выгибала спину и все еще от души работала, когда я взорвался у нее внутри и в полном изнеможении обмяк. Наконец она сдалась и, сцепив ноги у меня на бедрах, а руки на шее, заплакала.

Я приподнялся на локте и взглянул на нее.

— Ты что? — спросил я.

Не открывая глаз, Шено помотала головой.

— Не могу, — всхлинула она. — Вроде бы совсем рядом, но не могу.

Я еще какое-то время на нее смотрел, думая, что сказать, затем положил голову на постель и вслух простонал. Мы очень долго так лежали, а когда наконец встали, она взялась готовить обед, а я — читать «Майами Геральд».

На следующее утро я поехал к Йемону. Я не очень хорошо представлял, что собираюсь ему сказать, а потому всю дорогу думал о скверных чертах его характера, чтобы лгать, не чувствуя за собой вины. И все же крайне затруднительно было увидеть в конце той подъездной аллеи гнусного ублюдка. Жаркая, умиротворяющая красота океана, песка и золотисто-зеленых пальм совершенно выбила меня из колеи, и к тому времени, как я добрался до пляжного домика, я уже чувствовал себя морально разложившейся мразью.

Йемон сидел голым в патио, попивая кофе и читая книжку. Я подкатил к домику и вылез из машины. Увидев меня, он улыбнулся.

— Какими судьбами?

— Шено вернулась, — сообщил я. — Она у меня в квартире.

— Когда? — поинтересовался он.

— Вчера. Я хотел вчера вечером ее привезти, но затем решил посмотреть, как у тебя настроение.

— Что случилось? — спросил он. — Она тебе рассказала?

— Только урывками, — ответил я. — Звучит не очень весело.

Йемон продолжал пристально на меня смотреть.

— Ну и что она думает делать?

— Не знаю, — буркнул я, испытывая все большую и большую неловкость. — Ты хочешь, чтобы я ее сюда привез?

Йемон на мгновение взглянул на море, затем снова на меня.

— Нет, черт возьми, — рявкнул он. — Она твоя — с чем я тебя и поздравляю.

— Брось чепуху пороть, — сказал я. — Она просто забрела ко мне в квартиру — ей было чертовски скверно.

— Кому какое дело? — отозвался он.

— Хорошо, — медленно проговорил я. — В таком случае, она хочет, чтобы я забрал ее одежду.

— Конечно, — сказал Йемон, вставая из кресла. Затем он вошел в хижину и принялся выбрасывать вещи за дверь. В основном это была одежда, но попадались там также зеркала, коробочки и всякие стеклянные фигурки, которые разбивались в патио.

Я подошел к двери.

— Прекрати! — заорал я. — Какая муха тебя укусила?

Йемон вышел с чемоданом и швырнул его в сторону машины.

— Убирайся отсюда на хрен! — крикнул он. — Вы с этой шлюхой отлично споетесь!

Под пристальным взглядом Йемона я загрузил кипу одежды в багажник. Когда все запаковал, открыл дверцу и сел.

— Позвони мне в газету, — сказал я. — Но только сначала остынь. У меня и без тебя проблем выше головы.

Он волком на меня глянул, и я поспешил дать задний ход на дорогу. Все вышло почти по самому плохому варианту, и мне хотелось убраться подальше, прежде чем станет совсем скверно. Я от души выжал газ, и маленькая машинка запрыгала по рытвинам будто джип, поднимая клубы густой пыли. Был уже почти полдень, и солнце палило немилосердно. Море накатывало на дюны, а с болот поднимался парной туман, который невыносимо жег глаза и застилал солнце. Я проехал мимо «Кольмадо-де-Хесус-Лопо» и снова увидел облокотившегося о прилавок старика. Он глазел на меня так, словно прекрасно знал всю историю и вовсе не был удивлен.

Когда я вернулся в квартиру, Шено мыла посуду. Только я вошел, она посмотрела через плечо и улыбнулась.

— Ты все-таки там побывал, — сказала она. — Я сомневалась, что ты справишься.

— Он был не слишком доволен, — отозвался я, сгружая кипу ее одежды на кровать.

Шено грустно улыбнулась, и мне от этой улыбки стало совсем скверно.

— Бедняга Фриц, — промолвила она. — Никогда он не повзрослеет.

— Угу, — буркнул я и вернулся к машине забрать еще ком одежды.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

На следующее утро по пути в редакцию я остановился у Эла и нашел Салу в патио. Он пил пиво и просматривал свежий номер «Лайф-эн-Эспаньол». Я взял на кухне кувшин рома со льдом и подошел к его столику.

— Есть интерес? — спросил я, кивком указывая на журнал.

— Нет, черт возьми, — проворчал Сала. — Сюда никак не воткнуться — Сандерсон говорит, они график еще прошлой осенью расписали.

— Ну и что? — отозвался я. — Тебе же платят.

Отшвырнув журнал в сторону, Сала откинулся на спинку стула.

— Тут только половина вопроса, — сказал он. — Я не могу получить плату в любое время.

Мы немного посидели молча, затем он поднял взгляд.

— Дерьмовое тут место, Кемп, — дерьмовей я в жизни не видел. — Он сунул руку в карман рубашки за сигаретой. — Пожалуй, пора старине Роберту лыжи налаживать.

Я улыбнулся.

— Нет, теперь это точно надолго не затянется, — заверил Сала. — Лоттерман возвращается сегодня, и я не удивлюсь, если уже к полуночи он закроет газету. — Он кивнул. — В ту самую минуту, как мне вручат чек с зарплатой, я собираюсь лететь во весь дух к банку, чтобы его обналичить.

— Не знаю, не знаю, — отозвался я. — Шварц говорит, какие-то деньги он все-таки достал.

Сала покачал головой.

— Бедняга Шварц. Он будет ходить на работу даже когда из редакции сделают кегельбан. — Он усмехнулся. — А что еще? Роскошный кегельбан под названием «Эль-Заголовок», где Моберг будет барменом. Возможно, хозяева наймут Шварца в качестве ходячей рекламы. — Тут он крикнул в сторону кухни про две бутылки пива, а затем посмотрел на меня. Я кивнул. — Тогда четыре, — проорал он. — И включите этот чертов кондиционер.

Затем Сала снова откинулся на спинку стула.

— Мне нужно линять с этого обломка скалы. Я знаю кое-кого в Мехико — можно попытаться. — Он ухмыльнулся. — Там, по крайней мере, женщины есть.

— Черт возьми, — выругался я. — Вокруг тебя куча женщин — только задницу от стула оторви.

Сала поднял взгляд.

— А ты, Кемп, любитель шлюх.

Я рассмеялся.

— Почему?

— Почему! — возмутился он. — Учти, Кемп, я разгадал твои гнусные замыслы. Я всю дорогу что-то такое подозревал — и теперь ты увел у Йемона эту девушку.

— Что? — воскликнул я.

— Не отрицай, — сказал Сала. — Он уже был здесь сегодня — рассказал всю подлую историю.

— Ты идиот! — сказал я. — Шено просто заявила ко мне в квартиру. Ей больше некуда было пойти.

Сала ухмыльнулся.

— Она могла бы заявиться ко мне. Я, по крайней мере, порядочный человек.

Я фыркнул.

— Господи, да ты бы ее просто добил.

— Полагаю, ты спишь на полу, — продолжил он. — Знаю, знаю я эту квартирку, Кемп. Там только одна кровать, так что не корми меня христианской ерундистикой.

— Черт бы тебя побрал! — взорвался я. — Ты, сукин сын, так сексуально озабочен, что тебе вообще нет смысла о чем-то рассказывать!

Сала рассмеялся.

— Успокойся, Кемп, а то с тобой сейчас истерика сделается. Да знаю я, что ты эту девушку не трогал. Ясное дело, ты не такой. — Он снова рассмеялся и заказал еще четыре пива.

— Между прочим, — заметил я, — я ее обратно в Нью-Йорк отсылаю.

— Наверное, так оно лучше, — отозвался Сала. — От девушки, которая с целой толпой мужичья сбегает, добра не жди.

— Я же рассказал тебе, что там случилось, — сказал я. — Она ни с кем не сбегала.

Сала покачал головой.

— Проехали, — устало произнес он. — Меня это меньше всего волнует. Поступай как знаешь. У меня свои проблемы.

Прибыло пиво, и я посмотрел на часы.

— Почти полдень, — заметил я. — Ты что, на работу не собираешься?

— Пойду, когда хорошенько напьюсь, — ответил Сала. — Давай еще по пиву — а то в понедельник нас тут уже не будет.

Еще три часа мы пили не переставая, а потом поехали в редакцию. Лоттерман вернулся, но куда-то вышел. Наконец около пяти он пришел и собрал всех в центре помещения. Для пущей важности он забрался на стол.

— Ребята, — начал он. — Вы все будете рады узнать, что этот никчемный болван Сегарра наконец-то уволился. Хапуга, каких свет не видывал, да вдобавок еще и педераст. Теперь, когда он ушел, думаю, все у нас будет в порядке.

Раздалось несколько смешков, затем все затихло.

— И это только часть хороших новостей, — с улыбкой до ушей продолжил Лоттерман. — Полагаю, все вы знаете, что газета в последнее время никаких доходов не приносила. Но теперь, слава Богу, нам больше не надо об этом беспокоиться! — Он помолчал и огляделся. — Думаю, вы все слышали про Дэниэла Стейна — он мой старый друг, а с понедельника еще и совладелец этой газеты. — Он улыбнулся. — Я вошел к нему в кабинет и сказал: «Дэн, я хочу, чтобы моя газета работала». А он сказал: «Эд, сколько тебе нужно?» Вот, собственно, и всё. Сейчас его юристы готовят нужные бумаги, и они придут сюда в понедельник, чтобы я всё подписал. — Тут Лоттерман нервно потоптался на столе и снова улыбнулся. — Еще, парни, я знаю, что все вы ждете зарплату, и мне страшно жаль ломать ваши планы на уикенд, но по моему соглашению с Дэном я не могу давать вам никаких чеков, пока не подпишу те бумаги. Так что до понедельника вы ничего не получите. — Он торопливо кивнул. — Хотя, разумеется, каждый, кому понадобится несколько баксов, чтобы до той поры перебиться, может взять у меня займы. Не хочу, парни, чтобы вы нуждались, да еще меня в этом винули.

Раздался всплеск смеха, затем откуда-то с другого конца помещения послышался голос Салы.

— Я кое-что знаю про этого Стейна, — сказал он. — Вы уверены, что он справится?

Лоттерман взмахом руки отмел вопрос.

— Конечно, Боб, я уверен. Мы с Дэном старые друзья.

— Вот и славно, — отозвался Сала. — У меня ожидается чертовски напряженный уикенд, и, ес-

ли вы не против, я бы сразу занял у вас всю мою зарплату — тогда в понедельник вам уже не придется ничего мне выдавать.

Лоттерман пристально на него уставился.

— Ты на что, Боб, намекаешь?

— Я ни на что не намекаю, — сказал Сала. — Я просто хочу, чтобы вы одолжили мне сто двадцать пять баксов до понедельника.

— Это возмутительно! — воскликнул Лоттерман.

— Да, черт побери, возмутительно, — отозвался Сала. — Ведь я работал в Майами, помните? И знаю Стейна. Он известный растратчик. — Он закурил сигарету. — А кроме того, в понедельник меня тут может не быть.

— Что ты имеешь в виду? — прокричал Лоттерман. — Ты увольняешься?

— Этого я не сказал, — ответил Сала.

— Ну вот что, Боб! — заорал Лоттерман. — Не знаю, что ты тут затеваешь, когда то болтаешь, что уволишься, то — что нет, но кем ты, черт возьми, себя возомнил?

Сала слабо улыбнулся.

— Не орите, Эд. А то мы тут все нервничаем. Я просто попросил у вас взаймы — вот и всё.

Лоттерман спрыгнул со стола.

— Можешь зайти ко мне в кабинет, — бросил он через плечо. — Кемп, тебя я хотел бы увидеть следующим. — Он махнул рукой. — Всё, парни, теперь пора снова за работу.

Сала последовал за ним в кабинет. Стоя неподалеку, я услышал недоуменную реплику Шварца:

— Это ужасно — не знаю, чему верить.

— Худшему, — посоветовал я.

Тут к нам подбежал Моберг.

— Он не посмеет! — выкрикнул он, — Ни жалованья, ни выходного пособия — мы этого не потерпим!

Дверь кабинета Лоттермана раскрылась, и оттуда вышел явно расстроенный Сала. Следом за ним появился Лоттерман и позвал меня к себе. Он подождал, пока я войду, затем плотно закрыл за нами дверь.

— Пол, — начал он. — Что мне с этими парнями делать?

Я посмотрел на него, не вполне понимая, что он имеет в виду.

— Я на канатах, — пояснил Лоттерман. — И ты единственный, с кем я могу поговорить. Все остальные просто стервятники.

— Ну да, — возразил я. — Я еще какой стервятник.

— Нет, ты не стервятник, — быстро сказал он. — Ты лентяй, но не стервятник — не как этот вонючий Сала. — Он злобно сплюнул. — Слышал ты ту муть, которой он меня кормил? Слышал ты когда-нибудь что-то подобное?

Я пожал плечами.

— Не знаю...

— Вот почему я хочу с тобой поговорить, — продолжил Лоттерман. — Я должен справиться с этими парнями. Мы в настоящей беде — этот парень Стейн загнал меня в угол. — Он посмотрел на меня и кивнул. — Если я не смогу продолжить выпуск газеты, он продаст ее как утиль. А я отправлюсь в долговую тюрьму.

— Звучит скверно, — заметил я.

Он сухо рассмеялся.

— Ты еще и половины не знаешь. — Тут голос его сделался сердечным и целеустремленным. — А теперь я хочу заставить этих парней сплотиться и хорошенько поработать. Ты должен сказать им, что нам надо держаться вместе — иначе утонем.

— Утонем? — переспросил я.

Лоттерман выразительно кивнул.

— Отлично соображаешь.

— Что ж, — медленно заговорил я. — Предложение не из приятных. Что, по-вашему, скажет Сала, если я выйду и скажу ему, что нам надо выплыть или утонуть вместе с «Дейли Ньюс»? — Я колебался. — А Шварц, а Вандервиц — или даже Моберг?

Лоттерман воззрился на свой стол.

— Верно, — отозвался он. — Думаю, все они дадут деру — как Сегарра. — Он треснул кулаком по столу. — Этот скользкий извращенец! Ведь он не просто сбежал — он об этом на весь Сан-Хуан растрезвонил! Разные люди то и дело говорят мне, что слышали, якобы газета — банкрот. Вот почему мне пришлось в Майами отправиться. В этом городке я и цента занять не смогу. Так меня эта сладкоречивая ящерица затрахала.

Меня так и подмывало спросить его, чего ради он вообще нанял Сегарру или почему он выпускает третьеразрядную газету, когда мог бы по крайней мере попробовать выпускать хорошую. И тут я вдруг понял, что до смерти устал от Лоттермана; он был мудозвоном и даже сам этого не знал, Лоттерман вечно болтал про Свободу Прессы и Продолжение Выпуска Газеты, но будь у него миллион долларов и вся свобода в мире, он все равно издавал бы никчемную газетенку, потому что у него элементарно не хватало ума издавать хорошую. Он просто был еще одним шумным мудаком в бесчисленном легионе прочих мудаков, что маршируют под знаменами людей больших и достойных. Свобода, Истина, Честь — достаточно потрепать сотней подобных слов, и за каждым соберется тысяча мудаков, помпезных хмырей, которые одну руку тянут к знамени, а другую под стол. Я встал.

— Знаете, Эд, — произнес я, впервые обращаясь к нему по имени, — пожалуй, я уволюсь.

Он взглянул на меня, и лицо его лишилось выражения.

— Да, — кивнул я. — В понедельник я вернусь за чеком, а потом, наверное, немного отдохну.

Тут Лоттерман выпрыгнул из кресла и подскочил ко мне.

— Ты, дешевый сукин сын из вонючей интеллектуальной элиты! — завопил он. — Видит Бог, я слишком долго терпел твою заносчивость! — Он толкнул меня к двери. — Ты уволен! — продолжил он орать, переходя на свинячий визг. — Убирайся из конторы, пока я тебя не посадил! — Он вытолкнул меня в отдел новостей, затем вернулся в свой кабинет и от души грохнул дверь.

Я прошел к своему столу и рассмеялся, когда Сала спросил меня, что случилось.

— Старик совсем из ума выжил, — ответил я. — Я сказал ему, что увольняюсь, а он взбеленился.

— Что ж, — сказал Сала. — Все так и так кончено. Он пообещал мне месячное жалованье, если я стану всем говорить, будто он уволил Сегарру из-за того, что тот педераст. Пообещал, что выплатит из собственного кармана, — даже если Стейн не справится.

— Вот гад! — возмутился я. — Мне он даже цента не предложил. — Я рассмеялся. — Хотя подтекстом звучало, будто он готов дать мне работу Сегарры — до понедельника.

— Ага, в понедельник все решится, — подхватил Сала. — Если Лоттерман хочет выпускать газету, ему придется нам заплатить. — Он покачал головой. — Хотя я сомневаюсь, что он это сделает, — думаю, он Стейну продался.

Тут он фыркнул.

— И что мы имеем? Если он не сможет заплатить персоналу, ему конец — независимо от того, что он там хочет. В одном я твердо уверен — он будет выпускать самую серую газету в Западном полушарии, если в понедельник я не получу свой чек. Завтра утром я сюда приду и очищу всю фотолaborаторию — девяносто девять процентов того барахла все равно мои.

— Да, черт возьми, — откликнулся я. — Придержи это в качестве выкупа. — Тут я ухмыльнулся. — Хотя, если Лоттерман нажмет, тебя свинтят за крупную кражу. Он даже может припомнить твой тысячедолларовый залог.

Сала покачал головой.

— Черт, все время об этом забываю. Как думаешь, он правда его выплатит?

— Не знаю, — сказал я. — Пожалуй, есть шанс, что он получил его назад, но мне бы страшно не хотелось на это рассчитывать.

— А, черт с ним, — махнул рукой Сала. — Давай к Элу закатимся.

Вечер был душный и жаркий, и мне безумно хотелось нажраться. Мы час с лишним сидели в патио, в темпе вальса употребляя ром, когда туда с ревом ворвался Донован. Он весь день провел на турнире по гольфу и только теперь узнал новости.

— Мать твою за ногу! — орал он. — Я вернулся в газету, а там никого, кроме Шварца, который скоро себе жопу на работе сотрет! — Он рухнул на стул. — Что случилось — нам кранты?

— Угу, — буркнул я. — Особенно тебе.

Донован с серьезным видом кивнул.

— У меня там по-прежнему крайний срок, — сказал он. — Я должен закончить с отделом спор-

та. — Он направился на улицу. — Вернусь через час, — пообещал он нам. — Мне бы только заметку про гольф сделать. Черт с ним, с остальным, — поставлю комикс на всю страницу.

Мы с Салой продолжали пить, а когда Донован вернулся, еще увеличили темп. К полуночи мы совсем оборзели, и я задумался про Шено. Я думал о ней еще примерно час, а потом встал и сказал, что еду домой.

По пути я остановился в Кондадо и купил бутылку рома. Когда я вошел в квартиру, Шено все в той же рубашке сидела на кровати и читала «Сердце тьмы».

Я захлопнул дверь и прошел на кухню смешать себе выпивку.

— Очнись и подумай о будущем, — бросил я через плечо. — Сегодня я подал в отставку и через пару минут был уволен.

Шено подняла взгляд и улыбнулась.

— Больше не будет денег?

— Ничего больше не будет, — ответил я, наполняя два бокала ромом. — Я уезжаю. Устал я от всего этого.

— Устал от чего? — спросила она.

Я принес один из бокалов к кровати.

— Вот, — сказал я. — В частности, от этого. — Я сунул бокал ей в ладонь, затем подошел к окну и выглянул на улицу. — А главное, — продолжил я, — я устал быть дерьмом — рыбой-прилипалой в человеческом обличье. — Я усмехнулся. — Знаешь про рыбу-прилипалу?

Шено помотала головой.

— У нее на брюхе такие махонькие присоски, — объяснил я. — И она цепляется к акуле. Когда у акулы бывает славная трапеза, прилипала питается объедками.

Она хихикнула и глотнула рома.

— Не смейся, — рявкнул я. — Ты тут наглядная демонстрация — сначала с Йемоном, потом со мной. — Гнусно было так говорить, но я разбушевался и готов был на все наплевать. — Будь оно все проклято! — добавил я. — И я не лучше. Если бы кто-то подошел ко мне и спросил: «Скажите, мистер Кемп, так какая у вас все-таки профессия?», я бы ответил: «Видите ли, я плаваю в мутной воде, пока не найду что-нибудь достаточно крупное и подлое, чтобы туда присосаться, — хорошего, знаете ли, добытчика, что-то с большими зубами и маленьким брюхом». — Я расхохотался. — Хорошая прилипала именно такую комбинацию ищет. Главное, чтобы брюхо поменьше.

Глядя на меня, Шено грустно качала головой.

— Это правда! — заорал я. — Я пьян и вдобавок свихнулся — ведь нет для меня никакой надежды, верно? — Я остановился и посмотрел на нее. — Клянусь Богом, для тебя тоже надежды мало. Ты такая дура, что даже прилипалу в человеке узнать не можешь! — Я снова принялся расхаживать. — Ты послала ко всем чертям единственного человека в округе, который без присосок на брюхе, а потом ухватила за меня — из всей здешней публики, черт бы ее побрал. — Я покачал головой. — Господи, да ведь у меня повсюду присоски — я так долго питался объедками, что уже не знаю, как выглядит настоящая еда.

Теперь Шено плакала, но я продолжал.

— Так что ты, Шено, теперь делать собираешься? Да что ты вообще можешь? — Я вернулся на кухню налить еще рома. — Тебе лучше начать задумываться, — сказал я. — Здесь твои дни сочтены — если только ты не пожелаешь платить за квартиру, когда я съеду.

Она продолжала плакать, и я подошел к окну.

— Никакой надежды для старой прилипалы, — пробормотал я, внезапно ощутив страшную усталость. Какое-то время я молча расхаживал по квартире, затем подошел к кровати и сел.

Шено перестала плакать и села, опираясь на локоть.

— Когда ты уезжаешь? — спросила она.

— Не знаю, — ответил я. — Наверное, на следующей неделе.

— Куда?

— Тоже не знаю — куда-нибудь, где еще не бывал.

Она немного помолчала, затем сказала:

— А я, пожалуй, в Нью-Йорк вернусь.

Я пожал плечами.

— Я куплю тебе билет на самолет. Конечно, я не могу себе этого позволить, но черт возьми...

— Тебе не придется, — сказала Шено. — У меня есть деньги.

Я уставился на нее.

— Мне казалось, тебе даже из Сент-Томаса не на что было вернуться.

— Тогда у меня не было денег, — объяснила она. — Они были в том чемодане, который ты от Фрица привез. Я их припрятала, чтобы у нас хоть что-то осталось. — Она слабо улыбнулась. — Там всего сотня долларов.

— Черт, — проронил я. — Тебе понадобится еще сколько-нибудь, когда ты до Нью-Йорка доберешься.

— Нет, не понадобится, — ответила она. — У меня еще останется пятьдесят, а кроме того... — Она запнулась. — Думаю, я ненадолго съезжу домой. Мои родители живут в Коннектикуте.

Я хмыкнул.

— Пожалуй, это неплохо.

Шено подалась вперед и положила голову мне на грудь.

— Это ужасно, — зарыдала она. — Но я не знаю, куда мне еще поехать.

Я обнял ее за плечи. Я тоже не знал, куда ей еще поехать и зачем, а также что она будет делать, когда туда доберется.

— Можно я здесь до отъезда останусь? — спросила Шено.

Я крепче обнял ее за плечи, притягивая к себе.

— Конечно, — ответил я. — Если ты считаешь, что сможешь тут выдержать.

— Что выдержать? — спросила она.

Я улыбнулся и встал.

— Сумасшествие, — сказал я. — Ничего, если я разденусь и напьюсь?

Шено хихикнула.

— А я? — спросила она.

— Ради бога, — отозвался я, раздеваясь. — Почему нет?

Я сделал еще несколько глотков рома и принес бутылку к столику рядом с кроватью. Затем я включил вентилятор и погасил свет, пока мы потягивали ром. Я откинулся на подушки, и Шено положила голову мне на грудь. Висела такая тишина, что казалось, звон льда у меня в бокале слышен аж на улице. Луна ярко светила в окно, и я наблюдал за лицом Шено, дивясь, откуда у нее такой мирный и сосредоточенный вид.

Вскоре я потянулся к столику и снова наполнил бокал. При этом я пролил немного рома на живот, и Шено наклонилась, чтобы его слизать. От прикосновения ее языка я весь задрожал. После недолгого размышления я опять взял бутылку и пролил немного рома себе на ногу. Шено взглянула на меня и улыбнулась, точно я разыгрывал какую-то эксцентричную шутку, а затем нагнулась и аккуратно слизала ром.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

На следующее утро мы проснулись рано. Пока Шено принимала душ, я поехал в отель за газетами. Я взял «Таймс» и «Триб», чтобы нам обоим было что почитать, а затем, словно в последнюю минуту додумав, купил два экземпляра того, что, по моей прикидке, должно было стать последним номером «Сан-Хуан Дейли Ньюс». Хотя бы один мне хотелось иметь в качестве сувенира.

Мы позавтракали за столом у окна, а потом пили кофе и читали газеты. Тем утром я впервые ощутил в своей квартире настоящий покой. Подумав об этом, я как-то по-дурацки себя почувствовал, потому что в первую очередь именно по этой причине мне хотелось иметь квартиру.

Я лежал на кровати, курил и слушал радио, пока Шено мыла посуду. Дул славный ветерок, и когда я выглянул из окна, видно мне было поверх деревьев и красных черепичных крыш аж до самого горизонта.

Шено снова надела мою рубашку, и я смотрел, как эта рубашка прыгает и порхает у нее на бедрах, пока она ходила по кухне. Вскоре я встал и подкрался к ней сзади, поднимая рубашку и обеими руками хватая ее за задницу. Шено взвизгнула и резко развернулась, а затем, смеясь, прижалась ко мне. Я обнял ее и шутливо задрал полу рубашки ей на голову. Мы немного постояли там, слегка покачиваясь, а затем я отнес ее на кровать, где мы очень тихо и медленно занялись любовью.

Когда я вышел из дома, день еще только наступал, но солнце так жарило, что казалось, давно миновал полдень. Правя вдоль берега, я вспомнил, как нравились мне утренние часы, когда я только-только приехал в Сан-Хуан. Было что-то свежее и бодрящее в этих первых часах карибского дня, предвкушение чего-то радостного, что ждет тебя, может статься, просто на улице или за первым же поворотом. Всякий раз, как я оглядывался на те месяцы в попытке отделить славные времена от скверных, я неизменно вспоминал те утренние часы, когда у меня случалось раннее задание — когда я занимал у Салы машину и с ревом несся по широкому, окаймленному деревьями бульвару. Я вспоминал, как маленькая машинка подпрыгивала подо мной, как солнце внезапно жарило лицо, когда я выскакивал из тени на светлую полосу; вспоминал белизну рубашки и как шелковый галстук хлопал на ветру; вспоминал беспорядочное нажатие педали газа и внезапную смену полос — скорей бы обогнать грузовик и успеть на зеленый свет.

Дальше свернуть на подъездную аллею и ударить по скрипучим тормозам, сунуть пресс-карточку под нос охраннику и оставить машину на ближайшем участке с табличкой «Парковка за-прещена». Скорее в вестибюль, стянуть плащ и остаться в новехоньком черном костюме, покачивая фотоаппаратом, пока угодливый клерк звонит моему клиенту за подтверждением встречи. Затем вверх на плавном лифте к номерам — радушное приветствие, высокопарная беседа и кофе из серебряного кофейника, несколько торопливых снимков на балконе, рукопожатие с широкой ухмылкой. Наконец вниз на лифте — и топать восвояси.

По пути в редакцию с полным карманом записок остановиться у одного из ресторанчиков прямо на пляже ради толстого гамбургера с пивом; сидя в тени, читать газеты и размышлять над безумием новостей — или откинуться на спинку стула, похотливо ухмыляясь по поводу завернутых в яркие ткани задниц и грудей, прикидывая, на скольких до конца недели еще удастся наложить лапы.

Таковыми бывали славные утренние часы, когда солнце было горячим, а воздух — прохладным и многообещающим, когда Реальный Бизнес казался на самой грани зарождения, и я чувствовал, что если двинусь чуть-чуть быстрее, то успею поймать то яркое и ускользающее, что всегда самую малость впереди.

Затем наступал полдень, и утро увядало, как полузабытое сновидение. Пот становился сущим мучением, и остаток дня был загажен мертвыми останками всего того, что могло случиться, но не выдержало пекла. Когда солнце достаточно разогревалось, оно выжигало все иллюзии, и я видел Пуэрто-Рико в его подлинном свете — дешевым, унылым и показным. Ничего хорошего там в принципе не ожидалось.

Порой в сумерки, когда ты старался расслабиться и не думать про общий застой, Мусорное Божество собирало пригоршню тех приглушенных утренних надежд и болтало ими где-то у самого порога досягаемости; качаясь на ветру, они звучали как нежные стеклянные колокольца, напоминая о том, за что ты никогда толком не хватался и уже никогда не ухватишься. Единственным способом отбросить этот дурманный образ было болтаться где-то до темноты и травить призраков ромом. Зачастую проще было не дожидаться сумерек, и тогда пьянство начиналось в полдень. Припоминаю, это не очень помогало, если не считать того, что день таким образом проходил чуть быстрее.

Грезы резко рассеялись, когда я повернул за угол на Калле-О'Лири и увидел машину Салы, припаркованную прямо у двери Эла, а рядом — мотороллер Йемона. День мгновенно скис, и меня охватила какая-то паника. Я проехал мимо Эла без остановки и все смотрел прямо перед собой, пока не свернул вниз с холма. Затем я еще какое-то время поездил, пытаюсь все обдумать, но вне зависимости от разумности своих выводов все равно чувствовал себя гадиной. Не то чтобы я не казался себе совершенно правым и ни в чем таком не виноватым, — я просто физически не мог заставить себя туда войти и сесть за столик напротив Йемона. Чем больше я об этом думал, тем хуже мне становилось. «Повесь на шею табличку, — пробормотал я себе под нос: „П. Кемп, Пьяный Журналист, Прилипала и Гадина — часы приема от полудня до рассвета, понедельник выходной“».

Кружа по Пласа-Колон, я вдруг оказался зажат вслед за грузовиком торговца фруктами — и свирепо ему засигналил.

— Ты, нацист вонючий! — заорал я. — Прочь с дороги!

Настроение окончательно портилось, и даже чувство юмора ускользало. Пора было убираться с улиц.

Я отправился в «Кондадо-Бич-Клуб», где сгорбил над большим стеклянным столом на крыше

под красно-сине-желтым зонтиком от солнца. Следующие несколько часов я провел за чтением «Негра с „Нарцисса“», а также за заметками к рассказу о расцвете и упадке «Сан-Хуан Дейли Ньюс». Я чувствовал себя донельзя хитроумным, однако после прочтения предисловия Конрада так перепугался, что забросил все надежды на то, что когда-нибудь стану чем-то, кроме неудачника.

Но только не сегодня, подумал я затем. Сегодня все будет по-другому. Сегодня мы загуляем. Устроим пикник. Раздобудем шампанского. Возьмем Шено на пляж и предадимся дикости. Настроение мгновенно переменялось. Я подозвал официанта и заказал два комплекта для пикника с манго и омарами.

Когда я вернулся в квартиру, выяснилось, что Шено ушла. Не было там никаких ее признаков, никакой ее одежды в шкафу. Зато в достатке там было зловещей тишины и холодной опустошенности.

Затем я заметил в пишущей машинке записку — несколько строк на почтовой бумаге «Дейли Ньюс» с ярко-розовым отпечатком на помаженных губ над моим именем.

Дорогой Пол!

Я больше так не могу. Мой самолет улетает в шесть. Ты меня любишь. Мы сердечные друзья. Мы будем пить ром и танцевать нагишом. Прилетай увидеться со мной в Нью-Йорке. У меня для тебя будет несколько сюрпризов.

С любовью, Шено.

Быстро глянув на часы, я увидел, что уже шесть пятнадцать. Поздно ловить ее в аэропорту. А, ладно, подумал я. Увижусь с ней в Нью-Йорке.

Сидя на кровати, я пил из горла шампанское. Затем накатила меланхолия, и я решил искупаться. Я доехал до Луисы-Алдеи, где пляж был совсем безлюден.

Прибой был высок, и, сбросив одежду и направляясь к воде, я испытывал смешанное чувство страха и рвения. Когда большая волна покатила вспять, я нырнул и позволил ей засосать себя в море. Считанные секунды спустя меня выбросило обратно к пляжу на самом гребне другой мощной волны, что несла меня вперед подобно торпедо. Затем она раскрутила меня, словно дохлую рыбину, и припечатала к песку так крепко, что спина еще несколько дней болела.

Я держался сколько мог, катаясь на прибое и дожидаясь, пока следующая большая волна выбросит меня обратно на берег.

Когда я закончил, уже стемнело и повылезали мириады сикарах — микроскопических незримых комариков. Ковыляя к машине, я чувствовал вкус крови во рту.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Понедельник был решающим днем, и не успел я толком проснуться, как почувствовал напряжение. Я опять проспал, и был уже полдень. После торопливого завтрака я поспешил прямо в редакцию.

Когда я туда добрался, то обнаружил на лестнице Моберга. Он вдумчиво читал приклепленную к двери записку. Записка была длинная и путаная, а по существу там говорилось, что газета продана лицу, управляющему имуществом несостоятельного должника, и что все претензии к прежним владельцам будут надлежащим образом рассмотрены «Стейн Энтерпрайзис» из Майами, что в штате Флорида.

Закончив читать, Моберг повернулся ко мне.

— Так нечестно, — заключил он. — Мы должны вломиться и вынести оттуда все, что не приколочено. Мне нужны деньги — у меня всего десять долларов. — Прежде чем я смог его остановить, он ударом ноги вышиб из двери стекло. — Пошли, — сказал он, пролезая в дыру. — Я знаю, где он мелкую наличность держит.

Тут затрезвонил звонок, и я потащил Моберга назад.

— Ты, псих ненормальный, — пробормотал я. — Из-за тебя сигнализация сработала. Надо поскорее отсюда сваливать, пока полиция не явилась.

Мы поехали к Элу и нашли там всю нашу компанию. Сгрудившись вокруг большого стола в патио, журналисты лихорадочно обсуждали ситуацию. Морозящий дождик вынудил их сдвинуться так плотно, словно они замыслили как минимум убийство Лоттермана.

— Вот свинья, — возмутился Моберг. — Он мог бы нам в пятницу заплатить. У него куча денег — я сам видел.

Сала рассмеялся.

— У Гитлера тоже была куча денег, но он никогда по счетам не платил.

Шварц грустно покачал головой.

— Хотел бы я пробраться в редакцию. Мне нужно несколько звонков сделать. — Он многозначительно кивнул. — Международных звонков — в Париж, к примеру. А еще в Кению и Токио.

— Зачем тебе в Токио? — спросил Моберг. — Тебя там убить могут.

— Ты хочешь сказать, это тебя там убить могут, — поправил Шварц. — А у меня там свои дела.

Моберг покачал головой.

— У меня в Токио друзья. А ты никогда друзей не заводишь — мудака ты, Шварц.

— Ах ты грязный пропойца! — воскликнул Шварц, резко вставая. — Еще одно слово — и по морде получишь!

Моберг непринужденно рассмеялся.

— Совсем ты, Шварц, дуркуешь. Гляди не пукни. Шварц быстро обошел вокруг стола и сделал такой замах, словно собрался бейсбольный мячик бросить. Будь у Моберга хоть какие-то рефлексy, он бы успел сто раз увернуться. Но он остался сидеть на месте и запросто позволил Шварцу сшибить себя со стула.

Зрелище вышло классное, и Шварц явно был доволен собой.

— Это тебя кое-чему научит, — пробормотал он, направляясь к двери. — Увидимся позже, ребята, — крикнул он нам. — Не могу с этим алкашом рядом находиться.

Моберг ухмыльнулся и харкнул ему вслед.

— Скоро вернусь, — сказал он нам. — Я должен в Рио-Пьедрас с одной бабой увидеться — деньги нужны.

Наблюдая, как он уходит, Сала грустно качал головой.

— Навидался я в жизни уродов, но с этим никто и рядом не стоит.

— Брось, — сказал я. — Моберг твой друг. Никогда этого не забывай.

Тем же вечером мы отправились на вечеринку в саду, которую давали Союз любителей рома и Торговая палата Сан-Хуана в честь духа американской образованности. Белый оштукатуренный дом смотрелся весьма затейливо — казалось, он расползается во все стороны. Позади располагался сад. В этом саду топталось не меньше сотни людей — в основном в вечерних туалетах. По одну сторону сада тянулся длинный бар, и я сразу туда поспешил. Там уже, в темпе напиваясь, торчал Донован. Он украдкой распахнул пиджак и показал мне засунутый за пояс тесак.

— Вот, смотри, — сказал он. — Мы готовы.

«Готовы? — подумал я. — К чему? Перерезать Лоттерману горло?»

Сад был полон известных толстосумов и заезжих студентов. В стороне от толпы я заметил Йемона, обнимавшего редкостно красивую девушку. Они делили пинту джина и громко смеялись. Йемон напялил черные нейлоновые перчатки, которые я счел зловещим предзнаменованием. «Господи, — подумал я, — эти идиоты уже прошли в Зазеркалье». Мне же этого совсем не хотелось.

Вечеринка была роскошная. Оркестр на веранде снова и снова играл «Сьелито-Линдо». Музыканты придали мелодии безумный темп вальса, и всякий раз, как они заканчивали, танцующие громко требовали еще. По неясной для меня причине этот момент запомнился мне отчетливее любого другого в Пуэрто-Рико. Чувственный зеленый сад, окруженный пальмами и кирпичной стеной; длинный бар, полный бутылок и льда, а за ним бармен в белом костюме; пожилая толпа в ярких платьях и смокингах, мирно беседующая на лужайке. Теплая карибская ночь, где время идет медленно и словно бы на почтительном расстоянии.

Кто-то положил мне руку на плечо. Это оказался Сала.

— Лоттерман здесь, — сообщил он. — Мы хотим его прижать.

И тут мы услышали пронзительный вопль. Я посмотрел в другую сторону сада и заметил там какую-то суматоху. Затем раздался еще вопль, и я узнал голос Моберга.

— Осторожно! — вопил он. — Береги-ись!

Я добрался туда как раз в тот самый момент, когда он поднимался с земли. Лоттерман стоял над ним, грозно размахивая кулаками.

— Ты, алканавт вонючий! Ты же убить меня хотел!

Моберг медленно встал и отряхнулся.

— Ты заслужил смерть, — прорычал он. — Умри же как крыса.

Лоттерман весь дрожал, а лицо его побагровело. Быстро подскочив к Мобергу, он снова его ударил. Моберг отлетел на каких-то людей, которые тщетно пытались убраться с дороги. Где-то рядом я услышал смех, а потом чей-то голос произнес:

— Один из парней Эда пытался его на какую-то монету развести. И ты смотри, как он завелся!

Лоттерман бессвязно вопил и колошматил Моберга, отгоняя его все дальше в толпу. Отчаянно призывая на помощь, Моберг наконец наткнулся на шедшего в противоположную сторону Йемона. Йемон отшвырнул шведа в сторону и что-то крикнул Лоттерману. Мне удалось разобрать только «мозги вышибу».

Я увидел, как физиономия Лоттермана перекашивается от изумления. Он стоял как соляной столп, когда Йемон дал ему по мозгам и отшвырнул футов на шесть. Какое-то мгновение Лоттерман дико шатался, а потом рухнул на траву — кровь потекла у него из глаз и ушей. Затем, краешком глаза, я увидел, как некая темная фигура опрометью несется через сад и врывается в эту группу подобно пушечному ядру. Все повалились на землю, но первым на ногах оказалось пушечное ядро — а если точнее, то Донован. На его безумной физиономии сияла улыбка подлинного берсерка, когда он хватал одного из мужчин за голову и разбивал ему морду о дерево. Йемон вытащил Лоттермана из-под другого мужчины и плотными ударами принялся гонять его по саду, используя как боксерскую грушу.

Толпа запаниковала и стала разбегаться.

— Вызовите полицию! — крикнул кто-то.

Сморщенная старуха в платье без лямок проковыляла мимо меня, крича:

— Уведите меня домой! Уведите меня домой! Я боюсь!

Я потащился сквозь толпу, стараясь привлекать как можно меньше внимания. Пробравшись к двери, я оглянулся и увидел кучку мужчин. Столпившись вокруг бесчувственного тела Лоттермана, они крестились.

— Вон они убегают! — крикнул кто-то, и я взглянул в заднюю часть сада, куда он указывал. В кустах слышалось шуршание, треск ломающихся веток, а потом я увидел, как Йемон с Донованом перебираются через стену.

Какой-то мужчина побежал по лестнице к двери.

— Они смылись! — крикнул он. — Кто-нибудь позвоните в полицию! Я за ними!

Я проскользнул в дверь и метнулся по тротуару к машине. Мне показалось, что где-то поблизости раздался крик Йемона, но я не мог быть уверен. Я решил поскорее добраться до Эла и сказать там, что вынырнул из буйной толпы и отправился в «Шик-блеск» спокойно попить пивка. Если кто-то на вечеринке меня узнал, такое алиби стало бы весьма шатким, но выбора у меня не было.

Я уже торчал у Эла минут пятнадцать, когда туда прибыл Сала. Торопясь к столику, он заметно дрожал.

— Слушай, приятель! — громким шепотом произнес он. — Я тут как сволочь по всему городу носился. Просто не знал куда деться. — Он огляделся, убеждаясь, что больше никого в патио нет. Откинувшись на спинку стула, я рассмеялся.

— Что, с очередной сучкой проблемы?

— С какой сучкой? — воскликнул он. — Ты что, не слышал, что случилось? С Лоттерманом сердечный приступ сделался — он мертв!

Я подался к нему.

— От кого ты это узнал?

— Я сам там был, когда его «скорая помощь» увозила, — ответил Сала. — Видел бы ты, что там творилось. Бабы орут, кругом полиция. Они Моберга взяли. — Он закурил сигарету. — Ты же знаешь — мы по-прежнему под залогом, — тихо промолвил он. — Всё, мы обречены.

У меня в квартире горел свет, а когда я торопливо поднялся по лестнице, то услышал шум душа. Дверь ванной была закрыта, и я ее распахнул. Из-за занавески высунулся Йемон.

— Кемп? — спросил он, вглядываясь сквозь пар. — Кто там, черт побери?

— Черт тебя побери! — выкрикнул я. — Как ты сюда попал?

— Окно было открыто. Придется здесь на ночь остаться — у меня на мотороллере огни не го-

рят.

— Кретин чертов! — рывкнул я. — На тебе же убийство висит! С Лоттерманом сердечный приступ случился — он мертв!

Йемон выскочил из душа и обернул вокруг талии полотенце.

— Господи, — выдохнул он. — Надо отсюда сваливать.

— Где Донован? — спросил я. — За ним тоже намылились.

Он покачал головой.

— Не знаю. Мы на мотороллере в припаркованную машину впилились. Он сказал, в аэропорт поедет.

Я взглянул на часы. Была почти половина двенадцатого.

— А где мотороллер? — спросил я.

Йемон указал на заднюю часть здания.

— Я его за углом поставил. Черт знает, как без огней сюда добрался.

Я в голос простонал.

— Господи, да ведь ты меня прямо в тюрьму затягиваешь! Одевайся. Ты отсюда уезжаешь.

Вышла десятиминутная поездка в аэропорт, причем едва мы тронулись, как налетел тропический муссон с ливнем. Пришлось вылезти и натянуть верх, но к тому времени, как мы управились, оба промокли до нитки.

Ливень был просто слепящим. В считанных дюймах над головой он барабанил по брезенту, а внизу с шипением катили по асфальту шины.

Свернув с шоссе, мы пустились по длинной дороге к аэропорту. Примерно на полпути я взглянул влево и увидел, как по взлетной полосе мчится большой самолет с маркировкой «Пан-Ам». Мне показалось, в одном из окон мелькает физиономия Донована — он ухмыляется и делает нам ручкой, пока самолет отрывается от взлетной полосы и со страшным ревом проносится мимо — крылатый монстр, полный ярких огней и народа, сплошь направляющегося в Нью-Йорк. Я съехал к обочине, и мы наблюдали, как самолет поднимается в небо и закладывает крутой поворот над пальмовыми джунглями, направляясь к морю, а в конечном итоге превращается всего лишь в красное пятнышко среди звезд.

— Он улетел, — констатировал я. — Но обещал вернуться.

Йемон усталился вслед самолету.

— А это последний?

— Ага, — ответил я. — Следующий рейс в половине одиннадцатого утра.

После краткой паузы Йемон сказал:

— Ну, наверное, надо назад рулить.

Я с интересом на него взглянул.

— Куда назад? В камеру? Чем ехать сюда завтра утром, можешь прямо сейчас сдаться. Итог все равно один.

Йемон поглазел на дождь, затем нервно огляделся.

— Да, черт возьми, я должен с этого острова убираться. Всё к тому.

Я немного подумал, затем вспомнил про паром от Фахардо до Сент-Томаса. Насколько мне было известно, он отходил каждое утро около восьми. Мы решили поехать туда и снять дешевый номер в «Гранд-Отеле». После этого Йемон должен был сам позаботиться о себе — у меня свои проблемы имелись.

До Фахардо было сорок миль, зато по хорошей дороге. Кроме того, мы никуда не спешили, так что я рулил спокойно. Ливень перестал, и ночь благоухала свежестью. Мы опустили верх и по очереди отхлебывали ром из бутылки.

— Проклятье, — вскоре сказал Йемон. — Ненавижу сниматься в Южную Америку с одним костюмом и сотней долларов в кармане.

Он откинулся на спинку сиденья и заплакал. В нескольких сотнях ярдов слева от дороги слышен был рев прибоя. Справа виднелся пик Эль-Юнке, черная громада на фоне грозного неба.

Была почти половина второго, когда мы доехали до конца шоссе и повернули к Фахардо. Тьма окутала городок, и на улицах не было ни души. Обогнув круглую площадь, мы поехали к паромной пристани. В одном квартале оттуда был маленький отель, и я остановился перед ним. Йемон пошел снять номер.

Через несколько минут он вернулся и залез в машину.

— Ну вот, — тихо проговорил он, — у меня полный порядок. Паром отбывает в восемь.

Похоже было, он хочет еще немного посидеть, так что я расслабился и закурил еще сигарету. В городке висела такая тишина, что каждый звук, который мы производили, казался угрожающе громким. Раз, когда Йемон передавал мне бутылку рома, она звякнула о руль — и я подскочил, будто от выстрела.

Йемон тихо рассмеялся.

— Не бери в голову, Кемп. Тебе не о чем беспокоиться.

Я был не столько обеспокоен, сколько напуган. Во всем этом деле было что-то зловещее, словно Бог в приступе омерзения решил стереть нас в порошок. Все наше здание рушилось; а ведь всего несколько часов назад я завтракал с Шено в солнечном покое собственного дома. Затем я отважился нырнуть в день, и нырок этот привел меня прямоком в оргию диких воплей, бьющегося стекла и убийства. Теперь история заканчивалась так же бессмысленно, как и начиналась. Все было кончено, и я нисколько в этом не сомневался, потому что Йемон уезжал. После его отъезда мог быть какой-то шум, но это уже был бы традиционный шум, с которым можно справиться и который можно даже проигнорировать — не как эти внезапные нервирующие взрывы, что засасывают тебя и швыряют туда-сюда, будто жабу в бурных водах.

Я не мог вспомнить, когда все в действительности началось, но кончалось это именно здесь, в Фахардо, темном пятнышке на карте, которое казалось краем света. Отсюда Йемон уезжал дальше, а я возвращался; это определенно было концом чего-то — только вот я не вполне понимал чего.

Я закурил сигарету и подумал про других знакомых, прикидывая, что они делают этой ночью, пока я торчу на темной улице в Фахардо, потягивая ром из горлышка вместе с человеком, который завтра утром официально станет беглым убийцей.

Йемон вернул мне бутылку и вылез из машины.

— Ладно, Пол, увидимся — бог знает где.

Я перегнулся через сиденье и протянул руку для пожатия.

— Наверное, в Нью-Йорке, — предположил я.

— Надолго ты еще здесь? — спросил он.

— Очень ненадолго, — ответил я.

Йемон в последний раз пожал мне руку.

— Большое спасибо, Кемп, — сказал он с ухмылкой. — Ты как настоящий чемпион справился.

— Черт возьми, — пробормотал я. — Все мы чемпионы, когда пьяны.

— Никто не пьян, — возразил он.

— Я пьян, — сказал я. — Иначе я бы тебя сдал.

— Не свисти, — буркнул он.

Я включил первую передачу.

— Удачи, Фриц.

— Ага, — отозвался он, пока я отъезжал. — И тебе удачи.

Мне пришлось доехать до угла, чтобы развернуться, и, возвращаясь по улице, я снова миновал его и помахал на прощание. Йемон шел к парому, и когда я доехал до другого угла, то остановился посмотреть, что он сделает. Тогда я в последний раз его видел, и очень отчетливо это помню. Йемон вышел на пирс и встал у деревянного фонарного столба, глядя на море. Единственное живое существо в мертвом карибском городке — высокая фигура в мятом костюме «палм-бич», его единственном костюме, теперь жутко грязном, выпачканном травой, с оттопыренными карманами, — Йемон в одиночестве стоял на краю света и думал о чем-то своем. Я снова помахал, хотя он стоял ко мне спиной, и дважды просигналил — а потом помчался прочь из Фахардо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

По пути в квартиру я остановился купить утренние газеты. На первой странице «Эль-Диарио» меня ошарашила фотография Йемона под крупным заголовком: «Матанца эн Рио-Пьедрас», Это была часть той самой фотографии всей нашей троицы в тюрьме, сделанной, когда нас только-только арестовали и отметили. «Н-да, — подумал я, — пошло-поехало. Игре конец».

Я поехал домой и позвонил в «Пан-Ам», чтобы заказать место на утреннем самолете. Затем стал

собирать манатки. Я упаковал всё: одежду, книги, большой альбом с моими материалами из «Ньюс» — вышло два больших рюкзака. Я поставил их бок о бок, а сверху водрузил пишущую машинку и прибор для бритья. Вот они, подумал я, мои земные сокровища, скудные плоды десятилетней одиссеи, которая уже начинала казаться безнадежным предприятием. Выходя на улицу, я вспомнил, что надо бы взять бутылку лучшего рома для Шено.

Мне оставалось получить деньги по чеку и убить три часа. Это можно было сделать у Эла, хотя я не исключал возможности, что там меня будет ждать полиция. Я все же решил рискнуть и очень аккуратно проехать через Кондадо, по гребню плотины — а потом в спящий Старый город.

У Эла было пусто — разве что в патио сидел Сала. Когда я подошел к столику, Сала поднял взгляд.

— А, Кемп, — пробормотал он. — Знаешь, у меня такое чувство, будто мне сто лет.

— А сколько тебе на самом деле? — спросил я. — Тридцать? Тридцать один?

— Тридцать, — ответил он. — Как раз в прошлом месяце стукнуло.

— Черт побери, — сказал я. — Представь, каким старым я себя чувствую — мне почти тридцать два.

Сала покачал головой.

— Никогда не думал, что до тридцати доживу. Не знаю почему, но никогда не думал.

Я улыбнулся.

— А я даже не знаю, дожил я или нет, — просто никогда не задумывался.

— Ладно, — буркнул Сала. — Надеюсь, с Божьей помощью не доживу до сорока. А то просто не буду знать, что мне с собой делать.

— А может, и будешь, — заметил я. — Пойми, Роберт, мы через гребень перевалили. Дальше дорога страшно ухабистая.

Он откинулся на спинку стула и ничего не сказал. Был уже почти рассвет, но Нельсон Отто все еще рассиживался у своего фортепиано. Мелодия называлась «Лаура» — грустные нотки выплывали в патио и повисали на деревьях как птицы, слишком усталые, чтобы летать. Ночь была жаркая, почти без ветерка, но у меня в волосах копились капельки холодного пота. За неимением лучшего я принялся изучать дырку от сигареты на рукаве моей синей рубашки.

Сала заказал еще выпивку, и Гуталин притащил четыре рома, сказав, что это за счет заведения. Мы поблагодарили его и еще полчаса просидели молча. С берега доносилось неспешное позвякивание судовых склянок, когда оно отражалось от пирса, а где-то в городке по узким улочкам ревел мотоцикл, посылая эхо вверх по холму до Калле-О'Лири. В соседнем доме то усиливались, то затихали голоса, а из бара дальше по улице вылетали хрипы музыкального автомата. Звуки сан-хуанской ночи плыли по городку сквозь слои влажного воздуха; звуки жизни и движения, пока одни люди к чему-то готовились, а другие бросали попытки, звуки надежды и звуки стойкости — а поверх всех этих звуков тихое, смертоносное тиканье тысяч голодных часов, одинокий звук времени, что течет всю долгую карибскую ночь.